PG 3447
.Z3P6
1858

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 2651

Book P

YUDIN COLLECTION

Zhadovskaya, Iu V
Povesti
609
E291
C42

ПОВѢСТИ

ЮЛІИ ЖАДОВСКОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. СМИРДИНА (СЫНА) И КОМП.
1858.

PG 3447
.Z3 P6
1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 августа 1858 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

24969 4

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

LA sept. 25-1973

I.

ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ.

I.

ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ.

Ахъ, Господи Боже мой, какая тоска! зачѣмъ мнѣ только четырнадцать лѣтъ; зачѣмъ всѣ меня считаютъ ребенкомъ — и папа́, и мамаша, и даже кузина?!. Зачѣмъ я гостилъ у бабушки и читалъ эти романы?... Теперь мнѣ только и мерещатся любовь да красавицы.... Какая тоска!... И зачѣмъ ря́дятъ меня въ эту куртку и выпускной, бѣленькій воротничекъ? Я ужъ не пятилѣтній ребенокъ.... И не́кому мнѣ сказать, что я ужъ не ребенокъ: захохочутъ — всѣ захохочутъ!... и папа̀, и maman, и эта кузина скажетъ, приподнявъ бровки: «каковъ!» О, какъ мнѣ хочется разбить или изломать что нибудь, когда она говоритъ: «ты еще ребенокъ, Жозефъ.» Я почти бросилъ всѣ игрушки, чтобы не казаться ребенкомъ, и съ недѣлю ужъ не сажусь на Нарцизку — папенькина пуделя. Господи! зачѣмъ я читалъ романы! — Игралъ бы я и былъ веселъ, а теперь — сижу да пишу въ свободные часы, пока гувернеръ мой Иванъ Иванычъ занимается въ своемъ кабинетѣ....

Вѣдь надо же было умереть тетенькѣ, и кузинѣ сдѣлаться совсѣмъ сиротой, чтобъ пріѣхать къ намъ жить! Папá опекунъ ея. И надобно же, чтобъ она была такъ хороша, какъ пишутъ въ этихъ проклятыхъ романахъ и повѣстяхъ!... Чудесная, стройная, съ локонами; иногда задумчивая, иногда же веселая и рѣзвая. Сердце у меня такъ и бьется, когда она подходитъ ко мнѣ, оправляетъ мои волосы и цѣлуетъ меня въ лобъ....

— Я люблю васъ! — сказалъ я ей вчера; она улыбнулась и потрепала меня по щекѣ....

Что, еслибъ Иванъ Иванычъ зналъ, чтò я пишу! Сколько бы насмѣшекъ.... Спрятать тетрадку. Однако надо замѣтить, котораго числа я началъ ее.... Забылъ, которое сегодня. Пойду, побѣгу спросить у maman.

Маменька въ огородѣ: тамъ садятъ сѣмена. Спросилъ у Ивана Иваныча.

— Зачѣмъ вамъ?

— Такъ....

— Я не люблю этихъ дѣйствій безъ причинъ;— надобно, чтобы все имѣло свою цѣль.

Ужъ этотъ мнѣ Иванъ Иванычъ! на все у него готово нравоученіе. Однако все мнѣ лучше, когда онъ говоритъ серьёзно, нежели кричитъ— «шалите! — какъ вамъ не стыдно!» точно на малютку.

Ужъ 5 часовъ. Вѣрно кузина въ саду. Иванъ Иванычъ сейчасъ выйдетъ изъ кабинета и мы сядемъ учиться. Пойду на минуту въ садъ....

Опять забылъ выставить число: сегодня 8 мая.

12 *мая.*

Сейчасъ изъ сада.... Хорошо, что этотъ садъ

у насъ.... кузина такъ любитъ зелень и шумъ деревьевъ. Она вчера говорила Ивану Иванычу:

— Въ этомъ шумѣ, я слышу что-то невыразимо-отрадное.... Мнѣ кажется, что это языкъ другаго міра....

У ней навернулись слезы. Я не могъ видѣть ея слезъ.... Убѣжалъ въ самый тѣнистый уголъ сада и плакалъ. Черезъ минуту и она — кузина и Иванъ Иванычъ пришли туда.

— Что ты, Жозефъ? — сказала кузина, положивъ свою ручку ко мнѣ на плечо, — ты плакалъ?

— О чемъ вы плакали? — прибавилъ Иванъ Иванычъ.

— Нѣтъ, вѣтка хлеснула мнѣ въ глаза, когда я бѣжалъ сюда, — отвѣчалъ я.

Мнѣ ни за что̀ не признаться, что мнѣ бываетъ и грустно, и сердце у меня бьется. Мнѣ такъ горько думать, что надъ этимъ будутъ смѣяться.

Не знаю отчего, но съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Иванычъ сталъ подолгу разговаривать съ кузиной, я что-то не люблю его. Я часто слушаю ихъ разговоры. Мнѣ досадно, что онъ такъ хорошо говоритъ.... Кажется просто — ужъ какъ просто, а пріятно слушать.... Я всегда сижу у ногъ кузины, на травѣ, когда она на дерновой скамьѣ разговариваетъ съ Иваномъ Иванычемъ. Какой-то волшебникъ этотъ Иванъ Иванычъ! Вѣдь, посмотришь — не хорошъ, а начнетъ говорить, точно переродится. И что̀ за голосъ у него.... Ахъ, Господи! зачѣмъ я ребенокъ! Я думаю.... какъ горько!... кузина полюбитъ Ивана Иваныча.... И теперь они ходятъ по алеѣ сада, а я сижу да пла̀чу. И играть мнѣ не хочется. На дняхъ, началъ клеить коробочку, такъ и бросилъ — не дѣ-

лается. Вчера вечеромъ, гуляя по саду, я разсматривалъ по дорожкамъ слѣды ея ножекъ, и нашелъ бѣлую розу, которая была приколота къ ея волосамъ. Что̀ бы, кажется, этотъ цвѣтокъ? — а я цѣлую его, и мнѣ и весело, и грустно. Бѣдный я!

13 *мая.*

Зимой повезутъ меня въ Петербургъ держать экзаменъ въ Лицей. Сегодня объ этомъ говорилъ папà, и maman плакала.... Слезы у меня такъ и застилали глаза, но я удержался; тутъ же сидѣла кузина, я не хотѣлъ плакать: пусть же она видитъ, что я ужъ не ребенокъ. Потомъ, — я нечаянно подслушалъ, она говорила Ивану Иванычу:

— Изъ Жозефа что нибудь выйдетъ: онъ не похожъ на другихъ дѣтей его лѣтъ. У него необыкновенная сила характера. Замѣтили вы, сколько труда стоило ему давича не заплакать?... и онъ удержался.

— Да, я давно въ немъ замѣчаю недѣтскіе порывы, но боюсь одобрять ихъ, — онъ слишкомъ пылокъ....

Каковъ Иванъ Иванычъ! Я думалъ, что онъ и не думаетъ обо мнѣ. О! какой я умникъ, что не заплакалъ!

15 *мая.*

Вчера, когда мы втроемъ сидѣли въ саду, Ивана Иваныча позвали къ маменькѣ и я одинъ остался съ кузиной. Я подумалъ объ этомъ и покраснѣлъ, такъ мнѣ было неловко, а она смотрѣла такъ прямо и свободно....

— Мой другъ! потрудись мнѣ сорвать вѣтку жимолости, — сказала она мнѣ.

Я бросился исполнить ея желаніе и подалъ ей вѣтку; она наклонила мою голову и нѣжно поцѣловала меня.

— Какіе у тебя славные волосы, Жозефъ! —сказала она, поправляя ихъ своей бѣленькой ручкой.

— У меня почти такіе же черные, какъ у Ивана Иваныча.... отвѣчалъ я, и сердце у меня такъ билось, такъ билось....

Я взглянулъ на нее — щека ея вспыхнула. Мнѣ было весело заставить ее краснѣть.

— Кажется, у него чернѣе? — продолжалъ я.

— Я не сравниваю.

— О, конечно, онъ несравненъ!...

Я такъ былъ золъ въ эту минуту и на него, и на нее, и на все; душа замирала....

— Жозефъ! что это значитъ? — и голосъ ея дрожалъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ я. Гдѣ мнѣ знать: я ребенокъ....

И я пошелъ вдоль по алеѣ. Я думалъ, что она вскочитъ, убѣжитъ, разсердится. Отойдя нѣсколько шаговъ, я оглянулся. Она все еще сидѣла на скамьѣ, голова ея склонилась.... Мнѣ вдругъ стало жаль ея: я подошелъ къ ней.... Господи Боже! слезы тихо катились по ея щекамъ. Я бросился цѣловать ея руки.

— Вы плачете — я огорчилъ васъ! Милая кузина! простите меня!... смотрите, я на колѣнахъ.... неужели вы не простите меня?...

— Я не сержусь, Жозефъ: я знаю, что ты неумышленно огорчилъ меня.... и не знать тебѣ, какъ ты огорчилъ меня!...

Я рыдалъ у ея ногъ, положивъ голову къ ней на колѣна.

— Не плачь, мой другъ, я не сержусь. Не плачь же....

Она поцѣловала меня и ушла.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИВАНА ИВАНЫЧА.

---

5 *августа.*

Зачѣмъ эта страсть овладѣла мною! Думалъ ли я, при выходѣ изъ университета и принимая дипломъ на званіе наставника, что буду такъ тяжко, такъ невыразимо страдать!... Жизнь моя казалась до того пустой и жалкой, что я даже не обращалъ на нее вниманія. Безъ мѣста, безъ друзей и родныхъ, мнѣ было все равно, гдѣ бы ни жить, съ кѣмъ бы ни жить. Судьба была милостива ко мнѣ: доставила мнѣ довольство въ этомъ домѣ.... Переступая за порогъ его, думалъ ли я, что въ душѣ моей созрѣютъ такія непонятныя ощущенія, что въ сердцѣ раскроется такая глубокая рана!... Гордый тѣмъ, что силою воли заглушилъ въ себѣ всѣ желанія, все порывы честолюбія, я считалъ себя мудрецомъ — самопобѣдителемъ, и любовался своимъ душевнымъ порядкомъ — этимъ смиреніемъ страстей! И, вотъ, я жестоко наказанъ за эту духовную гордость. Страсть овладѣла мною, поглотила всѣ мое бытіе.... И она любитъ! Въ ея чистой душѣ горитъ и теплится святое чувство.... Она любитъ! эта мысль душитъ меня. Что̀ я буду дѣлать? Жениться безъ имени, безъ состоянія.... о, никогда, никогда!... Отравить жизнь ея своимъ ничтожествомъ;

заставить ее краснѣть при имени мужа.... это хуже смерти! Дядя ея выгонитъ меня изъ дому при одномъ намекѣ объ этомъ. Богатая наслѣдница — и выйти за бѣднаго безъименнаго гувернера!... Эта мысль недоступна ея гордымъ родственникамъ; они не обращаютъ вниманія на наши разговоры и прогулки и безъ опасенія позволяютъ ей быть со мною на-единѣ. Правда, присутствіе Жозефа обезпечиваетъ ихъ. Сколько разъ я хотѣлъ бѣжать отсюда — и не могъ.... Безумецъ! безумецъ!

20 *августа.*

Жалкое я созданіе! ничтожный наемникъ!... Какая пустота впереди!... Нѣсколько дней отравленнаго счастія, нѣсколько дней возвышенныхъ порывовъ, а тамъ опять потянется жизнь безотрадной и грязной дорогой! Она сама хорошо понимаетъ наши отношенія и всѣми силами старается задушить страсть, которая выражается въ каждомъ ея движеніи. Бѣдная! я причиною ея слезъ и страданія!... Вѣдь умираютъ же другіе.... отчего же я не умру?!...

ЗАПИСКИ ЖОЗЕФА.

---

28 *августа.*

Кузина нездорова. Милочка, душечка моя! Какъ мнѣ жаль ее! Она похудѣла и стала такъ блѣдна.... Все кашляетъ, говоритъ, что бокъ и грудь сильно болятъ. Послали за докторомъ.

30 *августа.*

Докторъ говоритъ, что она простудилась, потомъ сказалъ maman, что она отъ природы склонна къ чахоткѣ.... Папà задумался, маменька плакала. Какъ у меня замираетъ сердце! Я сегодня плакалъ цѣлое утро. Вчера она сказала мнѣ:

— Жозефъ! ты будешь приносить цвѣты на мою могилу?

Я убѣжалъ въ другую комнату, упалъ на диванъ и зарыдалъ. Этотъ Иванъ Иванычъ какой-то безчувственный.... ни слезки никогда! только хмуритъ брови....

5 *сентября.*

Вчера, въ сумерки, я тихо подошелъ къ дверямъ гостиной.... Кто-то плакалъ, и слышно было, что старался удержать рыданіе. Луна свѣтила. Я посмотрѣлъ въ щелку: Иванъ Иванычъ сидѣлъ на низенькомъ табуретѣ у креселъ, на которыхъ сидѣла кузина. Откинувъ головку назадъ, положивъ лѣвую руку къ нему на плечо, она правою закрыла лицо и тихо говорила:

— Мой другъ! такъ Богу угодно!

Луна обливала ихъ своимъ свѣтомъ. Я смотрѣлъ на нихъ, какъ на картину.... Каковъ же Иванъ Иванычъ! — я думалъ, онъ не умѣетъ плакать!

7 *сентября.*

Ахъ, какъ мнѣ скучно! Гулять не хочется — холодно.

Не знаю, какъ Иванъ Иванычъ можетъ ходить такъ долго по саду, въ одномъ сюртукѣ. Пойду къ кузинѣ.... она, бѣдная, одна: папà на охотѣ, маменька хозяйничаетъ. Слава Богу, что у меня

такая хорошая память и я скоро учу уроки, а то бы мнѣ нѐкогда было и посидѣть съ кузиной.

Вчера я пришелъ къ ней за полчаса до обѣда; она сидѣла одна, въ креслѣ, и печально глядѣла въ окно.... Я тоже посмотрѣлъ — ничего пріятнаго: сѣрое небо, дождикъ шелъ крупными, рѣдкими каплями, и онѣ, точно слезы, катились вдоль стеколъ; вдали, пожелтѣлое поле и синяя полоса лѣса, а она, по цѣлымъ часамъ, глядитъ на все это. Лѣтомъ другое — тогда протянусь, бывало, на мягкой травѣ сада и гляжу подолгу въ небо. Чтó за цвѣтъ чудесный, и чтò за облачка — бѣленькая, свѣтленькія,—такъ бы и досталъ рукой! Вѣтеръ вѣетъ такъ пріятно, деревья шепчутся, птички-шалуньи то и дѣло щебечутъ, да перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку.... А теперь — какъ посмотрю вокругъ!... да и смотрѣть-то не хочется....

13 *сентября.*

Кузинѣ все хуже. Сегодня пріѣзжалъ Карлъ Ѳедоровичъ. Когда онъ, уѣзжая, подходилъ къ передней, я бросился къ нему и спросилъ, со страхомъ:

— Карлъ Ѳедорычъ! скажите, ради Бога, кузина умретъ?

— А мой почемъ знаетъ? Какъ Богу угодно будетъ есть.

Я возвратился къ ней.

— Посиди со мной, Жозефъ, — сказала она.

Чудная она какая-то, право: кажется, говоритъ просто, а слушая ея голосъ, такъ плакать и хочется.... Я сѣлъ возлѣ нея.

— Ты любишь меня, Жозефъ?

Я схватилъ и цѣловалъ ея руки.

— Послушай же, мой другъ: говорятъ, я богата, но я ничѣмъ не обязана этому богатству, — оно не доставило мнѣ ни одной святой минуты... Все равно, какъ бы у меня его и не было. Но вотъ, этимъ двумъ вещамъ, — тутъ она взяла со стола двѣ книги, — повидимому столь незначущимъ, я обязана самыми прекрасными минутами.... я обязана имъ моимъ спокойствіемъ на землѣ, и, можетъ быть, — Богъ такъ милосердъ, блаженствомъ на небѣ. Возьми ихъ, Жозефъ, послѣ моей смерти, кажется очень близкой; и, если ты точно любишь меня, то сохранишь ихъ въ память обо мнѣ. Обѣщай мнѣ, другъ мой, заглядывать въ нихъ чаще, въ продолженіе твоей жизни; обѣщай мнѣ — если любишь меня.

И слезы катились по ея щекамъ. Я не успѣлъ отвѣчать ей, я только сталъ на колѣна и поцѣловалъ книги. Это были «Евангеліе» и «О подражаніи Христу.»

25 *сентября.*

Сегодня maman уѣхала, въ 9 часовъ утра, къ Дарьѣ Яковлевнѣ Горсточкиной, нашей сосѣдкѣ и пробудетъ тамъ до вечера. Передъ отъѣздомъ она съ папа́ сидѣла у кузины.

— Выздоравливай, дружокъ, говорила ей маменька, на зиму поѣдемъ въ городъ, повеселимъ тебя.

Кузина улыбнулась....

— Экая дрянь! сказалъ папа̀, цѣлуя ее, все хвораетъ!

Кузина взяла его руку и поцѣловала. Я замѣчаю, она стала очень мало говорить: все знаками старается отвѣчать.... Когда она улыбается,

или качаетъ отрицательно головой, мнѣ еще грустнѣе.

Вчера Иванъ Иванычъ долго читалъ ей. Потомъ она разсказывала ему о своемъ дѣтствѣ, о предположеніяхъ ея матери, о ея нѣжности къ ней. Лице у ней разгорѣлось и она стала почти такая же хорошенькая, какъ прежде.... Дай-то Богъ, какъ бы она поправилась!

Вышедъ изъ ея комнаты, Иванъ Иванычъ взялъ шляпу.

— Неужели вы въ садъ, въ такую погоду? — спросилъ я.

— Да.

Какой сталъ блѣдный Иванъ Иванычъ, просто ужасъ! Странный онъ, право!... Я бы на его мѣстѣ рвался и плакалъ, какъ сумашедшій.... Я и теперь готовъ разбить себѣ голову, какъ подумаю, что кузина умретъ.... а онъ ничего: ходитъ себѣ по сырому, пожелтѣвшему саду, скрестивъ руки на груди.... Надняхъ, я хотѣлъ было подсмотрѣть, не плачетъ-ли онъ—нѣтъ! То походитъ, то прислонится къ дереву и стоитъ недвижимъ, точно статуя.

1 *октября.*

Сегодня кузина пріобщалась Св. Таинъ. У меня и до сихъ поръ глаза рѣжетъ — такъ я много плакалъ и молился. Видно Богу угодно, чтобъ умерла она.... а все мнѣ какъ-то не вѣрится.

10 *октября.*

Господи! неужели, въ самомъ дѣлѣ, она умерла! Ахъ, Царь Небесный! что это со мной дѣлается?... Точно весь мозгъ у меня перевернул-

ся.... Смерть.... Я въ первый разъ видѣлъ, какъ умираютъ.... Минута — и нѣтъ!... И ужъ я не увижу ее.... никогда, никогда!... И голоса ея не услышу!... Какъ она покойна мертвая! и грусти у ней нѣтъ на лицѣ.... Я все стою у ея гроба.... Сегодня былъ въ теплицѣ, нарвалъ цвѣтовъ и зелени и положилъ ей на грудь. Напрасно я говорилъ ей: «милая кузина! это для васъ». Молчитъ.

Вотъ какъ умерла она: вчера, послѣ обѣда, мы всѣ — я, Иванъ Иванычъ, папà и maman — собрались въ ея комнату. Она лежала. Все на ней было какъ-то хорошо — и чепчикъ бѣленькій и бѣлый капотъ. Я видѣлъ больную маменьку, но тогда на ней все не хорошо; — кузина же всегда хороша.... Она сдѣлала мнѣ знакъ подойти. Я подошелъ. Она дрожащею рукой сняла съ себя золотой крестикъ и сказала тихо:

— Это тебѣ, Жозефъ; а это, — продолжала она, снимая съ руки кольцо, *ему:* пусть оно напоминаетъ ему вѣчность.

Я отдалъ кольцо Ивану Иванычу. Мы всѣ молчали. Вошелъ священникъ. Она улыбнулась — и ужъ не грустно, а какъ-то особенно пріятно.... Священникъ еще приготовлялся читать, какъ она вдругъ приподнялась и быстро проговорила:

— Слава Богу! я умираю.... молитесь! Жозефъ!...

И снова упала на подушки. Когда maman подошла къ ней — она была холодна и безмолвна....

11 *октября.*

Я что-то боюсь этого Ивана Иваныча! Онъ меня просто ненавидитъ: такъ онъ иногда на меня ужасно смотритъ. Вчера я пришелъ въ залу, чтобъ посмотрѣть на кузину, — завтра ужъ по-

хоронятъ ее, — и только всталъ у ея гроба, какъ онъ вошелъ.... У него было какое-то особенное лицо въ эту минуту.... Подойдя ко мнѣ, онъ взялъ меня за руку, и почти вытолкнулъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова.... Милая кузина!... Ахъ, какъ мнѣ грустно!...

17 *октября.*

Ужъ нѣтъ ея! Какъ пусто стало въ домѣ.... Какая тоска! Когда я плакалъ на похоронахъ, maman все уговаривала меня:

— Полно же, мой другъ! Этакъ, пожалуй занеможешь. Что же дѣлать, Божья воля!...

Какъ досадно, когда уговариваютъ!

Иванъ Иванычъ сегодня уѣхалъ. Бѣдный Иванъ Иванычъ! Какъ мнѣ жаль его. Я думалъ, онъ не любитъ меня — напрасно: за полчаса до отъѣзда онъ вошелъ ко мнѣ:

— Прощай, Жозефъ! — сказалъ онъ. — Ты вѣрно скоро позабудешь о своемъ бѣдномъ учителѣ.... Желаю тебѣ счастія....

— Ахъ, Иванъ Иванычъ! я никогда васъ не забуду! — вскричалъ я.

Онъ подошелъ ко мнѣ и обнялъ меня съ такой нѣжностью. Я почувствовалъ, что онъ любитъ меня....

— Куда вы уѣзжаете? — спросилъ я.

— Не знаю.

И на глазахъ у него свѣтились слезы. — Какъ мнѣ жаль его!

21 *октября.*

Милая моя кузина! Передо мною «Евангеліе» и «О подражаніи Христу», подаренные ею.... Какъ

мнѣ дороги эти книги! Ни за что̀ съ ними не разстанусь — никогда! Буду читать ихъ чаще.

— Ну, Жозефъ, теперь ты богатъ! — сказалъ мнѣ сегодня папа̀, — все имѣніе покойной сестры перешло въ наши руки; ты *въ сорочкѣ* родился.

Что мнѣ въ богатствѣ, Богъ съ нимъ! *Она* говорила, что оно не можетъ доставить ни одной святой минуты.... Какъ часто *она* мнѣ повторяла: «будь добръ, Жозефъ — и будешь счастливъ».

Думалъ ли я, начиная эту тетрадку, что все это такъ кончится, — что кузина умретъ, Иванъ Иванычъ уѣдетъ!... Я думалъ, что жизнь моя все одинаково будетъ идти. — Удивительно, какъ maman такъ скоро утѣшилась, какъ будто ничего не бывало: все такъ же хлопочетъ съ хозяйствомъ.... Какъ они рѣдко вспоминаютъ ее.... Богъ съ ними!... Бѣдная кузина! бѣдный я!

24 *октября.*

Вотъ, завтра меня повезутъ въ Петербургъ. Маменька заливается слезами.... И мнѣ хочется плакать.... Ахъ, что-то будетъ изъ богатаго и вмѣстѣ бѣднаго Жозефа!... Пойду, прощусь съ могилкой кузины.... Я ужъ просилъ садовника насадить весной цвѣтовъ на ней. Кузина такъ любила цвѣты.... И березокъ просилъ насадить, чтобы въ жары тѣнь была....

1847.

II.

НЕУМЫШЛЕННОЕ ЗЛО.

II.

НЕУМЫШЛЕННОЕ ЗЛО.

Въ одинъ грустный, осенній вечеръ, двѣ молодыя женщины сидѣли на покойномъ диванѣ, въ прекрасно-убранной комнатѣ.

— Мудрено ли въ тебя влюбиться, Вѣра, — говорила одна изъ нихъ своей подругѣ, — въ тебя влюбился бы житель Алеутскихъ острововъ, не только твой бѣдный деревенскій обожатель, твой герой въ толстомъ, темно-зеленомъ сюртукѣ, обладатель одного мужика и клочка земли.

— Ахъ, Catherine, — я глубоко раскаиваюсь, что потревожила его мирно-дремавшую душу моими глупыми уроками. Право, я не хотѣла ему сдѣлать зла. Я хотѣла только бросить лучъ поэзіи на его темную жизнь, и усладить ее познаніемъ лучшаго. Ненавижу тотъ день, въ который я встрѣтила его въ рощѣ, робкаго и застѣнчиваго. Я полюбила его, какъ ребенка, за его красивыя кудри и нѣжное лицо, не думая, что сдѣлаю его

несчастнымъ. Дай Богъ, чтобъ онъ забылъ обо мнѣ, какъ о тяжеломъ сновидѣніи!

— О чемъ ты такъ хлопочешь? велика бѣда, что мальчикъ влюбился!...ты слишкомъ добра.— Но покажи же его письмо. Мнѣ до смерти хочется познакомиться съ произведеніями такого рода писателя.... не то, право, скажу твоему мужу, который самъ влюбленъ въ тебя не меньше этого Ѳеди.

— Вотъ ключикъ отъ моего рабочаго столика; потрудись отпереть и вынуть пачку простой, сѣрой, исписанной бумаги.

Черезъ нѣсколько минутъ, Catherine возвратилась съ письмами. Вѣра начала читать вслухъ:

—

Боже мой! какъ же теперь я начну письмо мое?

«Милостивая государыня — вы мнѣ не приказали писать, а безъ этого начала пропалъ я совсѣмъ.... Вчера вы мнѣ говорили, чтобы я описывалъ вамъ мои чувства и мысли.... Въ чувствахъ и въ мысляхъ у меня все одно — вы. Цѣлые дни я все думаю о томъ, что вы, точно ангелъ небесный, на меня, на этакое ничтожество, вниманіе обратили; что вы, точно какое божество, новаго человѣка изъ меня сдѣлали. Думалъ я прежде, что только въ сказкахъ бываютъ такія добрыя волшебницы, а, вотъ, и на яву встрѣтилъ.... Вчера, я во снѣ видѣлъ, что вы меня на облака поднимали и, будто, съ самой высоты снесло меня вихремъ внизъ, а вы полетѣли все выше и выше, и наконецъ, исчезли въ голубомъ небѣ.... Господи! какъ мнѣ тяжело было! Я рвалъ волосы и въ отчаяніи катался по землѣ....Вдругъ,

вижу, подходитъ ко мнѣ угрюмый и безобразный старикъ и говоритъ съ грубымъ смѣхомъ, «а братъ, свалился! теперь не уйдешь отъ насъ!» схватилъ меня костлявыми и холодными, какъ ледъ, руками, да и тащитъ въ болото.... Я перекрестился отъ радости, когда проснулся. Спасибо матушкѣ, что разбудила. Перепугалась моего крика; спрашиваетъ: «Что ты, Ѳедя, что ты, Богъ съ тобою, видно *стѣнь* на тебя навалилась....» Я ей не сказываю, что васъ знаю, и что въ рощѣ почти всякій день вижу. Она человѣкъ старый — гдѣ ей понять мое счастье! Еще меня же прибранитъ... скажетъ: «Видно ты глупъ, Ѳедя: куда лѣзешь? Гдѣ тебѣ съ этакой госпожей видаться да разговоры вести....» Пора мнѣ кончить. А какъ кончать? — опять бѣда. «Честь имѣю остаться» — вы тоже не приказали писать, а иначе я не умѣю кончать писемъ. Пускай же остается безъ конца...

Ахъ, еслибъ вы видѣли, что со мной дѣлается, когда вы играете на фортепіано, въ саду, въ большой бесѣдкѣ! Вы не знаете, что я стою у забора и замираю отъ тоски. Рвется душа! самъ не вѣдаю, чего желаю. Летѣлъ бы куда-нибудь!... какъ мнѣ хочется запѣть какую-нибудь чудную пѣсню, выпѣть все мое горе! Какъ все тихо кругомъ! Хотѣлъ бы я бури, грому.... Давича поднялась было туча, да прошла мимо. — Когда-то я увижу васъ?

Что̀ я, живу или сплю? Мнѣ кажется, я вижу сонъ. Вчера, я лежалъ на травѣ, закрывъ глаза,

на лугу и думалъ объ этомъ. Вдругъ, будто кто сталъ говорить мнѣ: «Спи, Ѳедя, спи, бѣдняжка, пока видишь сладкіе сны!... не просыпайся — бѣда будетъ: точно могила темна и страшна, раскростся передъ тобою жизнь твоя, и крѣпко заключитъ тебя, и не будетъ изъ нея выходу; не уснешь тогда, не успокоишься, пока не ляжешь въ другую могилу, въ сырую землю. Спи, Ѳедя, спи!...» Вскочилъ я, тяжело стало.... заплакалъ. И не знаю, какъ я это слышалъ — во снѣ или въ самомъ дѣлѣ кто говорилъ мнѣ....

—

Два дня не видалъ васъ, и точно сумашедшій хожу.... Что̀ же будетъ, когда вы уѣдете!... Да я и думать-то объ этомъ не хочу, и быть-то этого не можетъ. Это все равно, какъ когда подумаешь о смерти: никакъ не вѣрится, что умрешь;—и я, грѣшный человѣкъ, такъ-таки и не вѣрю, что умру.... Ахъ, вѣрь-не вѣрь, какъ съ косой-то явится — никуда не уйдешь! — Вчера, урвался я побывать въ рощѣ; пришелъ на то мѣсто, гдѣ вы всегда сидите, — подъ двумя большими березами, между которыми, словно нарочно для васъ, бугорокъ выросъ,— нѣтъ васъ, а трава примята. Самъ не знаю, отъ чего сердце у меня заболѣло; я заплакалъ, какъ ребенокъ, и сталъ цѣловать примятую траву....

—

Правду вы говорили вчера, что у человѣка есть другой міръ, кромѣ того, который онъ видитъ обыкновенными глазами; что этотъ міръ въ душѣ его. Да куда дѣться съ этимъ міромъ въ бѣдно-

сти — хоть бы, напримѣръ, мнѣ? Работать надо; матушка бранится.... Вотъ, на эту зиму судья обѣщалъ опредѣлить меня въ судъ писцомъ.... авось, лучше будетъ. Вотъ что̀ ожидаетъ меня; вотъ мое будущее! Въ такихъ обстоятельствахъ, что̀ будешь дѣлать съ этимъ другимъ міромъ, который дѣлаетъ жизнь противной, тянетъ въ высоту, и, Богъ знаетъ, какими грезами голову набиваетъ? Голова, подчасъ, кружится, сердце ноетъ.... Только и отрады, что подумаю о васъ, о вашемъ ангельскомъ взорѣ.

—

Право, я счастливъ теперь — много хорошаго узналъ отъ васъ. Безъ васъ я бы вѣкъ былъ дуракомъ. Какъ мнѣ васъ благодарить! — Господи! какъ вы были вчера прекрасны! Много къ вашей бабушкѣ съѣхалось гостей на имянины — никого лучше васъ не было. Какъ у васъ локоны вились, какъ глаза блестѣли. Смотрѣлъ я на барышенъ Мариныхъ, на Авдотью Ѳедоровну — посмотрѣлъ, да и отвернулся.... Вотъ, вѣдь, кажется, и разряжены.... а вы и просто одѣты, да глазъ не отведешь. — Видѣлъ я, какъ вы пошли по алеѣ, подъ руку съ новымъ сосѣдомъ, что̀ изъ Петербурга недавно пріѣхалъ. Какая васъ была парочка! какъ онъ славно одѣтъ и все въ лорнетъ смотритъ. Что-то онъ говорилъ съ вами?... Господи! какъ я подумаю, что̀ я противъ него! И что на мнѣ за сюртукъ, изъ какого толстаго сукна!... Какъ бы меня, кажется, въ этакое общество ввели, я и поклониться бы не умѣлъ, совсѣмъ бы потерялся. Вы вчера, я думаю, не вспомнили, что есть человѣкъ, у котораго въ глазахъ тем-

нѣтъ и сердце бьется такъ, что дышать больно, когда онъ на васъ смотритъ? Да и гдѣ же!... Не гнѣвайтесь, что пишу вамъ это.

—

Что это вы мнѣ за книжку дали! Сегодня я всю ночь не спалъ: окошки всѣ растворилъ, — душно стало, стѣны давили меня.... летать хотѣлось, да пѣть, только не изъ пѣсенника, а что-нибудь новое.... Думалъ, что умираю, — такое со мной чудное дѣлалось. Ахъ, что вы со мной сдѣлали!... Въ головѣ у меня огонь, въ сердцѣ огонь.... духъ захватываетъ.... Люблю я васъ! пусть вы это узнаете, пусть вы разсердитесь, — все мнѣ легче будетъ, чѣмъ таить. Видно я помѣшался.... Хорошо, что вы не передо мной въ эту минуту — все бы забылъ, — обнялъ бы васъ, поцѣловалъ!... Пишу это и чувствую тоже, что человѣкъ, который летитъ съ закрытыми глазами въ пропасть....

—

Вы сердитесь! Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ, за что вамъ гнѣваться? вы стали со мной такъ суровы и холодны. Вамъ, можетъ быть, обидно, что васъ любитъ такой бѣдный и ничтожный человѣкъ, какъ я? Знайте, я уже не ничтоженъ послѣ того, какъ узналъ васъ; въ сердцѣ у меня есть кладъ, который не отдамъ ни за какія богатства.... Что же это со мной? Какъ я смѣю писать вамъ такъ смѣло? Я ли это? Нѣтъ, это не я, а другой человѣкъ — я не осмѣлился бы писать такъ. Простите вы меня, не гнѣвайтесь: я ни слова больше не упомяну о любви моей; позвольте

только въ послѣдній разъ написать, что: люблю васъ!... Мнѣ легче отъ этого.

—

Посмѣялся я сегодня, проснувшись: открылъ глаза, вижу, матушка стоитъ у меня въ ногахъ, скрестивши руки, съ печальнымъ лицомъ; Мавра-просфирня, читаетъ шопотомъ свои *наговоры*, разводитъ надо мной руками и плюетъ на всѣ стороны. Я вскочилъ. «Что ты, матушка? что вы, съума что ли сошли?» Но она, вмѣсто отвѣта, вспрыснула меня холодной водой, отчего я вздрогнулъ.» Да зачѣмъ же это, матушка, я здоровехонекъ?» (А просфирня все шептала свои наговоры.) — «Полно, дружекъ ты мой, ты здоровехонекъ! Видно черный глазъ на тебя посмотрѣлъ, или злые люди *напустили*. Голубчикъ ты мой! Вѣдь ты и самъ не вѣдаешь, — по ночамъ не спишь, говоришь такое чудное, во снѣ вскакиваешь и кричишь, такъ что меня страхъ беретъ. Выпей-ко лучше, благословясь, вотъ этой водицы наговоренной.» — «Выкушайте, сударь» — примолвила Мавра. И когда я выпилъ, чтобы успокоить матушку, Мавра сказала: «Теперь Богъ *милостивъ* — все пройдетъ.» Ахъ, не знаютъ онѣ, что не заговорить и не отчитать имъ моей болѣзни! Увижу-ли васъ сегодня? Будьте такъ добры, придите на ваше любимое мѣсто!

—

Будь я богатъ, я такъ же бы могъ ѣхать съ вами рядомъ на чудесной лошади, и смотрѣть въ лорнетъ на небо и на васъ и, склонясь разговаривать съ вами, какъ вчера петербургскій.... А

какъ вы хороши въ этомъ длинномъ, синемъ платьѣ, въ шляпѣ съ голубымъ перомъ!... Какъ вы близко около него ѣхали! И не замѣтили меня, а, кажется, я стоялъ у самой дороги.... И хорошо, что не замѣтили: я бы не зналъ, что дѣлать — поклониться или нѣтъ? Еще, пожалуй, петербургскій насмѣялся бы, что у васъ такой знакомый; пожалуй, вы бы устыдились.... я бы, кажется, на мѣстѣ умеръ!...

—

Какъ вы добры! — вы не забыли меня, вы подарили меня вчера ласковымъ словомъ!... Какъ подумаю, что я такъ молодъ и что мнѣ долго еще жить, то меня беретъ страшная тоска. Знаете ли, я ужъ не боюсь теперь смерти — право, не боюсь. А что если бы я умеръ — пожалѣли-ли бы вы обо мнѣ? Можетъ-быть, заплакали бы.... Господи! для одного этого умеръ бы!... Вы не хотѣли и минутки вчера побыть со мной! куда же вы торопились? Вы, можетъ, боялись, чтобъ я не сталъ говорить вамъ о моихъ глупыхъ чувствахъ. Ахъ, чего вамъ бояться.... я дерзокъ только на бумагѣ, — при васъ я нѣмѣю и теряюсь. — Только позвольте писать вамъ. — Небо что-то хмурится, да и птицы летаютъ стадами, — видно непогода будетъ. Помѣшаетъ она вамъ гулять! — пожалуй, долго васъ не увижу; — грустно, а дождя надо для травы и хлѣба: — избави Богъ прошлогодняго неурожая!

—

Правду ли это вы сказали вчера, что скоро уѣзжаете, что ужъ третій мѣсяцъ какъ вы здѣсь? — Когда же время прошло? Да нѣтъ, вамъ, мо-

жетъ, такъ показалось! Давно ли вы здѣсь? Да и какъ вы поѣдете? Вамъ теперь нельзя ѣхать — дороги скверныя, — все дожди шли, нагрязнило; еще, пожалуй, экипажъ сломается, несчастье какое случится.... А что же будетъ со мной? Что будетъ?! Царь небесный! куда я дѣнусь, что стану дѣлать, кому письма писать, какъ жить буду? Приду въ рощу, буду васъ ждать — понапрасну! не придете вы, не увижу я васъ! Меня всѣ здѣсь считаютъ больнымъ или помѣшаннымъ. Можетъ, оно и такъ, — Богъ знаетъ, что со мной дѣлается: ночи не сплю, ѣсть почти ничего не ѣмъ; только и думаю, какъ бы увидѣть васъ — увижу, еще больше обезумѣю. Скажите вы мнѣ всю правду: точно я помѣшался? Ну, что ужъ скрывать, — Божья воля, — помѣшался, такъ помѣшался, — нечего дѣлать.... тяжело только....

—

Да, это правда — вы уѣзжаете! и не уйдешь отъ этой правды, какъ не уйдешь отъ смерти, какъ ни обманывай себя.... Повѣрите-ли, у меня точно камень на сердцѣ; тоска безвыходная, и не выскажешь ее, и не выплачешь! куда не гляну, вездѣ тоска! По небу облака несутся — я говорю имъ: унесите, облака, тоску мою, далеко, далеко — на край свѣта бѣлаго; бросьте ее въ глубину моря бездоннаго, — не утонетъ ли она тамъ? — или лучше соберитесь въ черныя тучи и разбейте ее стрѣлами громовыми, сожгите молніями огневыми.... Облака несутся мимо, а тоска остается на сердцѣ. Воетъ вѣтеръ, крутитъ листья въ воздухѣ, — я говорю ему: унеси, вѣтеръ, тоску мою, развѣй ее, раз-

мыкай по всему свѣту!... Мимо несется вольный вѣтеръ, свищетъ и завываетъ свою пѣсню, а тоска остается на сердцѣ.... Цвѣтутъ на землѣ цвѣты, зеленѣетъ трава — припадаю я къ землѣ и говорю: раскройся ты, мать-сыра-земля! прими въ себя тоску мою и выпусти ее на свѣтъ темнымъ лѣсомъ; пусть въ этомъ лѣсѣ живутъ чорные вороны, да лютые звѣри.... Безотвѣтна земля: цвѣты на ней распускаются, зеленая трава колышется,—а тоска остается на сердцѣ.... Что будетъ со мной? До чего доведетъ она меня? Не на радость, видно, родился я на свѣтъ, а на горе тяжелое.... Прощайте, прощайте! но не скоро вы меня забудете, — вѣтеръ принесетъ вамъ вздохъ мой; во снѣ вы увидите мой образъ; заиграетъ музыка — и вы вспомните про любовь мою....

Право тутъ есть поэзія, Вѣра. Ты изъ всего умѣешь извлекать ее.... Да полно же, — что̀ задумалась?

Ахъ, Catherine! — мнѣ грустно, — какая-то неодолимая жалость наполняетъ мнѣ сердце.... Что ежели? Право, я не хотѣла ему сдѣлать зла...

Въ эту минуту большая ночная бабочка, обольщенная свѣтомъ лампы, упала съ опаленными крылышками, на разбросанныя по столу письма.

— Посмотри,—сказала Вѣрѣ ея подруга, — ты точно также виновата, какъ огонь, которымъ это глупое насѣкомое опалило себѣ крылья.

Вѣра улыбнулась.

Въ комнату вошелъ мужчина благородной и пріятной наружности, котораго она встрѣтила взоромъ нѣжнаго привѣта. Это былъ мужъ ея.

— Поди, мой другъ, — сказалъ онъ, — обращаясь къ Вѣрѣ, — попробуй твой новый рояль.

Два года спустя послѣ этой сцены, по проселочной дорогѣ, ведущей въ село Красавино, ѣхала щегольская коляска. Было ясное майское утро; въ воздухѣ разносился запахъ молодыхъ березъ и пихтъ, которыя зеленой стѣной стояли по обѣимъ сторонамъ дороги.

Молодая, прекрасная женщина сидѣла въ коляскѣ и, казалось, съ наслажденіемъ вдыхала утреннюю, ароматическую свѣжесть, и съ живымъ интересомъ смотрѣла на открывавшійся передъ нею ландшафтъ, на первомъ планѣ котораго виднѣлся большой господскій домъ, съ зелеными ставнями, обшитый тесомъ; за нимъ сверкала глава сельской церкви, въ сторонѣ тянулся рядъ избъ, съ струями дыма надъ крышами. Все это было облито моремъ зелени и позолочено яркими лучами солнца. Звукъ сельскаго колокола вывелъ молодую женщину изъ ея задумчиваго созерцанія.

— Поѣзжай поскорѣе, Иванъ, — сказала она кучеру, — мнѣ хочется поспѣть къ обѣднѣ. (Это было въ воскресенье).

— Сейчасъ, матушка Вѣра Ивановна, — дорогато, изволите видѣть, очень кольиста.

И минутъ черезъ пять, коляска въѣхала на господскій дворъ, въ то самое время, какъ къ крыльцу подавали старинные дрожки съ фартуками, и на крыльцѣ появилась хозяйка, старушка лѣтъ 60-ти, въ темномъ камлотовомъ капотѣ, въ кисейномъ, съ широкими сборками, чепцѣ, ведомая двумя краснощекими служанками, въ ситце-

выхъ платьяхъ и бѣлыхъ коленкоровыхъ косынкахъ. Она уже сходила съ крыльца, чтобъ ѣхать къ обѣднѣ.

— Вѣрочка! ахъ, Боже мой!... Ты ли это, другъ мой! Вотъ, неожиданная радость!

— Бабушка! ангелъ мой!

Затѣмъ послѣдовали объятія и поцѣлуи, потомъ обѣ служанки бросились къ ручкѣ Вѣры Ивановны.

— Дуня! Лиза! здравствуйте, мои милыя!

Черезъ минуту, вся дворня сбѣжалась съ радостными восклицаніями здороваться съ Вѣрой. Всѣ они любили ее и немудрено: Вѣра, оставшаяся сиротою, выросла на глазахъ этихъ добрыхъ людей. Она здоровалась съ ними съ такой добротой и привѣтливостью, что у нѣкоторыхъ навертывались слезы.

— Не напиться ли сейчасъ чаю?—говорила Надежда Алексѣевна,—такъ звали бабушку Вѣры,—ты, я думаю, устала съ дороги.

— Нѣтъ, бабушка, я поѣду съ вами къ обѣдни, а послѣ, ужъ вмѣстѣ напьемся чаю.

— Что же, мой ангелъ, супругъ твой? Здоровъ ли онъ?

— Слава Богу! недѣли черезъ двѣ хотѣлъ сюда пріѣхать.

— Неужели? очень рада! я ужъ давно его не видала.

— Вы не найдете въ немъ никакой перемѣны: также милъ и добръ, какъ былъ прежде.

— Благодарю Господа, что ты счастлива, мой другъ!

Взаимные вопросы и освѣдомленія прервались только при входѣ на паперть. Неожиданное поя-

вленіе Вѣры распространило легкій шопотъ въ церкви, наполненной народомъ. Вскорѣ шопотъ затихъ, одна только Агафья Васильевна, помѣщица 30 душъ, съ пятью своими дочерьми, долго не могла успокоиться и поминутно оглядывалась въ ту сторону, гдѣ Вѣра, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, стояла на колѣнахъ подлѣ своей бабушки. Дочки же ея безпрестанно поправляли и ощипывали свои наряды.

По окончаніи службы всѣ сосѣди и сосѣдки наперерывъ здоровались съ Вѣрой. Священникъ самъ вынесъ ей просфору и поздравилъ съ пріѣздомъ. Надежда Алексѣевна по своему состоянію и достоинствамъ занимала между прихожанами первое мѣсто.

Долго Вѣра, смотря на выходящую изъ церкви толпу, глазами искала въ ней кого-то; но этого кого-то вѣрно тамъ не было, потому-что она вздохнула и отворотилась. Былъ часъ 9-й утра. Вѣра грустно шла по кладбищу. Солнце роскошно обливало своими лучами церковь и чудно играло между зеленью березокъ, которыя дружно окружали одну могилу, покрывая ее трепетной тѣнью. Эта купа молодыхъ деревцовъ казалась отраднымъ оазисомъ на широкомъ кладбищѣ.

— Бабушка!—сказала Вѣра, показывая на березы, — я не помню этого.... кто тутъ похороненъ?

— Это, мой другъ,—заговорила старушка, опираясь на свою палку и служанокъ, чтобъ подняться на дрожки,—могила Ѳедюши Мирова, сына бѣдной нашей сосѣдки. Онъ умеръ осенью, въ тотъ годъ, какъ ты у меня гостила. Мать и сосѣдки увѣряютъ, что его *испортили*, что злые

люди на него *напустили* болѣзнь.... Что ты, мой другъ, здорова ли?

— Я ничего, бабушка, — я слушаю....

— Но это вздоръ; дѣло въ томъ, что онъ помѣшался, не то, чтобы совсѣмъ сошелъ съума, а такъ впалъ въ сильную меланхолію: по недѣлямъ ничего не говорилъ; цѣлыя ночи, — въ осенній холодъ! — проводилъ, вотъ, въ этой рощѣ, которую ты любила, вѣрно тамъ и простудился. Странная фантазія пришла ему въ голову: просить мать, чтобы насадила кругомъ его могилы березокъ изъ этой рощи. У бѣдной старушки некому было и этого сдѣлать; она пришла ко мнѣ въ слезахъ съ просьбой, помочь исполнить послѣднее желаніе сына.

— Вотъ я тотчасъ же и послала людей посадить березокъ.

— Вы мнѣ, бабушка, не писали отъ этомъ.

— Э, мой другъ, что̀ за радость наполнять письма извѣстіями о смерти людей, совершенно для тебя чужихъ, едва знакомыхъ.... Вотъ, слава Богу, мы и пріѣхали! Милости просимъ ко мнѣ, — сказала Надежда Алексѣевна, обращаясь къ сосѣдямъ, которые въ жаркихъ разговорахъ о пашнѣ, посѣвѣ и скотѣ шли за тихо ѣхавшими дрожками.

Черезъ минуту, самоваръ весело шипѣлъ передъ ними.

Послѣ обѣда, когда слѣдуя блаженному, деревенскому обычаю, всѣ улеглись отдыхать, Вѣра грустно стояла у могилы своего знакомца.

— Я не хотѣла, я не думала сдѣлать тебѣ зла! — тихо проговорила она, склоняясь къ зеленой травѣ, покрывавшей могилу.

Ярко блистало весеннее солнце, упоительно синѣло далекое небо, тихо, сладостно шептали молодые листья березъ;—и, вотъ, изъ ближней рощи, понеслись звуки соловья, разливаясь гармоническими струями.... Сладкое, невѣдомое очарованіе овладѣло душою молодой женщины.

1847.

III.

ОТРЫВКИ.

изъ

ДНЕВНИКА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.

III.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Нельзя предузнать своихъ собственныхъ ощущеній: — прежде, я думала, что разставшись съ маменькой, умру съ тоски и горя. Притомъ же ѣхать одной, съ мужемъ, за 600 верстъ, черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, это было такъ страшно! Правда, я много плакала, прощаясь съ родительскимъ кровомъ, сердце у меня сильно ныло, но все не такъ, какъ я думала, и въ тотъ же день, вечеромъ, я перестала тосковать и плакать.... Какъ я еще глупа! Теперь мнѣ ни весело, ни грустно, только скучно немного одной, въ этомъ огромномъ домѣ, особливо въ дурную погоду, когда нельзя гулять въ здѣшнемъ прекрасномъ, тѣнистомъ саду.

—

— Не заставляйте меня, ради Бога, хозяйничать, — сказала я вчера мужу.

Онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я и не думалъ искать въ тебѣ хозяйки; ты

можешь заниматься чѣмъ угодно; въ домѣ у меня старинный, хорошій порядокъ. Читай, гуляй, работай, дѣлай, что хочешь.

Странное дѣло! не смотря, что онъ такой добрый, я, какъ будто, боюсь его.... Мнѣ кажется, онъ не любитъ меня! онъ не оказалъ мнѣ ни одной живой ласки, кромѣ холодныхъ поцѣлуевъ въ лобъ, — какъ, бывало, всегда цѣловалъ меня папà, — онъ всегда такъ серьёзенъ, что мнѣ при немъ становится тяжело, и одна — я дышу свободнѣе. Удивительно, какъ это я не влюблена въ него? онъ очень хорошъ! высокій, стройный, съ густыми, темнорусыми кудрями, съ прекрасными, правильными, не много холодными чертами лица.

Вчера мужъ былъ у Слонскихъ; онъ почти всякій день у нихъ бываетъ; впрочемъ, это такіе близкіе сосѣди.... Я рада, что ему тамъ весело; со мной онъ сталъ бы скучать. Я сидѣла одна, въ сумерки, задумалась и такъ живо перенеслась домой, что совсѣмъ забыла о своемъ замужествѣ и переселеніи сюда. Казалось, что я сижу въ нашей желтой комнаткѣ и, въ разтворенныя двери, вижу, какъ въ диванной маменька разливаетъ чай; около нея тѣснятся братья и сестры, одинъ только черноглазый Митя вскарабкался ко мнѣ на колѣни, обвилъ мою шею ручонками и, какъ всегда, осыпалъ лицо мое поцѣлуями, приговаривая: «какъ я тебя люблю, Мина! какая ты хорошенькая!» Я сдѣлала движеніе, чтобы обнять его, открыла глаза и все исчезло: я была одна, въ темнотѣ, въ большой, высокой комнатѣ. Мнѣ вдругъ стало страшно и больно.... я дернула сонетку, и

черезъ минуту явился Николай — мужнинъ камердинеръ, и ледянымъ голосомъ произнесъ: «что прикажете?» *Оня*! сказала я и вспомнила добрую фигуру нашего стараго Василья Никифорыча, его усердный голосъ, когда онъ, бывало, являясь на зовъ, спрашивалъ меня: «что прикажешь, матушка?» вспомнила его слезы, при прощаньи со мною.... Сердце у меня невольно сжалось, я бросилась на диванъ и горько заплакала. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ мужъ.

— Что это, слезы? — сказалъ онъ съ досадой, о чемъ?

— Такъ, мнѣ сгрустнулось, — отвѣчала я.

— Начинается исторія!... проговорилъ онъ вполголоса, про себя; потомъ произнесъ громко:— Если вы воображали, что я буду сидѣть все съ вами и зѣвать, то предупреждаю — вы ошиблись.

Эти слова такъ оскорбили меня, что я поблѣднѣла и почувствовала это.

— Увѣряю васъ, — сказала я мужу, и голосъ мой дрожалъ, — что мнѣ и въ голову не приходила подобная мысль.

Онъ быстро взглянулъ на меня и сказалъ тономъ болѣе мягкимъ:

— Въ такомъ случаѣ я ошибся, — и виноватъ.

Тутъ онъ протянулъ мнѣ руку, я пожала ее и отъ души простила ему. Чувствую, что я самое безсильное и жалкое созданіе.

Какъ несносны мнѣ здѣшнія дамы — сосѣдки! За что онѣ такъ подозрительно на меня смотрятъ? Отчего ихъ рѣчи, хотя и ласковыя, дѣйствуютъ на меня раздражительно? Зачѣмъ онѣ хотятъ

унизить меня названіемъ ребенка? Ахъ, да если сказать правду, я точно ребенокъ противъ нихъ, ребенокъ самый глупый! Я не умѣю ни быть любезной, какъ онѣ, ни находить удовольствіе въ ихъ разговорахъ.... Не могу надивиться искусству, съ которымъ разсказываютъ онѣ о самыхъ ничтожныхъ случаяхъ ежедневной, безцвѣтной жизни, и наслажденію, съ которымъ разговариваютъ, по цѣлымъ часамъ, о томъ, какъ лучше отдѣлать платье—буфами или оборками? Въ подобныхъ случаяхъ всегда выходятъ споры, а нерѣдко и ссоры; дамы раздѣляются на партіи: однѣ держатся буфъ, другія оборокъ.... Какъ же имъ любить меня, не пристающую ни къ той, ни къ другой сторонѣ? Имъ чужды мои наслажденія: онѣ никогда не поймутъ, что можно, забывши какого фасона на васъ платье, находить отраду подъ яснымъ небомъ, въ тѣни деревъ, въ благоуханіи и красотѣ цвѣтовъ....

Какъ хороша Слонская! Что̀ за глаза: черные огненные, чудные! Какія плечи, руки! Мужъ ея почти старикъ, отставной генералъ, съ сѣдыми усами, съ быстрыми глазами, живой, веселый. Слонская умнѣе всѣхъ здѣшнихъ дамъ, ея разговоръ увлекателенъ и, подъ часъ, блещетъ поэзіей.... Мужъ мой давно знакомъ съ нею, между ними дружба. Никогда онъ не бываетъ такъ хорошъ и веселъ, какъ въ ея присутствіи; изъ суроваго и молчаливаго превращается въ самаго любезнаго, умнаго, очаровательнаго мужчину. Счастливая женщина! Какой волшебной силой обладаетъ она? Я чувствую,—тягостное чувство!—

что я при ней лишняя; что она, какъ солнце звѣзды, затмѣваетъ меня своей роскошной, сверкающей красотой.... Оттого я всегда неловка при ней; оттого краснѣю при ея появленіи. Мнѣ досадно за это на себя: боюсь, чтобы мужъ не перетолковалъ этого иначе. Видитъ Богъ, во мнѣ нѣтъ ни капли зависти! Мнѣ только непонятно, зачѣмъ онъ женился на мнѣ; зачѣмъ, добровольно, обрекъ себя на пытку называть женою женщину нелюбимую? Зачѣмъ и у меня отнялъ всѣ надежды на счастье? Какая-то холодная, тяжелая тоска закрадывается мнѣ въ душу, и нѣтъ благодѣтельной руки, которая-бы облегчила меня силою дружбы и участья! Я одна.... одна! страшно!...

Бумага сдѣлалась для меня другомъ и собесѣдникомъ, — ей пересказываю я грустную жизнь мою, и мнѣ утѣшительно видѣть мысли мои повторенными на ней. Я никому не смѣю сказать того, что пишу здѣсь, и соглашусь скорѣе умереть, нежели намекнуть маменькѣ о ранахъ моего сердца, растерзать ее моей тоскою. Я не хочу имѣть жестокой отрады — отравлять другихъ своимъ несчастіемъ. Несчастіе.... Боже мой! я несчастна.... Какъ странно звучитъ это слово, прежде столь для меня чуждое! Несчастная! и я имѣю полное право сказать это о себѣ.... Да, лишняя, отвергнутая, ненавидимая, охваченная, въ самомъ разцвѣтѣ горячаго сердца, мертвящимъ холодомъ окружающей меня жизни, я чувствую, какъ замираютъ во мнѣ всѣ лучшія движенія души, какъ застываютъ слезы на глазахъ моихъ.

Получила письмо отъ маменьки, оканчивающееся словами: «Прощай, ангелъ мой! будь здорова, люби мужа, будь кротка, какъ была у меня; если и найдешь въ немъ какіе капризы, — сноси ихъ терпѣливо, и Богъ наградитъ тебя». *Люби мужа!* вотъ ужасное приказаніе!... И я исполняю невольно: еслибы онъ захотѣлъ, я была бы его другомъ, сестрою, рабою.... А между тѣмъ, неужели это печальное чувство, которое я къ нему имѣю, — любовь? Та любовь, которая въ мечтахъ моихъ сіяла лучезарнымъ свѣтиломъ?... которая, говорятъ, сводитъ небо въ душу человѣка и мрачные дни дѣлаетъ прекрасными и свѣтлыми?... Нѣтъ, нѣтъ!... но она есть, она существуетъ, я вижу это, вижу по всему: небо и земля говорятъ мнѣ о ней, и бѣдное сердце мое жаждетъ ея...

—

Уединеніе возвышаетъ меня, развиваетъ мой умъ, даритъ меня ощущеніями высокими, прежде невѣдомыми. Только въ одномъ уединеніи нахожу я силы молиться и плакать. Присутствіе людей сжимаетъ мнѣ душу.

—

Вчера въ 12-мъ часу ночи, мужъ возвратился отъ Слонскихъ блѣднѣе обыкновеннаго; онъ нашелъ меня одну, работающую при свѣтѣ лампы; я подняла было голову, чтобъ поздороваться съ нимъ и испугалась его блуждающаго взора и душевной тревоги, выражавшейся на лицѣ его. Не говоря ни слова, онъ бросился на диванъ и, казалось, искалъ успокоенія. Мнѣ хотѣлось поцѣловать его въ блѣдный и благородный лобъ, гдѣ,

казалось, крупными буквами судьба написала страшное слово: страданіе, — но какая-то неодолимая сила меня удерживала. Опершись на руку, я стала глядѣть на него; но онъ, встрѣтя мой взглядъ, проговорилъ почти съ досадою:

— Почитай лучше что нибудь.

Я раскрыла Гётевы «Vahlvervandschaften». Грустное чувство придало моему голосу особеную мягкость и нѣжность. Скоро глаза его закрылись, лицо приняло выраженіе спокойствія,—онъ уснулъ. На стѣнныхъ часахъ въ залѣ пробило часъ, когда я, оставя его спящимъ, вышла изъ комнаты.

—

Сегодня утромъ, когда я разливала чай, вошелъ мужъ. На лицѣ его не было и слѣда вчерашней тревоги. Онъ съ улыбкой протянулъ мнѣ руку, и на вопросъ мой, каково провелъ ночь? отвѣчалъ:

— Твой голосъ подѣйствовалъ на меня успокоительно и отрадно; я давно ужъ не спалъ такъ сладко. Поздравляю тебя, ты владѣешь талисманомъ....

— Усыпленія? — договорила я съ улыбкой.

— Есть въ жизни минуты, — продолжалъ онъ, — когда не только сонъ, самую смерть принялъ бы, какъ величайшее благо.

И потомъ прибавилъ, желая прервать разговоръ, съ прежней сухостью и холодностью:

— Дай мнѣ скорѣе чаю.

Черезъ полчаса, онъ отправился верхомъ къ рощѣ, которая отдѣляетъ нашу усадьбу отъ усадьбы Слонскихъ и закрываетъ насъ другъ отъ друга. Эта роща казенная и зовется *царскою рощей*.

—

Какое униженіе быть предметомъ любопытно-глупаго сожалѣнія собственныхъ слугъ своихъ!... Сегодня, проходя мимо дѣвичьей, я слышала, какъ горничныя сказали вслѣдъ мнѣ: «Бѣдная барыня!»

—

Вчера, гуляя утромъ въ саду, я видѣла, какъ садовникъ выкапывалъ розовый кустъ, чтобъ пересадить его на другое мѣсто. Бѣдное растеніе безжалостно отрывали отъ родной почвы, но оно было свѣже и зелено, какъ будто ничего не чувствовало; только, потрясаемое рукою садовника, роняло свѣтлыя капли небесной росы съ своихъ листьевъ.... Чудно! мнѣ стало такъ жаль, такъ жаль его, какъ будто между нами была тайная, невидимая связь....

—

Пересаженный кустъ погибъ.... я оросила слезами его изсохшіе листья, — и будто тайный голосъ говорилъ мнѣ, что въ немъ я оплакивала себя....

—

Мнѣ было бы легче, еслибы *онъ* былъ жестокъ и вспыльчивъ. Его леденящая молчаливость, его спокойная холодность давятъ меня. Я даже рада, что онъ такъ мало бываетъ дома: розно — я думаю о немъ съ какой-то пріятностью; при немъ — страдаю! На душѣ у него должно быть очень тяжело.... Чѣмъ бы я не пожертвовала, чтобъ облегчить его! Но онъ безжалостно и жестоко отталкиваетъ мое участіе....

—

Скоро день рожденія мужа; къ намъ соберутся сосѣди, будетъ музыка, танцы. Хочу успокоиться, чтобъ лицо мое приняло выраженіе удовольствія и душевнаго мира: замучатъ меня эти покачиванья головой и любопытно-пронзительные взгляды сосѣдокъ.... Презрѣніе мужа! — вотъ, самое унизительное несчастіе, — несчастіе, отъ котораго мнѣ такъ тяжело и неловко, что я бы съ радостію умерла.

—

Съ нѣкотораго времени, я чувствую неодолимую жажду воздуха: мнѣ бываетъ невыносимо душно въ комнатахъ. Едва только проснусь и пролепечу молитву, какъ, сбрасывая съ себя ночной чепчикъ, бросаюсь къ окну, растворяю его и спускаю за него руки и голову. Волосы мои длинные, — длинные, шелковистые волосы разсыпаются густыми волнами по плечамъ и лицу. Вѣтеръ начинаетъ играть ими.... О, какъ любитъ ихъ вѣтеръ! Какъ я люблю этотъ легкій, проницающій меня отрадной свѣжестью вѣтеръ! Съ самаго дѣтства, я люблю его съ какимъ-то восторженнымъ увлеченіемъ; съ самаго дѣтства, съ страстнымъ удовольствіемъ, люблю отдаваться его ласкамъ, и, увѣряю, никто не ласкалъ меня такъ нѣжно и изящно: еслибъ вы видѣли, съ какой граціозной легкостью перебрасываетъ онъ мои локоны! то ревниво закроетъ ими лицо мое, то, вдругъ, причудливо, отброситъ ихъ назадъ и, утихая на мгновеніе, будто любуется мною.... Появятся ли слезы на глазахъ моихъ — онъ осушаетъ ихъ; стѣснится-ли грудь моя тоскою — онъ освѣжаетъ ее своимъ дыханіемъ. Когда я въ саду, мнѣ ка-

жется, онъ измѣняетъ цвѣтамъ и занимается единственно мною. Когда дурная погода держитъ меня въ комнатѣ, въ грустныхъ пѣсняхъ его, въ стукѣ ставней, мнѣ слышится тоска его обо мнѣ. Безсильны были всѣ старанія маменьки излечить меня отъ этой безумной мечты; я не хотѣла слушать, что вѣтеръ есть слѣдствіе неровности воздуха и осталась при своемъ убѣжденіи, что онъ духовно-разумное существо, которое любитъ и ласкаетъ меня.... Еслибы я высказала это убѣжденіе какъ нибудь, въ разговорѣ, моимъ знакомымъ, онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сочли бы меня помѣшаной.... Кто знаетъ, можетъ, я точно безумная? Эта мысль ужасаетъ меня.... и некому разувѣрить и успокоить меня! Впрочемъ, маменька вѣрно бы мнѣ сказала это, но она никогда не называла меня безумной, а очень часто: «доброй, мечтательной своей Миной....» Милая, милая маменька! какъ часто я замѣчала, что она, со слезами на глазахъ, грустно смотрѣла на меня, когда я, бывало, лѣтомъ, безпечно и радостно, вплетала себѣ въ волосы цвѣты передъ большимъ зеркаломъ въ гостиной, и когда спрашивала ее, съ ласками и поцѣлуями, отчего она такъ печально на меня смотритъ? она отвѣчала:

— Я думаю, что тебя, можетъ быть, ждетъ въ жизни много горя, прекрасное дитя....

Я бросалась въ ея объятія и плакала, сама не зная о чемъ. Милая маменька! Она не знаетъ, какъ страдаетъ ея Мина!... Или нѣтъ! — вѣрно ея вѣщее сердце чувствуетъ это.... Какъ мнѣ хочется плакать!

—

Любовь, божественное чувство! ты не освятишь души моей! Солнце жизни! ты не взойдешь для моего сердца и не сведешь на него весны, съ цвѣтами и счастіемъ.

Что-то гнететъ меня.... на груди тяжело, глаза сухи.... болѣзненная тоска сдавила сердце.... Какія страшныя минуты! О, небесная благость, пошли мнѣ отраду!

—

Страшный кризисъ душевной болѣзни моей прошелъ, но я впала въ какое-то физическое и нравственное безсиліе. Въ этомъ безсиліи есть своя, особенная прелесть.... особливо, когда вѣтви деревъ склоняются надъ головой и ясное небо дышетъ такой любовью!...

—

Сегодня у насъ деревенскій балъ; ужо, — вечеромъ, темная зелень сада заблеститъ огнями. Слуги суетятся, все въ домѣ приняло праздничный видъ, даже лицо новорожденнаго сіяетъ какою-то странною радостью.

Наконецъ и я распустила мои длинные, свѣтлорусые локоны, надѣла бѣлое платье, — и жду.... Экипажъ Слонскихъ приближается.... Какимъ огнемъ загорѣлись глаза моего мужа! Какъ онъ хорошъ въ эту минуту!

—

Увы! не зная радостей любви, я пью, полною чашей, ядъ ревности! Я обманывала себя, безумная, думая, что слажу съ тяжелой участью, назначенной мнѣ, чувствую — она задавитъ меня.... Мнѣ ли, столь молодой и неопытной, выдержать такую страшную судьбу! — Случай привелъ меня

слышать ихъ страстныя рѣчи, слышать въ первый разъ въ жизни. Эти рѣчи отравили меня и внесли въ душу мою невыразимое страданіе.... Странно, голова моя и теперь кружится.... Кто объяснитъ мнѣ эти непонятные порывы моего бѣднаго сердца? Ревность, — чувство, которое я презирала, какъ недостойное благородной души человѣка.... и, вотъ, оно здѣсь, въ моемъ сердцѣ.... оно шепчетъ мнѣ въ уши все, что̀ я вчера слышала такъ неожиданно:

— Пойми мои страданія, Вѣра, — говорилъ онъ ей, — пойми всю силу безумной любви моей, и не отворачивай такъ холодно своей головки; твои ласки — мое единственное благо.

— А жена твоя? — сказала она.

— Она есть одно изъ величайшихъ моихъ страданій.... видѣть, какъ это доброе, прекрасное существо гибнетъ, снѣдаемое безплодной жаждой благороднаго и любящаго сердца, и не быть въ состояніи подать ей утѣшеніе изъ страха возбудить въ ея чистой душѣ чувства, на которыя я не въ состояніи буду отвѣчать, — развѣ это не ужасно, Вѣра? Умирающій отецъ вырвалъ у меня клятву жениться на ней, — я былъ глупъ, я былъ молодъ, Вѣра! — эта клятва тяжелымъ камнемъ легла на мою душу. Люди назначили насъ съ дѣтства другъ другу, а судьба столкнула меня съ тобою.... Еслибъ ты знала, какъ глубоко огорчаешь меня иногда, сомнѣваясь въ любви моей! Требуй отъ меня жертвъ, жизни, чего хочешь!

— Жертвъ? — сказала она страстно, — мнѣ ихъ не нужно, мой другъ. Оставь мнѣ счастіе пожертвовать тебѣ всѣмъ, что свято и драгоцѣнно для женщины.

И я видѣла, какъ она тихо склонилась къ плечу его, какъ губы ихъ встрѣтились въ жаркомъ поцѣлуѣ....

У меня страшно, невыносимо заболѣло сердце, въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась, я упала безъ чувствъ на сырую траву.... Когда я открыла глаза, небесныя звѣзды тихо сіяли надо мной въ голубой выси; густыя вѣтви старой липы, какъ будто съ участьемъ, склонились ко мнѣ.... Нѣсколько паръ гуляющихъ, со смѣхомъ и говоромъ, проходили вблизи; это заставило меня опомниться и занять между гостями мое мѣсто. Сильная лихорадочная дрожь пробѣгала по мнѣ, а лицо горѣло.

—

Я очень больна и сегодня провела самую мучительную ночь. Душевныя страданія заставили меня забыть нездоровье, но теперь боль въ груди и боку такъ усилилась, что мужъ замѣтилъ и послалъ за докторомъ. Не умереть бы мнѣ, не повидавшись съ маменькой!...

—

Кровь горломъ.... Боже мой, вѣстница смерти!... Пишу къ папенькѣ и маменькѣ, пишу, что мнѣ слишкомъ грустно, слишкомъ тяжело вдалекѣ отъ нихъ, умоляю ихъ пріѣхать. Какъ мнѣ жаль ихъ! Какъ они будутъ горевать обо мнѣ! Докторъ пріѣхалъ, но я знаю, онъ мнѣ не поможетъ, не поможетъ!... Я прочитала это на его встревоженномъ лицѣ. Я должна умереть! Что-жъ? Да будетъ воля Милосердаго! Изцѣлилъ бы онъ только больную душу мою!

—

Сейчасъ мужъ мой получилъ съ почты какой-то толстый пакетъ; взглянувъ на подпись, онъ сказалъ:

— «Странно! рука совершенно незнакомая.» Распечаталъ, вынулъ цѣлую пачку писемъ, связанныхъ розовой ленточкой и ушелъ въ кабинетъ читать ихъ. Мнѣ стыдно моего любопытства, а хотѣлось бы знать, что это за письма?

—

Такъ какъ Мина не можетъ знать содержанія этихъ писемъ, попробуемъ заглянуть въ кабинетъ ея мужа и пробѣжать хоть нѣкоторыя изъ нихъ. Да ужъ прибавимъ, кстати, для любопытныхъ, что письма присланы пріятельницей Вѣры:

—

«Наконецъ и сосѣдъ мой пріѣхалъ въ свои владѣнія, съ молодой женой. Горничная моя, Маша, сказывала, что она очень молода, недурна и что ее зовутъ Миной. Я много смѣялась надъ этимъ проворствомъ развѣдывать. Мина!—это имя какъ-то фантастически звучитъ!... Сказать ли тебѣ всю правду? мысль, что Дмитрій женатъ, что жена его хороша, что онъ можетъ надменно показать мнѣ, что онъ счастливъ и безъ меня, — эта мысль не даетъ мнѣ покою. Мнѣ предстоитъ борьба и я радостно начну ее. Надобно развлечься: надоѣла деревня, надоѣлъ мужъ съ своимъ хозяйствомъ и ревматизмомъ. Я скучаю. Посмотримъ, правду ли ты говоришь о моихъ *всепобѣждающихъ* глазахъ.... Прощай! пиши мнѣ, что у васъ тамъ дѣлается? — только не спрашивай совѣтовъ,

я не умѣю давать ихъ. Во всякомъ случаѣ, вѣрь, что Вѣра Слонская любитъ тебя много.»

—

«Помнишь ли ты альбомъ друга нашего Венцеля? помнишь ли бѣлокурую головку, на которую мы съ тобой такъ долго смотрѣли, — головку, съ чудными грустными глазами и улыбающимся ротикомъ? — Тебѣ нельзя забыть ее, — живая, она сдѣлала мнѣ много зла: она отняла у меня Венцеля!... И я не могла отмстить! Вообрази, эта головка — точь въ точь головка Мины. Странная игра случая, странное сходство! Лида — идеалъ Венцеля и Мина — жена Дмитрія! Въ душѣ моей загорается тревожно чувство, — чувство мести. Не даромъ у меня мать Итальянка! Порою, Мина исчезаетъ съ глазъ моихъ, — передо мною Лида, счастливая, гордая, торжествующая. Разъ, я даже назвала этимъ именемъ жену Дмитрія....»

—

«Дмитрій бываетъ у насъ всякій день; добрый знакъ, — видно, ему скучно съ женой.... онъ грустенъ, — ясно, онъ влюбленъ въ меня. Знаешь-ли, о чемъ чаще всего мы съ нимъ говоримъ? объ его женѣ. Ты посмѣялась-бы, когда-бы услыхала, какъ я ловко умѣю *хвалить* ее; подъ какой граціозной формой выставляю ея неопытность, робость, молодость. Не знаю, какая-то враждебная сила дѣйствуетъ во мнѣ.... Вчера мы разговорились объ идеалахъ: я, шутя, спросила его, что, еслибъ въ его власти было создать женщину по его вкусу, — вѣрно онъ создалъ-бы Мину? Онъ вспыхнулъ и началъ съ жаромъ описывать мой

портретъ.... Ты спрашиваешь: люблю-ли я Дмитрія? — на этотъ вопросъ мнѣ трудно отвѣчать. Это все равно, какъ еслибъ я спросила тебя! любишь-ли ты книгу, которая тебя занимаетъ, фортепьяно, которое ласкаетъ твой слухъ пріятными звуками? Отвѣтъ твой на это будетъ моимъ отвѣтомъ.»

—

«Кажется, она начинаетъ понимать наши отношенія; она блѣднѣетъ при моемъ появленіи. Въ ней нѣтъ силы, нѣтъ энергіи; она, безпрекословно клонитъ голову подъ удары судьбы, — однакожъ какая-то гордость заставляетъ ее всячески скрывать горе и ревность и казаться веселой. Она безукоризненно чиста. Это меня бѣситъ. Она представляется мнѣ живымъ упрекомъ. Это съ моей стороны глупо. Дмитрій всѣмъ существомъ принадлежитъ мнѣ, — такъ и должно быть. Въ немъ прежняя любовь ко мнѣ приняла размѣры широкой и глубокой страсти. Это тѣшитъ меня, какъ побѣда тѣшитъ полководца. Подчасъ, страсть Дмитрія увлекаетъ меня и отражается въ моемъ сердцѣ, какъ солнце въ водѣ. Полно тебѣ ворчать и душить меня моралью! Давно ли ты стала ханжой! Тебя испортили безъ меня. Прощай! знай, что я люблю тебя».

—

«Вчера было рожденіе Дмитрія. У него устроился деревенскій балъ. Гостей съѣхалось много. Половины я не знаю, да и не стоитъ знать. Послѣ двухъ-трехъ кадрилей, всѣ разбрелись по саду, который былъ-бы очень недуренъ, еслибъ не оставался запущеннымъ. Я шла, опираясь на руку

Дмитрія. Онъ говорилъ мнѣ о своей любви, о своихъ страданіяхъ. Звѣздное небо, теплый воздухъ, тѣнь деревъ, между которыми мелькали огни, отдаленные звуки музыки, — все это расположило меня къ какой-то мечтательности. Даже легкій трепетъ пробѣжалъ по мнѣ.... Я разнѣжилась, и на его ласки обѣщала какія-то жертвы.... Мнѣ кажется даже, что въ эту минуту я любила его.... Это новая глупость. Безумецъ страстно поцѣловалъ меня.... но въ кустахъ что-то зашевелилось.... и очарованіе исчезло вполовину. Чрезъ полчаса, танцы начались, а во время второй кадрили, вошла въ залъ Мина. Я затрепетала, увидя ее, — такъ она была хороша. Полуразвившіеся волосы придавали ей живописный, очаровательный видъ.... лицо горѣло, глаза сверкали.... Предо мной была Лида.... Къ счастію, Дмитрій смотрѣлъ только на меня....»

«Дмитрій скучный чудакъ и начинаетъ надоѣдать мнѣ своей взыскательной любовью. Онъ, не шутя, воображаетъ меня добродѣтельнѣйшей женщиной; не шутя, вѣритъ, что онъ — первая любовь моя!... Жена его, говорятъ, больна, но онъ мало объ этомъ заботится. Толкуетъ о добродѣтели и святыхъ чувствахъ, а самъ ослѣпляется грѣшной страстью; самъ не имѣетъ послѣдняго изъ прекрасныхъ чувствъ — жалости къ бѣдному ребенку, котораго судьба отдала въ его руки. Положимъ — я злой духъ; но зачѣмъ-же онъ не ангелъ-хранитель?...»

ЗАПИСКИ МИНЫ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Какой благодатный геній принесъ намъ счастье? зачѣмъ только принесъ поздно?... Я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ неожиданной перемѣны: пока мужъ читалъ таинственныя письма, я велѣла придвинуть къ растворенному окну кресло, чтобъ насладиться вечернимъ воздухомъ и прощальными лучами заходящаго солнца. Вечеръ былъ чудный; я съ восторгомъ предалась созерцанію Божія величества.... Вдругъ, дверь быстро разтворилась и вошелъ мужъ. Онъ былъ взволнованъ; но никогда еще лицо его не дышало такой святой, глубокой нѣжностью. Онъ подошелъ ко мнѣ. Я протянула было, по обыкновенію, ему руку, но, вмѣсто того, чтобъ взять ее, онъ склонился передо мной на колѣна и сказалъ:

— Мина! ты ангелъ, прикосновенія котораго я недостоинъ. Я все знаю, все читалъ, — я унесъ это изъ твоего столика.

И онъ подалъ мнѣ мои записки. Я затрепетала....

— Ты не виноватъ, — сказала я ему, чувствуя неодолимое влеченіе говорить ему *ты*, — я благодарна тебѣ, ты не обманывалъ меня; благородная натура твоя не унизилась до лжи, не смотря на то, что ты страдалъ сильно и глубоко.

— А теперь, развѣ я не страдаю?... онъ склонился лицомъ на мои колѣна.... и зарыдалъ! Я прижала его голову къ моей груди и напечатлѣла на ней поцѣлуй прощенья и любви. Онъ плакалъ

у ногъ моихъ,— онъ, спокойный и холодный! Это была одна изъ самыхъ высокихъ минутъ моей бѣдной жизни!

Какъ я слабѣю! скоро буду не въ состояніи писать.

—

Я умираю, — а онъ любитъ, ласкаетъ меня!

— Ты не умрешь, ты не умрешь, мой ангелъ!— говорилъ онъ мнѣ вчера, съ увлеченіемъ цѣлуя мои руки, — ты будешь жить для счастья, для моей любви....

— Да, если любовь всесильна.... отвѣчала я.

Эта грустная сцена была прервана докладомъ Николая, что «Вѣра Ивановна ѣдутъ....» Я вздрогнула при этомъ имени.

— Не бойся ее, не бойся этой женщины! — тихо проговорилъ мнѣ мужъ, — она не потревожитъ больше нашего счастья. Скажи, что мы не можемъ принять, — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугѣ. — Да, вотъ, погоди, — отдай ей это....

Тутъ онъ пошелъ въ кабинетъ, откуда вынесъ запечатанный конвертъ, который отдалъ Николаю.

— Я разскажу, я все разскажу тебѣ! — началъ онъ, обратясь ко мнѣ, — только послѣ, не сегодня; теперь мнѣ тяжело объ этомъ говорить.

Я просила его не говорить, не разсказывать.

Опять заболѣла грудь такъ, что дышать больно. Скоро-ли пріѣдетъ маменька!...

—

Я не увижу ихъ, не увижу моихъ милыхъ! слезы невольно льются изъ глазъ при этой мысли. Прощайте, мои несравненные! я умираю.... Прощай,

IV.

ПЕРЕПИСКА.

IV.

ПЕРЕПИСКА.

Иванъ Петровичъ! Пришлите мнѣ, ради Бога, книгъ. Скука страшная! Эта скука ледянымъ гнетомъ тяготѣетъ у меня на душѣ. Не знаю, что дѣлать.... Бываютъ же такія ужасныя минуты, когда человѣку все противно! На дняхъ мнѣ принесли горшокъ розъ. Пышно начали онѣ развертываться на солнцѣ; всѣ были свѣжи и прекрасны, какъ вдругъ, одна изъ нихъ, при самомъ разцвѣтѣ, Богъ знаетъ отчего, поблѣднѣла, завяла и спàла со стебля. Силы жизненной, что ли, у ней недостало, или отъ другой какой причины — не умѣю разгадать! Боюсь только, и со мной не сдѣлалось бы того-же.

Прощайте! заходите къ намъ, на досугѣ.

Что дѣлать! я самъ болѣнъ тою же болѣзнію; у меня у самого душа, какъ деревянная.... Не безпокойтесь, это скоро пройдетъ, особенно у

васъ.... Вотъ, одѣнутся деревья, зазеленѣютъ луга.... Теперь весна похожа на осень, а тамъ ясные дни, теплый воздухъ произведутъ на васъ благодатное вліяніе. Берегите прекрасное души вашей, не давайте ему вянуть отъ жизненнаго холода.... Сегодня не могу быть у васъ. Посылаю вамъ нѣсколько книгъ.

Преданный вамъ ***въ.

—

Благодарю за книги. Шекспиръ заставилъ трепетать меня. Счастливъ тотъ, кому дано разгадать тайну человѣческаго сердца! Завидую генію, который силою волшебной власти, самыя страданія превращаетъ во что-то прекрасное и благородное.... Передъ такимъ могуществомъ исчезаешь въ своемъ ничтожествѣ! Глупыя, мелкія огорченія терзаютъ мое сердце, какъ будто оно создано для нихъ! Безсильная возвыситься надъ омутомъ пошлости, я съ ужасомъ вижу, какъ лучшіе цвѣты сердца гибнутъ. Пусть бы еще посрывала ихъ буря, — нѣтъ, черви подъѣдаютъ! Грустно! — Прощайте, до свиданія!

—

Въ вашемъ письмѣ есть что-то, похожее на желаніе славы.... Полноте! не отягощайте вашу душу этимъ новымъ бременемъ. «Я буду жить въ потомствѣ!» — слова конечно громкія и завлекательныя; но, Богъ знаетъ, утѣшатъ ли они насъ за гробомъ, а для этой жизни, право, не стоитъ много хлопотать.... Зачѣмъ гнаться за невѣрнымъ и далекимъ призракомъ? — Сегодня вече-

ромъ, зайду къ вамъ и, можетъ быть, удастся поговорить съ вами. До свиданія!

—

Что̀ за вечеръ былъ вчера! тихо, ясно, звѣздъ на небѣ безъ счета. Мы долго гуляли по набережной; около меня раздавались разсказы о преферансѣ, и изрѣдка равнодушныя восклицанія: «какая прекрасная погода!» Мнѣ хотѣлось утонуть взоромъ и мыслію въ бездонной лазури небесъ, — а я должна была отвѣчать, со всевозможной любезностью, на глупѣйшіе вопросы. Какъ желала я встрѣчи съ вами! Мнѣ хотѣлось сказать вамъ только два слова: «какъ хорошо!» — но васъ не было!...

—

Здоровы ли вы? Разные мелочные недосуги по службѣ мѣшаютъ мнѣ васъ видѣть.... Проклинаю ихъ! — Посылаю вамъ «Утреннюю Зарю». Прочтите «Медвѣдя» съ особеннымъ вниманіемъ. Что сказать вамъ? Грустно что-то.... Раздавшаяся ли подъ окномъ моимъ русская пѣсня навела на меня эту грусть, или она тайный душевный порывъ? — не знаю. Я судорожно схватился за перо.... Писать къ вамъ усладительно, а надежда на вашу доброту заставляетъ меня забывать, что я пишу нескладно и неинтересно. Простите душевно-больному!

—

Да сохранитъ васъ Богъ отъ необъяснимыхъ болѣзней души! Наблюдайте внимательнѣе за ея порывами, иначе и вправду она можетъ захворать.—Сейчасъ видѣла я самую здоровую душу въ

мірѣ — Глафиру Николавну П.... Вѣчно цвѣтущая и веселая, она засыпала меня городскими новостями, оглушила своимъ звонкимъ смѣхомъ. Это депо вѣстей и пересказовъ. Въ душѣ у нея нѣтъ, кажется, ни малѣйшаго уголка ни для чего возвышеннаго; ей, какъ она сама говоритъ, и грустно никогда не бываетъ.... Мнѣ страшно, Иванъ Петровичъ! что̀, если во мнѣ самой таится будущая барыня, или дама, погруженная съ ногъ до головы въ визиты и наряды, и невидящая ничего, кромѣ ихъ, въ жизни? Сильна пошлость, Иванъ Петровичъ! Могуча она.... Охватитъ она мою душу своимъ всеобъемлющимъ холодомъ, увлечетъ меня въ мутныя волны свои и поглотитъ все мое святое и прекрасное! Страшно!...

—

Какъ вамъ не стыдно имѣть такъ мало вѣры въ свою душу и свой умъ! Чего вы боитесь? Вашихъ силъ станетъ и не на такую борьбу.... Мнѣ кажется, вы слишкомъ много думаете о будущемъ: такъ, пожалуй, настоящее ускользнетъ отъ васъ, и вы, съ сожалѣніемъ оглянетесь на него уже тогда, когда оно сдѣлается воспоминаніемъ. Часто счастіе бываетъ у насъ подъ рукою, а мы ищемъ его, Богъ знаетъ, гдѣ.... Не разсердитесь ли вы, если я скажу вамъ: будьте женщиной въ высшемъ значеніи слова, — не ссорьтесь съ головой, но не забывайте и сердца.... 3 № Библіот. для Чт. можете продержать до понедѣльника.

Преданный вамъ ***въ.

—

Вы вчера ушли отъ насъ недовольный и раздосадованный. Мнѣ тяжела мысль, что я неумы-

шленно какъ нибудь огорчила васъ. Что съ вами? Въ душѣ у меня вы найдете искреннее участіе.— Сегодня мнѣ необыкновенно грустно. Небо мутно; передъ окномъ грязь да старые домы; дали не видно; тѣсно, душно! — Убѣжала бы я теперь въ страну, гдѣ свѣтитъ солнце, шумятъ деревья, раз-цвѣтаютъ цвѣты!... Пожалѣйте обо мнѣ, Иванъ Петровичъ! Все окружающее меня такъ далеко отъ сочувствія съ безумной душой моей.... О, дайте мнѣ широкое поле, темный лѣсъ, свѣтлую рѣку, съ отразившимися въ ней небесами: упоенная красотами природы, убаюканная ея пѣснями, я бросилась бы съ восторгомъ въ ея божественныя объятія и, можетъ быть, сладко, сладко бы уснула!

—

На ваше поэтическое желаніе посылаю вамъ двѣ нѣмецкія книги; въ нихъ много говорится о природѣ. Я замѣтилъ, что Нѣмцы вамъ по душѣ, съ своими мечтательными взглядами и своей сладенькой фантазіей. На дняхъ, вы сказали, что читаете ихъ съ особеннымъ, тихимъ удовольствіемъ. Да и вчера вы такъ снисходительно, — если не сказать внимательно,— слушали этого картофельнаго инженерика, Гартена, который преслѣдовалъ васъ и словами, и взглядами. — Простите меня, что я нарушилъ ваше пріятное расположеніе духа, моей неумѣстной хандрой. Есть минуты, въ которыя человѣку все измѣняетъ....

—

Къ чему тутъ Гартенъ? какое онъ можетъ имѣть отношеніе къ моей грусти и моей любви

къ нѣмецкой литературѣ? за что вы на него нападаете? — Это добренькій и умненькій мальчикъ; отъ его словъ вѣетъ на меня всей свѣжестью неразочарованной души; это натура не глубокая, но свѣтлая.— Полноте; къ чему отравлять подобными капризами отрадныя минуты нашей дружбы! — Приходите скорѣе къ намъ, — мы сегодня дома.

—

Развѣ я виноватъ, что вы сдѣлали изъ меня ребенка? Я завидую всему, что̀ къ вамъ приближается.... я одинъ далекъ отъ васъ — непризнанный и непонимаемый! Могу ли я быть спокоенъ? Я каждую минуту страшусь потерять васъ.... я страдаю глубоко. Ненавидящій притворство, я долженъ притворствовать передъ всѣми, а болѣе всѣхъ передъ вами.... Вчера я задыхался отъ счастія васъ видѣть, а долженъ былъ смотрѣть на васъ холодно и безстрастно.... Сжальтесь надо мной, это ужасно! Мнѣ совѣстно и страшно, когда вы говорите и обращаетесь со мной съ благородной увѣренностью, и не подозрѣваете, что я готовъ каждую минуту измѣнить вамъ и себѣ!...

—

Я плакала, читая письмо ваше: оно было похоронной пѣснью нашей святой дружбѣ.... Прощайте, Богъ съ вами! Вы усмотрѣли въ вашемъ сердцѣ только возможность любви и испугались ея: вы разочли, что она вамъ вмѣстѣ съ отрадою принесетъ много и грустнаго, а вы скорѣй готовы отказаться отъ счастія, чѣмъ купить его страданіями души и болью сердца.... Ваше состояніе есть состояніе ребенка, которому показываютъ

горькое лекарство и кусокъ сахару.... Простите мнѣ, о, простите бѣдной женщинѣ, которая, думая погрѣться у огня, охвачена пламенемъ!...

—

Мнѣ были горьки не ваши укоры, не ваше стараніе унизить меня и представить безхарактернымъ и недостойнымъ святого чувства, а вашъ глубокій эгоизмъ.... Вы ошибаетесь: я не боюсь любви, не бѣгу отъ нея, — я ношу ее глубоко въ сердцѣ.... я готовъ броситься въ неизмѣримый океанъ ея и погибнуть.... но никогда недостало бы у меня жестокаго эгоизма увлечь васъ съ собою.... А вы?... что же вы хотѣли изъ меня сдѣлать, разсыпая передо мной сокровища вашей души? Неужели вы думали, что я не посмѣю любить васъ? И какое право имѣли вы думать это? Выкинули мнѣ слово дружбы и жестоко имъ воспользовались.... Кончаю, не хочу ни обвинять, ни оправдываться, — слишкомъ грустно, слишкомъ тяжело и то, и другое! Прощайте! желаю вамъ всего прекраснаго!

—

Благодарю васъ, вы дали мнѣ спасительный, хотя жестокій урокъ. Вы правы, я поступила безумно.... намъ слѣдовало бы заключить условія.... Въ самомъ дѣлѣ, что такое была для меня эта необходимая потребность передавать вамъ движенія души моей? эта безконечная и сладкая мысль о васъ, какъ вѣчность, охватившая всю жизнь мою? это безотчетное счастіе въ вашемъ присутствіи, эта свѣтлая къ вамъ довѣрчивость? Все это было только дружба, — оскорбительная дружба...

Прочь ее! не надо ее! давайте намъ любви по формѣ, съ объясненіями, со вздохами, съ комплиментами, въ родѣ слѣдующихъ: «Какіе у васъ прекрасные глаза!» или «Эта роза—вы!» И вправду, какъ смѣетъ женщина говорить мужчинѣ прямо и свободно о страданіяхъ души? какъ смѣетъ не краснѣть отъ каждаго взгляда; не потуплять глазъ отъ каждаго его слова? Это ужасно, возмутительно! грянемъ же на нее всѣми оскорбленіями ни на чемъ неоснованной ревности, и намѣреніемъ обнять и разцѣловать ее, безъ церемоніи, какъ скоро останемся съ нею наединѣ.

—

Благодарю Бога за наше вчерашнее свиданіе! Оно дало намъ увѣриться, что въ жизни есть точно высокое, святое счастіе, есть минуты, за которыя мало цѣлыхъ годовъ страданія.... Благодарю васъ! Вамъ я обязанъ всѣмъ святымъ и прекраснымъ въ моей жизни. Я чувствую, какъ ваше присутствіе возвышаетъ и облагораживаетъ все существо мое....

—

ѲЕДОРЪ СЕМЕНОВИЧЪ АЛЕКСѢЮ ДМИТРІЕВИЧУ.

Любезный другъ! Надѣюсь, что ты придешь ко мнѣ сегодня вечеромъ перекинуть въ картишки.... А я сейчасъ отъ Ивана Петровича: онъ хандритъ на-пропалую. Скажу тебѣ новость: тайна его разсѣянности открыта — онъ влюбленъ въ *** ну, и ужъ межъ ними куры-муры.... Въ beau monde, братецъ, лѣзетъ. Это открыла намъ вчера

Варвара Михайловна. «Третьяго дня, — говоритъ она, — иду изъ лавокъ, попадается мнѣ мальчишка ***хъ, съ письмомъ. Спрашиваю его: куда ты, Ѳедюша? — Къ Ивану Петровичу съ письмомъ. — Отъ кого? — Отъ барышни-съ. — Я такъ, — говоритъ она, — и ахнула, — славно-молъ, славно!... знай нашихъ! Бѣдная Мавра Александровна! ничего не знаетъ, а вѣдь все на нее падетъ....» Теперь, любезный другъ, я постараюсь слѣдить за нимъ, вѣдь такой.... боюсь, не случилось бы чего. Прощай, до свиданія!

Остаюсь преданный тебѣ ***нъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА ЛИЗАВЕТѢ ИВАНОВНѢ.

Милая Лизавета Ивановна! Зная любовь вашу къ Маврѣ Алексаидровнѣ, спѣшу васъ увѣдомить о непріятномъ для нея открытіи: вообразите, Ида Николаевна завела любовную переписку съ Иваномъ Петровичемъ.... Вотъ, нынѣшнія дѣвушки! Бѣдная старушка еще ничего не знаетъ; но Варвара Михайловна хочетъ объявить ей объ этомъ завтра вечеромъ, по дружбѣ.... по-крайней-мѣрѣ, возьмутъ предосторожности.... Будете ли вы сегодня дома? Я бы къ вамъ на вечерокъ. Остаюсь навсегда готовая къ услугамъ Марья ***на.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА МАРЬѢ АНТОНОВНѢ.

Любезная Марья Антоновна! Ахъ, какую непріятную новость описали вы мнѣ! Не могу придти

въ себя отъ удивленія.... Можно ли было ожидать этого отъ Иды Николаевны! Сегодня же разскажу Аннѣ Петровнѣ; она приметъ въ этомъ искреннее участіе.... Бѣдная Мавра Александровна! надѣлаетъ ей племянница неудовольствій! вѣдь все на нее падетъ.... Благодарю васъ, любезнѣйшая Марья Антоновна, за намѣреніе пріѣхать вечеромъ; къ сожалѣнію меня не будетъ дома—поѣду вечеромъ къ Маврѣ Александровнѣ, и предупрежу Варвару Михайловну: я не меньше ея привязана къ этому семейству. Прощайте, любезнѣйшая Марья Антоновна! остаюсь навсегда преданная вамъ

Лизавета ***а.

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Вотъ какая странная сцена случилась сегодня со мною: незадолго до обѣда, Таня позвала меня, съ таинственностью, къ тетушкѣ и провожая, шепнула у дверей тетушкиной комнаты: «Тетенька что-то сердиты-съ.» Не смотря на это, я вошла въ комнату безтрепетно, съ обычнымъ моимъ равнодушіемъ. Тетушка сидѣла въ своихъ большихъ креслахъ, отъ которыхъ еще не были отодвинуты два стула, на которыхъ, за пять минутъ передъ тѣмъ, помѣщались Лизавета Ивановна и Марья Антоновна. Тетушка, при моемъ появленіи, видимо старалась принять позу какъ можно грознѣе и величественнѣе.... Я въ нерѣшимости остановилась посреди комнаты.

— Пожалуйте сюда,— сказала тетушка.

Я подошла. Тетушка устремила на меня одинъ

изъ своихъ самыхъ проницательныхъ взглядовъ; голова ея тряслась отъ удерживаемаго гнѣва; глаза раскрылись во всю ихъ величину; ноздри раздувались. Мнѣ стало непріятно, и я рѣшилась произнести, чтобъ прекратить этотъ безмолвный допросъ: что̀ вамъ угодно?

— Мнѣ угодно знать, сударыня, правда ли, что вы завели переписку съ этимъ (тутъ она дала вамъ такое странное прозвище, что щеки мои вспыхнули негодованіемъ) Иваномъ Петровичемъ?

— Правда, — отвѣчала я.

Тетушка была совершенно поражена этимъ отвѣтомъ.

— Ахъ, безстыдница! — вскричала она, — еще и сознаешься!

Это удивило меня.

— Чтожъ тутъ дурнаго? — спросила я.

— Боже мой! Боже мой! — закричала тетушка, — вотъ, до чего я дожила, вотъ, вѣкъ! — что дурнаго!? завести въ моемъ домѣ любовную переписку — этого только недоставало! Да знаете ли вы, сударыня, что вы срамите вашего отца, не говорю уже о васъ самихъ — вамъ по дѣлòмъ! Пусть весь городъ указываетъ на васъ пальцами, пусть дѣвицы бѣгаютъ васъ, какъ чумы; но я, но бѣдный братъ! Опозорить себя до такой степени!

Тетушка умолкла и въ страшномъ волненіи металась въ креслѣ; она была вся гнѣвъ: шелковое платье ея укоризненно шумѣло, оборки на чепцѣ трепетали, даже малиновыя ленты, — мнѣ показалось, — приняли какой-то огненный отливъ.... старая моська проснулась, вытаращила на меня глаза и заворчала.... Мнѣ вдругъ стало страшно; какой-то непріятный холодъ пробѣжалъ по мнѣ.

— Кто носилъ ваши письма? — спросила наконецъ тетушка.

Я поняла ея мысль и отвѣчала:

— Тотъ, кто носилъ ихъ, не виноватъ, потому-что до-сихъ-поръ вы не отдавали вашимъ людямъ приказанія не слушаться меня?

— Да, конечно, теперь ужъ вы заставите меня принять свои мѣры.... Безстыдница! — прибавила тетушка, выразительно качая головой,—что ежели бы была жива покойная мать твоя! — ты бы уморила ее, да и меня сведешь преждевременно въ могилу своимъ поведеніемъ....

— Тетушка! вѣрьте, что я никогда не сдѣлаю ничего такого, что могло бы оскорбить память моей матери. Я знаю, что, въ подобномъ случаѣ, она не такъ бы обращалась со мной....

— Какъ! вы смѣете еще говорить мнѣ дерзости! вотъ, дочего дожила я! видно, за грѣхи Господь наказываетъ! Боже мой! мнѣ дурно, голова кружится.... Танька, спирту!

Я бросилась было за спиртомъ, но тетушка завизжала:

— Прочь! оставьте меня! вы рѣшились уморить меня.... прочь!

Я пришла къ себѣ въ комнату въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Мнѣ тяжело и неловко; я знаю, что гнѣвъ тетушки пройдетъ, но все непріятно, когда такъ сердятся.... Прощайте, мой добрый другъ! не огорчайтесь этими вѣстями.... Мѣра непріятностей зависитъ отъ того, какъ мы будемъ принимать ихъ.

—

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Еслибъ вы знали, что со мной дѣлаютъ эти люди, называемые знакомыми и пріятелями! какими невыносимо-мелкими, нестерпимо-глупыми оскорбленіями осыпаютъ они меня, подъ видомъ безцеремоннаго обращенія и дружескаго участія... Зачѣмъ позволено такъ мучить человѣка? Дома, въ гостяхъ, на улицѣ, — всюду осаждаютъ сожалѣніями, уговорами, пріятельскими шутками; со всѣхъ сторонъ брызгаютъ грязью на мою святыню.... И нѣтъ выхода изъ этого омута! Но и тутъ звуки вашего имени обдаютъ меня какою-то горькой отрадой. Съ восторженною жадностію ловлю я эти незабвенные звуки. Простите ли вы меня? пожалѣете ли обо мнѣ?

—

ѲЕДОСЬЯ ПЕТРОВНА АВДОТЬѢ НИКОЛАЕВНѢ.

Почтеннѣйшая Авдотья Николаевна! Слухи на счетъ неприличнаго поведенія Иды Николаевны, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе распространяются; вчера я разговорилась съ Евфросиньей Петровной, — вообразите, ужъ и она знаетъ о томъ, что, — помните? — я вамъ говорила?... Какая безнравственность въ молоденькой дѣвушкѣ! Пожалуста, удаляйте отъ нея вашу Геничку: дурной примѣръ заразителенъ.... Это я вамъ пишу по дружбѣ, почтеннѣйшая кумушка моя Авдотья Николаевна, съ которою пребуду навсегда, готовая къ услугамъ вашимъ

Ѳедосья Н—а.

—

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Сейчасъ отошла отъ раскрытаго окна; южный вѣтеръ освѣжилъ мнѣ тоскою грудь и пылающія щеки. Вѣтви цвѣтущей жимолости, съ легкимъ ропотомъ наклоняются къ окну, будто просятся въ комнату. — Хорошъ этотъ міръ, жаль только, что счастья въ немъ нѣтъ! Не знаю отчего, мнѣ что-то очень грустно.... Не могу удержаться отъ рыданій. Слезы мѣшаютъ писать.... да и въ состояніи ли эти глупыя чернила и перо выразить всю горечь отравленной души моей? Прощайте! дай Богъ вамъ счастья! Благодарю васъ за все!— за благородство чувствъ, за святость любви.

Ваша Ида.

—

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Въ грусти, какъ и во всемъ, у насъ симпатія! Когда я васъ увижу? Прощальный тонъ вашего письма навелъ на меня тоску! Вы обо всемъ горюете прежде времени.... Простите! я самъ не знаю, что пишу: мысли въ страшномъ безпорядкѣ Вы тверже, выше меня! Стыжусь, что я безсиленъ; что, какъ дитя, закрываю глаза передъ несчастьемъ.

Вашъ ***въ.

—

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Пишу и на глазахъ навертываются слезы! Сегодня я получилъ опредѣленіе къ должности

въ ***. Невыразимо тяжело. По всѣмъ правиламъ разсудка, я долженъ бы радоваться.... Видно, чувство и разсудокъ — два родные брата, только такіе, какъ Каинъ и Авель.... Могу ли васъ сегодня видѣть?

—

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Наконецъ-то мы пришли къ горькой истинѣ — къ сознанію нашего безсилія въ напрасной и тяжелой борьбѣ.... Вотъ, вы все бранили меня, что я заглядываю впередъ, что пугаюсь призраковъ, созданныхъ моимъ воображеніемъ! Я послушалась васъ, и предалась всей душой чудеснымъ мечтамъ о счастіи, прекраснымъ и благороднѣйшимъ надеждамъ.... Мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ, показалось, что я возношусь на небо блаженства.... и, вотъ, я на землѣ, обезсилена, сокрушена паденіемъ. Вамъ тяжело было вчера говорить о вашемъ скоромъ отъѣздѣ.... при этомъ вы такъ упорно и странно глядѣли мнѣ въ глаза.... вы непремѣнно хотѣли видѣть дѣйствіе вашихъ словъ? Ну чтожъ? Вы видѣли, что я поблѣднѣла, что я окаменѣла.... Довольны ли вы? О, мой другъ, ужели правда, что любовь есть глубочайшій эгоизмъ?... Но что объ этомъ. Итакъ, — разлука необходима! какъ знать? Можетъ-быть даже полезна.... Не утѣшайте меня будущимъ, — я не вѣрю ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ, кто знаетъ, что у насъ будетъ въ сердцѣ! — Можетъ-быть, холодъ, насмѣшка надъ всѣмъ, во что̀ теперь такъ восторженно вѣримъ.... Что же дѣлать, Боже мой? Неужели вправду разстаться? Завтра, я цѣлое утро дома и одна, — приходите; хочу на-

глядѣться на васъ.... а тамъ обѣщаю быть твердой и благоразумной.

—

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Напрасно я взялъ перо, чтобы сказать вамъ что-нибудь отрадное: въ душѣ одно только глубокое, непроходимое горе. Страдаю за васъ и за себя. Я ѣду, — ѣду черезъ два дня! Въ этомъ письмѣ, въ послѣдній разъ, пишу: до свиданія! Во мнѣ происходитъ глухая борьба.... Зачѣмъ я ѣду?—неужели это неизбѣжный приговоръ судьбы? И вы противъ меня? и вы заодно съ разсудкомъ! — Вечеромъ побываю у васъ. До свиданія! тысячу разъ готовъ повторить это слово....

—

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Время покажетъ, должны ли мы благодарить наше благоразуміе, или горько укорять себя за недостатокъ силы и смѣлости.... Путь начатъ, — не отступать же! — идите смѣло! Вашему уму, вашимъ способностямъ предстоитъ широкое поле дѣятельности; вамъ, можетъ быть, нѐкогда будетъ оглянуться назадъ.... Идите,—васъ сопровождаетъ моя молитва, мое жаркое желаніе вамъ счастія! — *Ида.*

—

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Лошади у крыльца.... ѣду — должно ѣхать! Я плàчу, какъ дитя... Прощайте, будьте счастливы! не забывайте меня! Я — я весь вашъ! ***въ.

———

Хорошенькая, черноглазая Надина сидѣла на диванѣ съ своимъ женихомъ. Маменька ея была занята чѣмъ-то по хозяйству, папенька былъ у должности. Должность свою онъ любитъ не меньше жены и дочери, — да нельзя и не любить ему должности: она его мать и кормилица; по ея милости у его Парасковьи Семеновны и прекрасный салопъ, и около трехъ дюжинъ чепцовъ, и платьевъ, и капотовъ несчетное множество; благодаря ей же, и Наденька его одѣта, какъ куколка, и воспитана не хуже кого другаго: и по французски, и на фортепьяно. Посмотрите, какъ она мила, какъ граціозно закинула назадъ головку, какъ лукаво смотритъ на своего жениха.

— На что̀ это похоже, Иванъ Петровичъ, цѣлый день не быть! Это ни на что̀ не похоже! Этакъ развѣ дѣлаютъ женихи?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что не могъ, что хворалъ, — развѣ вы не вѣрите мнѣ? — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ,—увы, тотъ самый Иванъ Петровичъ, переписку котораго съ Идой, вы имѣли благосклонность пробѣжать.

— Не вѣрю; не такъ же вы хворали, чтобъ цѣлый день пролежать; а письма — экая важность! можно было и отложить.

— Невозможно.

— У васъ все невозможно!

Она надула губки.

— Надина! полноте, дайте ручку!

— Подите! противный! — Она улыбнулась. — Право, мнѣ кажется, вы не любите меня.

— Не грѣхъ ли вамъ....

— Ну, скажите,—перебила она ласково и вкрадчиво,—вы никого больше меня не любили?

Онъ молчалъ.

— Скажите, прошу васъ, скажите всю правду.

— Что̀ за вопросъ! развѣ я не люблю васъ, развѣ вы....

— Нѣтъ, нѣтъ! вы мнѣ скажите, любили ли вы кого-нибудь *больше*, чѣмъ меня?

— А вы?

— Я? — я — другое дѣло, когда мнѣ любить?

— Право?...

Наденька вспыхнула.

— Нѣтъ, — продолжала она, — вы мнѣ скажите, — не вертитесь.

Брови Ивана Петровича слегка нахмурились, минуты двѣ онъ молчалъ, будто что припоминая, потомъ проговорилъ тихо, но отрывисто:

— Любилъ....

На лицѣ Наденьки выразилось непріятное чувство.

— Такъ-то; вотъ, вы каковы! — Она готова была заплакать.

— Вотъ, вы и разсердились за то, что я сказалъ правду.... Зачѣмъ вамъ было спрашивать? Вы непремѣнно хотѣли, чтобы я солгалъ! чтожъ? Вамъ было бы легче отъ этого? — Ну да, я любилъ сильнѣе, потому-что былъ моложе, глупѣе... да и притомъ это было давно; это прошло ужъ... онъ подавилъ невольный вздохъ. — Теперь я никого не полюблю, теперь вы для меня единственная женщина.

Онъ поцѣловалъ у ней руку. Лицо дѣвушки прояснѣло.

— Да, да, толкуйте, заговорила она полусерьёзно, полушутливо. — Ахъ, что это? — вѣрно цвѣты отъ M-me Рей?

И она бросилась къ вошедшей съ картономъ дѣвушкѣ. Вслѣдъ за дѣвушкой вошла и Парасковья Семеновна.

— Что это за мерзавецъ этотъ Ѳедька! — негодовала она, — куда ни пошли, точно за сто верстъ, — не дождешься. А, здравствуйте, Иванъ Петровичъ! Что это? цвѣты? Посмотри-ка, Наденька, да выбери себѣ гирлянду получше.

Пусть ихъ выбираютъ цвѣты; я воспользуюсь этимъ временемъ и скажу нѣсколько словъ объ Иванѣ Петровичѣ. Отуманенный и грустный, оставилъ онъ губернскій городъ, гдѣ жила Ида. Тоска и любовь душили его. Всю дорогу носился передъ нимъ милый образъ, съ глубокимъ, нѣжнымъ взоромъ, съ этой, ей только свойственной, улыбкой, которая на ея устахъ была печальнѣй всякихъ слезъ. Она понимала, какъ много должна любить женщина, чтобъ найдти силу, съ убитымъ, растерзаннымъ сердцемъ, улыбнуться милому, при послѣднемъ: прощай.... Долго грустилъ Иванъ Петровичъ; но не вѣкъ же тосковать, не вѣкъ же любить. Увлеченный временемъ и обстоятельствами, онъ пришелъ въ себя, началъ понемногу разставаться съ мечтами и надеждами любви, началъ замѣнять ихъ мечтами и надеждами службы. По какому-то странному затмѣнію, они не продолжали болѣе своей переписки; отчего? ни тотъ, ни другой не дали бы въ этомъ отчета. Сперва разлука оглушила ихъ, потомъ отвлекли разныя мелочныя, непредвидѣнныя препятствія. Усталое сердце требовало отдыха. И вотъ, онъ отдыхалъ долго, долго, а неугомонная память все еще тревожила его, подъ часъ, картинами прошедшаго.

Въ одинъ «прекрасный вечеръ», зимній впро-

чемъ, онъ познакомился съ Николаемъ Алексѣевичемъ, и былъ представленъ его супругѣ и дочери. Хорошенькая Наденька приглянулась ему; одиночество начинало надоѣдать. Невѣста была хоть куда, съ хорошимъ приданымъ и съ хорошенькимъ личикомъ. Поговаривали, что она влюблена въ какого-то улана; но уланъ уѣхалъ, а къ Ивану Петровичу она чудо-какъ внимательна. Иванъ Петровичъ и не замѣтилъ, какъ очутился женихомъ.

Невѣста его все еще перебирала гирлянды изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, а онъ стоялъ, нахмурившись, у окна, и, казалось, обратилъ все свое вниманіе на борьбу двухъ мальчишекъ, слѣдя взоромъ за ихъ безплодными усиліями повалить другъ друга на землю. Между тѣмъ, въ душѣ его пробудилось какое-то странное, давно замолкшее чувство, и, будто заживо-погребенное, билось и просилось на волю. Какъ давно никто не напоминалъ ему о быломъ; какъ давно оно не проносилось передъ нимъ свѣтлымъ облакомъ! Неужели же обаяніе не прошло? неужели женщина могла сдѣлать такое глубокое, безотвязное впечатлѣніе? Гдѣ-то она теперь? Что съ ней? можетъ-быть, давно забыла его; можетъ-быть, замужемъ.... Шесть лѣтъ прошло послѣ ихъ послѣдняго свиданія, — это былъ такой же ясный, сентябрскій день.... Ахъ, эта Наденька! Пришло же въ голову будить подобныя воспоминанія!

— Что вы тутъ гримасничаете? — сказала Наденька, подходя къ нему, — ужъ не разсердились ли? Какой злой! Я пошутила. Посмотрите, хорошо ли?

И она примѣрила къ своей головкѣ вѣнчальный вѣнокъ. Онъ заглядѣлся на эту головку, улыб-

нулся безпечно и весело, и воспоминанія его притихли и замолкли.

Прошло около года послѣ женитьбы Ивана Петровича. Въ одно утро онъ что-то усердно писалъ въ своемъ кабинетѣ. Пришла Надежда Николаевна въ шляпкѣ и мантильѣ.

— Прощай, Иванъ Петровичъ! вотъ, ключи отъ шкафа; я не обѣдаю дома,—Marie звала меня.

— Какъ, опять? вѣдь ты вчера была тамъ; что за дружба такая? я просто тебя не вижу.

— Вотъ, прекрасно! Что же мнѣ сидѣть да слушать скрипъ твоего пера? очень весело!

— Я кончилъ. Не ѣзди сегодня.

— Какіе капризы! Что же мнѣ цѣлый день глядѣть на васъ? Нѣтъ, ужъ, покорно благодарю, это мнѣ и въ дѣвушкахъ надоѣло. Скажите, ради Бога, ужъ я не могу выѣхать къ моей пріятельницѣ!

— Не ѣзди, прошу тебя,—сказалъ онъ съ какой-то странной настойчивостью.

— Да ты съума сошелъ!—закричала Надежда Николаевна,—помѣшался ты что ли? Неужели я послушаю тебя?

— А Вольскій будетъ тамъ? — И голосъ его какъ будто дрожалъ.

— Это что значитъ? Ужъ не подозрѣваешь ли ты меня? Этого только недоставало! Ахъ, ты, безсовѣстный! Развѣ я подала тебѣ поводъ? Вотъ бы, маменька послушала! Господи! что я за несчастная такая!

Она собиралась разлиться слезами,—Иванъ Петровичъ предупредилъ грозу.

— Ну, полно, не сердись, душа моя, я пошутилъ, — сказалъ онъ.

— Это что за глупыя шутки! Прошу впередъ не шутить такъ. Ты бы лучше подальше пряталъ свою любовную переписку.... И она швырнула ему подъ носъ пучекъ писемъ Иды. — Какія у нихъ были тамъ нѣжности!

Она величаво вышла изъ комнаты.

Тихо и грустно взялъ онъ эти письма. Развернулъ одно и прочиталъ, потомъ другое — и такъ всѣ.

— Слава Богу, что хоть уцѣлѣло одно свѣтлое воспоминаніе, — сказалъ онъ со вздохомъ, — и долго бы просидѣлъ, съ опущенной на руки головой, если бы вошедшій слуга не подалъ ему пакета, примолвя: — съ городской почты. Не глядя на подпись, онъ распечаталъ и прочиталъ слѣдующее:

«Обстоятельства непредвидѣнныя занесли меня сюда; если въ душѣ у васъ сохранилось желаніе меня видѣть, то завтра я цѣлый вечеръ, съ 8-ми часовъ, дома и одна. *Ида.* (Слѣдовало названіе улицы и дома.)

—

На другой день, въ 8-мь часовъ вечера, онъ мчался по гремучей мостовой, а ему казалось, что невидимая, неодолимая сила влекла его. Наконецъ пролетка его остановилась у подъѣзда довольно угрюмаго, каменнаго дома. Въ прихожей встрѣтилъ его знакомый слуга.

— А, здравствуй, Никифоръ!

— Здравствуйте, батюшка Иванъ Петровичъ! Здоровы-ли вы? какъ изволите поживать?

— Здоровъ.... А гдѣ Ида Николаевна?

— А вотъ, сударь, извольте идти прямо; *они* въ *зеленой*, я думаю, сидятъ.

Иванъ Петровичъ пошелъ по амфиладѣ большихъ, слабо освѣщенныхъ комнатъ, въ концѣ которыхъ замѣтилъ стройную фигуру молодой дѣвушки. Ида шла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, мой другъ! — сказала она тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, подавая ему руку.

— Боже мой!... проговорилъ онъ.

И оба замолчали. Имъ было тяжело и неловко.

— Вы очень перемѣнились.... начала она.

— А вы, напротивъ, нисколько — все тѣ-же! Удивительно!...

— Разница только та, что теперь мнѣ 23 года, а когда мы разстались, я была очень молода.

— Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Тетушка получила въ наслѣдство, послѣ своей сестры, этотъ домъ и вздумала здѣсь жить, а тотъ, что въ ***, продали.

— Продали? кому же?

— Не знаю, право, забыла фамилію, — помѣщикъ какой-то.

— Продали! — повторилъ онъ машинально.

— Да, тотъ домъ, въ которомъ, помните — бывало намъ такъ хорошо!

Онъ съ усиліемъ провелъ рукой по лицу.

— А теперь?

— Теперь ужъ не будетъ такъ хорошо; теперь тяжело и грустно.... по-крайней-мѣрѣ, мнѣ....

Она хотѣла улыбнуться, но слезы закапали у ней изъ глазъ на темное платье. Онъ взглянулъ на нее съ невыразимой нѣжностью, сѣлъ возлѣ и судорожно прильнулъ губами къ ея рукѣ. Когда

онъ поднялъ голову, слезы все еще катились у нея по щекамъ.

— О, не плачь, — сказалъ онъ, склонясь къ ея плечу, — не плачь, мой ангелъ! Слезы тяжелы, говорятъ, и мертвецамъ.... каково же мнѣ, живому?...

И всѣ черты его дышали такимъ глубокимъ горемъ, что Ида затрепетала, взглянувъ на него.

— Нѣтъ, вѣдь это такъ, — сказала она кротко и нѣжно, — женщины плачутъ легко.... чѣмъ тутъ огорчаться? — Она съ улыбкой посмотрѣла ему въ лицо. — Полно объ этомъ! скажите, лучше, какъ вы поживаете? какъ вы здѣсь устроились?

— Устроился.... женился.... проговорилъ онъ едва слышно.

— Что вы?...

И разгорѣвшееся отъ слезъ и волненія лице ея вдругъ стало блѣдно, какъ ея батистовый воротничекъ.

— Ну, что-жъ! — сказала она, помолчавъ и склоняя голову, — дай вамъ Богъ счастья! Счастливы ли вы?

— Нѣтъ....

— Ну, такъ *она* счастлива?

— Нѣтъ....

— Боже мой! какъ это грустно!

Прошло около часа въ отрывистомъ, грустномъ разговорѣ.... Вошелъ слуга.

— Ида Николаевна! — сказалъ онъ, тетенька скоро пріѣдутъ.

— Пусть ее пріѣдетъ, сказала она, — мнѣ все равно....

— Ахъ, нѣтъ, — сказалъ Иванъ Петровичъ,

взявшись за шляпу,— какъ можно! она разсердится.... да и мнѣ пора.

— Если такъ, — прощайте!

— Неужели это въ послѣдній?

— Не знаю; графиня Б. предлагаетъ мнѣ ѣхать за границу; вчера еще я медлила принять это предложеніе....

— А теперь?

— Теперь приму его съ благодарностью.

Онъ стоялъ передъ ней съ полными слезъ глазами. Ида взяла его за руку и проводила до дверей....

Онъ выѣхалъ.... и вся жизнь показалась ему тяжелымъ, безотраднымъ сномъ, отъ котораго онъ не имѣлъ власти освободиться....

Прошло около двухъ лѣтъ. Въ одинъ зимній вечеръ, Иванъ Петровичъ лежалъ на диванѣ, въ своемъ кабинетѣ; сигарка уже давно погасла, не догорѣвъ до половины, а онъ не замѣчалъ этого, и продолжалъ втягивать изъ нея воздухъ. По всему видно было, что онъ задумался крѣпко; задумался до такой степени, что даже лицо его приняло безжизненное выраженіе,— точно душа оставила его, точно улетѣла за тридевять земель. Пробило 9-ть; этотъ звукъ вывелъ его изъ забытья. Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе, будто желая разомъ прогнать безотвязныя мысли.

— Иванъ! одѣваться!

— Все приготовлено, сударь, — отвѣчалъ голосъ изъ смежной комнаты.

Иванъ Петровичъ принялся лѣниво за свой туа-

летъ: надѣлъ черный фракъ, натянулъ желтыя перчатки, устроилъ прическу.

— Ужъ эти мнѣ модные вечера! — ворчалъ онъ, — тащись туда, — вѣчно одно и то же.... Гдѣ-то тутъ мой голубой флаконъ съ одеколономъ? — Иванъ! гдѣ голубой флаконъ?

— Еще покойница барыня разбили его; разсердиться какъ-то изволили, схватили — да и объ полъ! Развѣ вы забыли, сударь?

— Я бы желалъ забыть все на свѣтѣ.... Подика, почисти мнѣ спину щеткой.

Иванъ явился, вооруженный щеткой, строгимъ взоромъ оглядѣлъ своего барина, примолвя:

— Лошадь-то готова давно.

— Сейчасъ ѣду, — шубу!

Черезъ 10-ть минутъ, Иванъ Петровичъ всходилъ на высокую лѣстницу довольно-ярко освѣщеннаго дома. На него пахнуло амброй; мелькнуло нѣсколько темныхъ и свѣтлыхъ платьевъ, модныхъ фраковъ и желтыхъ перчатокъ. Онъ откашлянулся, поправилъ волосы, и свободно пошелъ по свѣтлымъ комнатамъ отыскивать хозяйку.

— Все тѣ-же неизбѣжныя лица, — думалъ онъ, раскланиваясь по дорогѣ съ знакомыми, — вонъ, Анна Петровна съ дочерьми; вонъ, Лизавета Сергѣевна; вотъ Катерина Михайловна — здравствуйте, Катерина Михайловна!

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ!

— Вонъ.... кто же это, въ бѣломъ платьѣ, стоитъ сюда спиной? Здѣшнихъ я знаю со всѣхъ сторонъ; это незнакомая турнюра, и очень недурная....

Въ это время дама въ бѣломъ платьѣ обернулась въ профиль....

— Боже! Ида! — чуть не закричалъ онъ, — и струсилъ, да, струсилъ.... голосъ у него замеръ, губы поблѣднѣли.

Въ это время хозяйка подошла къ нему.

— А, Иванъ Петровичъ! Вы насъ совсѣмъ забыли, отчего это?

— Я.... былъ болѣнъ.

— Больны? и серьёзно?

— Ѣздилъ за городъ....

— Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ и отошла, не сказавъ ни слова. Онъ скоро собрался съ духомъ, хоть сердце у него все еще билось, какъ у юноши. Наконецъ Ида замѣтила его. Спокойно и тихо было лицо ея. Когда гости занялись разсматриваніемъ какой-то знаменитой картины, купленной хозяиномъ съ аукціона, она, безъ малѣйшаго смущенія, подошла къ нему.

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ! Вотъ, мы и опять увидѣлись.

— Давно-ли вы возвратились изъ-за границы, Ида Николаевна?—сказалъ онъ наконецъ спокойнымъ голосомъ.

— Мѣсяца два.

— Набрались тамъ новыхъ думъ и чувствъ?

— Да, я много передумала въ это время; много видѣла новаго и прекраснаго. Это путешествіе освѣжило меня.

— Я радъ за васъ.

— Вы еще не перестали принимать участія въ моихъ радостяхъ и печаляхъ?

— А вы готовы усумниться въ этомъ — Богъ съ вами!

— Мой добрый другъ!

Она незамѣтно пожала ему руку. Онъ вздрогнулъ.

— Какъ ваши дѣла? — продолжала она. Не здѣсь-ли ваша жена — познакомьте меня съ ней.

— Она умерла.

Минутное молчаніе.

— О чемъ вы задумались? — спросилъ онъ ее.

— Какъ странно.... Вообразите, — и голосъ ея задрожалъ въ свою очередь, — я до-сихъ-поръ не сказала вамъ, что я замужемъ....

— Идочка! — сказалъ въ это время высокій, черноволосый мужчина, отдѣляясь отъ толпы, — посмотри, какъ хорошъ этотъ отблескъ лучей заходящаго солнца, какъ живо это море, — онъ указалъ на картину, — не правда-ли, chère amie, это напоминаетъ благословенный югъ?

1848.

V.

НИ ТЬМА, НИ СВѢТЪ.

V.

НИ ТЬМА, НИ СВѢТЪ.

(нѣсколько писемъ молодой женщины.)

28 *сентября.*

Право, мой другъ, мнѣ часто приходятъ въ голову престранныя мысли, но не въ томъ дѣло, — не пересказывать же мнѣ тебѣ всѣ мои глупыя фантазіи! — Ужъ и то ты терпишь порядочную скуку отъ моихъ болтливыхъ, безалаберныхъ писемъ. Вотъ о чемъ, чаще всего, я думаю: какъ могла придти ко мнѣ рѣшимость выйдти за моего мужа, не имѣя къ нему ни любви, ни влеченія, — однимъ словомъ, никакого чувства? Замужество мое, до-сихъ-поръ, кажется мнѣ несбыточнымъ, тяжелымъ сномъ, который исчезнетъ при пробужденіи.... Что̀ теперь дѣлать? Вся моя жизнь испорчена. Куда я дѣнусь съ моей молодостью? На что̀ не заставитъ рѣшиться оскорбленное самолюбіе! Виноваты и тѣ, которые заставили меня смотрѣть на замужество, какъ на необходимую комедію.... Виноватъ и *онъ*, кого я такъ свято,

такъ глубоко любила. Онъ не хотѣлъ, онъ расчитывалъ, да и гордость мѣшала ему.... на его душѣ грѣхъ! Правда, онъ былъ правъ передъ умомъ и разсудкомъ, но погрѣшилъ противъ сердца.... А какъ я его любила! Мнѣ кажется, я и теперь его люблю.... люблю еще глубже, сильнѣе, хотя безъ тѣхъ горькихъ слезъ и жгучей тоски, которыя душили меня тогда; говорятъ, есть самыя опасныя болѣзни безъ сильныхъ страданій.... И все мнѣ думается, что только его одного и могу я любить!... Гдѣ-то онъ теперь? я совсѣмъ потеряла его изъ виду. Весь этотъ вздоръ пишу я тебѣ оттого, что мнѣ грустно, что грудь мою давитъ какая-то тяжелая, безотчетная тревога. Ты знаешь, какъ сильно дѣйствуетъ на меня природа, съ самаго дѣтства, какое я глупое, слабое созданіе, готовое, до-сихъ-поръ, плакать, или мечтать подъ шумъ деревъ! — а теперь мы еще въ деревнѣ, доживаемъ послѣдніе красные дни. Розовый блескъ осенняго заката обливаетъ всю комнату, и вѣтеръ бросаетъ, время отъ времени, въ открытое окно, на мой письменный столикъ, поблекшіе листья.... Вчера еще въ цвѣтникахъ пестрѣло множество георгинъ, сегодня, — прихожу въ садъ — всѣ померзли. А между тѣмъ и небо было ясно, и солнце свѣтило по вчерашнему, только бѣдныя мои георгины померзли! Какъ у нихъ опустились головки, съёжились листочки! Хорошо, что вчера я нарвала ихъ большой букетъ и поставила въ воду; сорванныя уцѣлѣли.... А еще мужъ говорилъ: «не рви». Была бы я безъ цвѣтовъ! Теперь дня три еще полюбуюсь ими. Вотъ, и *онъ* такъ: пожалѣлъ, не воспользовался разцвѣтомъ моего сердца, — а теперь морозъ побилъ

его.... Бѣдныя мои георгины! — Прощай, другъ мой!

—

7 октября.

Часто смотрю я на мужа: что за странная физіономія, что за страшная блѣдность! Все мнѣ кажется, что онъ чего нибудь въ жизни сильно испугался, и навсегда сохранилъ печать этого испуга на лицѣ.... Что ему во мнѣ понравилось? Неужели онъ полюбилъ меня? я что-то до-сихъ-поръ этого не примѣтила.... Развѣ онъ по своему, брюзгливостью да суровостью, выражаетъ любовь. Ты знаешь, я была всегда живая, дерзкая дѣвочка; теперь равнодушіе сдѣлало меня смиренницей. Мнѣ лѣнь что-либо возразить на его, иногда обидныя, выходки, а притомъ, когда я молчу, онъ скорѣй кончаетъ свои нотаціи. Да и то̀ сказать: смѣшно нѣжничать съ сѣдой головой. Не старъ онъ — что̀ за старость 45 лѣтъ — а смотритъ совсѣмъ старикомъ. Насъ прозвали дѣдушка и внучка. А папа̀-то съ maman какъ были рады, что выхожу за сѣдаго! Солидный-дескать, не вѣтрогонъ какой.... Забыли пословицу: сѣдина въ голову.... Не хуже молодаго ухаживаетъ за горничными.

Прощай, другъ мой! это послѣднее отъ меня письмо изъ деревни. Мы скоро переѣзжаемъ въ городъ. Погода портится. Поклонись отъ меня твоему мужу.

—

30 *октября.*

Слава Богу! наконецъ кончились эти проклятые визиты! Мука и людямъ и лошадямъ. Часто мнѣ хочется убѣжать куда нибудь далеко, въ пусты-

ню, и умереть тамъ, одной, подъ яснымъ небомъ, обвѣваемой свѣжимъ вѣтромъ.... Что это мнѣ все скучно, мой другъ? Пробую и выѣзжать, и рядиться, и работать, все скучно! Хоть бы влюбиться, право.... Читать бросила. До серьёзнаго, историческаго я не охотница, а нынѣшніе романы только душу мнѣ тянутъ.... то какая нибудь невѣроятная сказка, то гноючая, страшная рана человѣческой души, съ торжествомъ выставляемая на показъ, то развратъ, прикрашенный и принаряженный, показывается за нѣчто прекрасное, истинное и высокое. У меня и безъ того тяжело на душѣ.... Я и безъ того чувствую, что страдаю, зачѣмъ же напоминать себѣ объ этомъ поминутно? Карпова совѣтуетъ мнѣ Поль-де-Кока читать, вообрази, я до-сихъ-поръ не имѣю понятія о Поль-де-Кокѣ; говоритъ, что это чтеніе вылечитъ меня отъ хандры. Попробую.... Или лучше работать? Работа убиваетъ думу, а этого-то мнѣ и нужно. Не будь мужъ служащій—жили бы мы въ деревнѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, рѣже бы приходилось улыбаться и говорить глупости, по неволѣ. Мужу, напротивъ, здѣсь веселѣе. Утромъ занятъ службой, вечеромъ — картами. Я было и кокетничать начинала, думала, что это меня разсѣетъ; явились и обожатели, — франты, львы здѣшніе. Пустеньки — нечего сказать.... то въ нихъ несносно, что такъ и проглядываетъ благоговѣніе къ собственной своей особѣ, будто у нихъ на лбу написано: я comme il faut, прошу этого не забывать! Никто изъ нихъ не вспомнитъ, не подумаетъ, что онъ, прежде всего, человѣкъ....

Прощай, мой другъ!

—

27 *ноября.*

Ты помнишь мою старую няню, Анисью? Какъ, я думаю, не помнить.... Это самое доброе, самое преданное мнѣ существо. Я привязана къ ней еще той-же ребяческой любовью, какъ восемь лѣтъ назадъ. Добрая старуха, инстинктомъ любящаго сердца, догадывается, что я несчастлива. Всякій разъ, когда я печальна, или мужъ поворчитъ на меня, она приходитъ съ утѣшеніями:

— Родная ты моя! не горюй; вѣдь онъ любитъ тебя.... (Какъ будто мнѣ не все равно, любитъ онъ меня, или нѣтъ!) ну, какъ быть, потерпи....

— Да развѣ я горюю?

— Матушка моя! ты все на душѣ таишь....

— Да ты почему знаешь?

— А вчера, я посмотрѣла въ щелку, а ты сидишь на диванѣ, да личико-то ручками и закрыла, ровно плачешь — таково жалко! Не плачь, мое золото!

Глупая старуха! Она не знаетъ, какъ я рада бываю слезамъ.... И какъ рѣдко плачу я! Во мнѣ какъ-то все застыло и очерствѣло.

Вчера, лежу я, послѣ обѣда, на диванѣ,—мужъ не обѣдалъ дома; приходитъ нянька.

— Няня! скажи что нибудь.

— Что же сказать тебѣ, жемчугъ мой? (Она безъ приговоровъ слова не скажетъ).

— Ну, сказку, что маленькой, по вечерамъ, сказывала.

— Сказки-то всѣ призабыла, моя пташка.

— Ну, спой ту пѣсню, которой усыпляла меня.

— Ахъ ты проказница!

Подивись: у ней до сихъ поръ, чистъ и пріятенъ голосъ.

— Спой, няня!

И она запѣла, усѣвшись на скамеечкѣ, у дивана:

Ходитъ сонъ по сѣнямъ,
Дрема по угламъ....

И понеслись передо мной, пестрой вереницей, свѣтлые образы и легкіе сны моего дѣтства.... и уснула я, убаюканная ими и глупой пѣсней старухи.... Вотъ, до чего дошла твоя Катя, замужняя женщина, жена одного изъ важныхъ лицъ губернскаго города N***!... Прощай, другъ мой!

---

17 *января.*

Вечеръ вчера просидѣла я у прокурорши; это очень милая женщина; я съ ней хорошо знакома. Друзей у меня здѣсь нѣтъ; ты знаешь, какъ я дика на дружбу. Тамъ одна молодая женщина угощала насъ очень недурной игрой на фортепьяно. Я сидѣла противъ любимой моей картины, изображающей дѣвушку съ опрокинутой назадъ головкой, съ глазами, устремленными къ небу. Мнѣ нравится это лицо, только я всегда находила, что положеніе дѣвушки слишкомъ натянуто, что глядя на нее долго, становилось за нее тяжело. Но когда я стала всматриваться въ картину, при звукахъ музыки, я чуть не вскрикнула отъ удовольствія и изумленія: картина будто ожила, будто вышла изъ рамы! восторгъ молитвы, слѣды горя душевнаго, все выдалось и выразилось съ необыкновенной ясностью и опредѣленностью; музыка оживила картину; я глазъ не могла оторвать отъ нея, и указала хозяйкѣ дома на предметъ моего вниманія. Та раздѣлила со мной восторгъ мой. Вскорѣ подошла къ намъ Карпова.

— Что ваша хандра, madame Zanoff?—спросила она меня.

— Еще гоститъ у меня.

— А Поль-де-Кока читаете?

— Нѣтъ....

— Какая prude! хотите пришлю?

— Пришлите пожалуй.

— Вотъ такъ-то лучше. А что? будете послѣ завтра у губернаторши?

— Что тамъ такое?

— Вотъ прекрасно! она имянинница.

— Неужели? съ ужасомъ вскрикнула хозяйка; ахъ, Боже! совсѣмъ изъ головы вышло.... Merci, что напомнили. Точно,—послѣ завтра 19-е!

— У нихъ будетъ балъ. Завтра звать будутъ. Вотъ, сегодня я и вожусь съ нарядами и модистками. Нужно свѣжее платье.

Что? Здоровы ли вы? т. е. ты, твой мужъ и малютка? Послѣднюю поцѣлуй за меня, а второму поклонись. Прощай, другъ мой!

—

20 *января.*

Какъ разсказать тебѣ все это? Съ чего начать? Умъ мѣшается.... руки дрожатъ, едва перо держу. Я всю ночь не спала, и чѣмъ-свѣтъ пишу тебѣ—мнѣ легче отъ этого. Скажу просто—я видѣла *его*, я говорила съ *нимъ*! Да! И не умерла, не упала въ обморокъ, даже не наговорила глупостей. Разгадай, послѣ этого, человѣческое сердце! Вчера я пріѣхала на балъ поздно, не потому, чтобы хотѣла помодничать, а чтобы меньше тамъ оставаться. Вхожу, вальсируютъ. Вдругъ, въ числѣ вальсирующихъ мелькнуло мимо меня знако-

мое и вмѣстѣ незнакомое лицо.... всматриваюсь— онъ!... Я узнала его, даромъ что онъ пополнѣлъ, возмужалъ и отпустилъ тонкія, прямыя бакенбарды. Я не вѣрила еще себѣ, и спросила о немъ у близъ стоявшей знакомой: «не знаю,—отвѣчала та, чиновникъ какой-то....» Наконецъ онъ приблизился ко мнѣ и сейчасъ узналъ.

— Катерина Павловна! Вотъ, пріятнѣйшая встрѣча!

— Я тоже рада васъ видѣть. Давно ли вы здѣсь?

— Со вчерашняго дня. А вы здѣсь постоянная жительница? Все тѣ же, — прибавилъ онъ, еще похорошѣли.

— Хотите, я познакомлю васъ съ моимъ мужемъ?

— Очень радъ, прошу васъ....

Мнѣ стало горько и досадно. Не грѣхъ ли ему? Ни тѣни чувства ни въ голосѣ, ни во взглядѣ. Будто онъ не зналъ, какъ я его любила! Неужели три года изгладили все? Или гордость мѣшаетъ ему? Вѣдь онъ вѣчно хотѣлъ, чтобъ и счастье, и женщины, сами, съ поклономъ напрашивались къ нему.... Впрочемъ, съ полчаса, мы говорили, какъ старые знакомые. Онъ разспрашивалъ меня о тебѣ, о моихъ родныхъ.

— Веселитесь вы здѣсь?— спросилъ онъ меня.

— Какъ видите: выѣзжаю, танцую.

— Можно дѣлать и то, и другое, и не веселиться.

Я молчала. Какъ нарочно, я была глупа.

— Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе быть у васъ?

— Милости просимъ, *мы* будемъ рады.

Онъ поклонился и отошелъ.

Побрани меня, мой другъ, за то, что я приняла такъ къ сердцу эту пустую и холодную встрѣчу, и за то, что я не спала ночь, и за то, что я все-таки думаю о немъ съ горькой отрадой. Прощай!

—

26 *января.*

Не жди отъ меня обыкновенныхъ, порядочныхъ писемъ; только и буду писать о томъ, что̀ занимаетъ меня.

Вчера вечеромъ сидѣлъ *онъ* у насъ. Гостей было немного, всего пять человѣкъ мужчинъ, женщины ни одной. Трое изъ гостей составили партію съ мужемъ, а двое остальныхъ: онъ и еще одинъ молодой человѣкъ Павловъ, помѣстились у моего рабочаго столика. Павловъ препростой, но предобрый малый. Толковали о томъ, о семъ. Странно! во всѣхъ сужденіяхъ *его* и словахъ пробивается какая-то скрытая, ѣдкая желчь. Мнѣ кажется, онъ только на словахъ играетъ роль со̀временнаго человѣка.

— Ахъ! сказалъ, — не помню къ чему-то,— Павловъ, какъ много условій для счастливой жизни!

— А много ли? отвѣчалъ онъ: деньги, протекція по службѣ, здоровье, выгодная женитьба.... вотъ и все.

— А душа, сердце? Вы забыли! — трагически произнесъ Павловъ, робко взглянувъ на меня.

— Душа, сердце.... Помилуйте! кто нынче думаетъ о нихъ? Даже мальчики стараются прятать душу и сердце подальше.... Вы по-прежнему любите цвѣты, Катерина Павловна? — вдругъ обратился онъ ко мнѣ, взглянувъ на окно, гдѣ стояло нѣсколько горшковъ съ зеленью, безъ цвѣтовъ.

— До глупости.

— Ахъ, Боже! я и не зналъ! — воскликнулъ Павловъ съ величайшимъ изумленіемъ.

Я чуть не засмѣялась. Надо тебѣ сказать, что Павловъ неравнодушенъ ко мнѣ. Даже мужъ какъ-то замѣтилъ это и сказалъ:

— Помилуй, матушка! Павловъ влюбленъ въ тебя; полюбезничай съ нимъ, да попроси щенка водолаза, у него славные....

Вечеръ кончился какъ-то вяло; мнѣ не говорилось; я будто ослабѣла; будто выдержала тяжкую болѣзнь. Оставшись одна, горько плакала.... О чемъ? Сама не знаю.

Сегодня, просыпаюсь и чувствую пріятный запахъ свѣжихъ цвѣтовъ: у моей кровати, на столикѣ, въ небольшой, хорошенькой вазѣ, красовался очаровательный букетъ, изъ гіацинтовъ, амалирисовъ, и другихъ цвѣтовъ, возможныхъ здѣсь зимой. Звоню. Входитъ моя Даша. Спрашиваю: отъ кого букетъ?

— Не знаю-съ; сегодня, только что мы проснулись, человѣкъ чей-то принесъ, еще и ворота были заперты, насилу достучался и вызвалъ меня. Поставь, говоритъ, тихонько въ комнату къ барынѣ, покуда она спитъ. — Да отъ кого ты? — Не велѣно, говоритъ, сказывать, ужъ барыня узнаетъ. Такъ и не сказалъ, а мнѣ далъ цѣлковый, ей Богу-съ. Вы, матушка, не гнѣвайтесь, я не смѣла не взять цвѣтовъ.

Это *онъ* прислалъ! Я знаю, чувствую, что *онъ*! Спасибо ему, спасибо за эти цвѣты для моего сердца незабвенные, ненаглядные! Онъ еще любитъ меня! Любитъ! Не сойти бы мнѣ съ ума?...

Прощай, мой другъ! не сердись, не ворчи. Я не свожу глазъ съ моего букета.

---

1 *февраля.*

Что сказать тебѣ? Онъ уѣхалъ.... Дѣла его кончились скорѣе, нежели то ожидалось. Я была одна, когда онъ пріѣхалъ проститься. Видно, я была очень блѣдна, что онъ съ участьемъ спросилъ меня о здоровьи.

— Вамъ бы не худо было сдѣлать какое нибудь небольшое путешествіе, хоть на воды куда нибудь, сказалъ онъ; мнѣ кажется, вы утомлены здѣшней безцвѣтной, пустой жизнью. Простите меня за совѣтъ, по старой дружбѣ.

Мнѣ показалось, что въ этихъ словахъ было столько тонкаго, горькаго и оскорбительнаго для меня равнодушія, что я не выдержала, закрыла лицо и зарыдала... Я никогда не воображала себя способной къ подобной глупости.

— Что это, мой другъ? — сказалъ онъ, вдругъ измѣнивъ голосъ и склонясь ко мнѣ въ волненіи и съ нѣжностью, плакать! о чемъ? Помогутъ ли слезы?... Повѣрь, такъ должно быть.... не мы первые, не мы послѣдніе....

— Любилъ-ли ты меня?

— Видишь: до сихъ поръ, не женатъ и не влюбленъ.

— А теперь? — я не помнила, что говорила.

— Катя моя! — сказалъ онъ, взялъ меня за руку, къ чему развивать этотъ мучительный вопросъ? На общее страданье?... Черезъ нѣсколько часовъ, я ѣду.... Богъ знаетъ, увидимся ли мы.... Онъ отвелъ мнѣ отъ лица волосы, поцѣловалъ и

перекрестилъ меня.... Прощай. Будь здорова. Дай Богъ тебѣ силъ и терпѣнья!

И все звучатъ у меня въ ушахъ эти послѣднія слова его, все слышится его голосъ, все кажется, онъ цѣлуетъ и креститъ меня.... Нѣтъ, крѣпокъ, живущъ человѣкъ! Прощай!

P. S.

Сейчасъ Даша объявила мнѣ, что видѣла человѣка, принесшаго цвѣты, и доспросилась у него, отъ кого они присланы — цвѣты были отъ Павлова.... Еще очарованіемъ меньше, еще пошлостью больше.... Какая тоска! Хоть умереть. Господи Боже! что̀ же такое все мое существо̀ваніе? Что-то мутное, безцвѣтное, неопредѣленное.... такъ-себѣ: ни жизнь, ни смерть; ни сонъ, ни явь; ни тьма, ни свѣтъ.... Богъ знаетъ, что̀ такое! Тяжело!... Прощай!

1849.

VI.

НЕПРИНЯТАЯ ЖЕРТВА.

VI.

НЕПРИНЯТАЯ ЖЕРТВА.

— Кто этотъ молодой человѣкъ, Лида? — спросила прекрасная молодая женщина другую, перебирая модныя картинки.

— Какой молодой человѣкъ? — сказала Лида, слегка покраснѣвъ.

— Тотъ, который былъ давича утромъ у твоего дяди.

— А! это художникъ Эровъ.... Что̀ ты на меня такъ смотришь?

— Такъ, ничего, — отвѣчала та, съ усмѣшкой, продолжая проникать взоромъ своихъ прекрасныхъ, черныхъ глазъ, молодую дѣвушку, у которой лицо ярче и ярче разгаралось румянцемъ отъ этого ясновидящаго взора.

— Какая ты, Marie! — сказала она наконецъ съ непобѣдимымъ волненіемъ.

— Ты любишь его, Лида?... Нечего скрывать.

Лида, вмѣсто отвѣта, закрыла лицо руками; на глазахъ ея выступили слезы.

— О, да это не на шутку! — сказала Marie, изумленная столь неожиданнымъ проявленіемъ чувства, — давно онъ здѣсь?

— Мѣсяца два, — отвѣчала Лида, улыбаясь сквозь слезы, — я кажусь тебѣ очень глупой и смѣшной, Marie?

— Смѣшной? почему смѣшной? Любовь въ эти годы такъ же обыкновенна, какъ цвѣты весной. Часто ты съ нимъ видишься?

— Да. Онъ ходитъ къ намъ. Дядюшка ласкаетъ его.

— Бѣдный Алексѣй Дмитріевичъ! И не подозрѣваетъ, какую бѣду себѣ готовитъ!

— Какую же бѣду?

— А твоя любовь. Скажи, къ чему она поведетъ? чѣмъ кончится?

— Не знаю. Какое мнѣ дѣло знать, чѣмъ кончится! Я люблю. Да и какъ мнѣ не любить, когда въ моей жизни только и прекраснаго, что это чувство! Какъ не любить, когда отъ его улыбки, отъ его взгляда и голоса становится мнѣ такъ хорошо.

— И онъ знаетъ это?

— Что тебѣ сказать? Да, мнѣ кажется, что и онъ чувствуетъ, какъ я люблю его; что и онъ любитъ. Только это такой мрачный, гордый человѣкъ! Всячески старается скрыть, что̀ у него на душѣ. Вѣрно и онъ, такъ же, какъ ты, спрашиваетъ: къ чему это поведетъ?...

— Вѣдь не выйдешь же ты за него?

— Помилуй, Marie, какъ можно! Онъ бѣдный художникъ и больше ничего. Я такъ же бѣдна, но избалована дядюшкой; ты знаешь, какъ онъ любитъ меня, и какъ онъ гордъ; это бы убило его!

— Вотъ, видишь, какъ ты благоразумна.... Ну,

ты меня успокоила; я думала, что ты и вправду влюблена по уши. Слава Богу, — нѣтъ; онъ уѣдетъ, ты погрустишь и забудешь о немъ....

— Боже мой! Это слишкомъ жестоко съ твоей стороны! Какой разсчитанный, мѣткій ударъ! Ты хочешь сказать, что я не умѣю любить, что недостойна этого прекраснаго, живительнаго чувства! и, можетъ быть, ты права, можетъ быть, я точно не могу, не умѣю любить.... Какое униженіе, какое ничтожество!

Она встала, и на нѣжномъ лицѣ ея выразилось тяжелое, скорбное чувство.

— Кто же это говоритъ, душа моя? кто думаетъ, что ты не умѣешь любить? Я хотѣла только сказать, что любовь твоя не полна, не развилась еще до той степени, когда она охватываетъ все наше существо и получаетъ неодолимую силу; до этой степени она, можетъ быть, и не разовьется; это такая способность души, которая не всякому равно дается. Какъ бы я ни желала быть великимъ поэтомъ, какъ бы ни старалась, никогда бы не была имъ, потому-что не имѣю генія поэзіи.... Такъ и въ любви, другъ мой, есть разныя степени.

— Боже мой! ты не понимаешь меня, — заговорила Лида, — кто поручится, что я не помрачу, со временемъ, моей жертвы невольнымъ ропотомъ и сожалѣніемъ, не оскорблю чувства позднимъ раскаяніемъ? Мнѣ бы не пережить этой минуты, этой смерти счастія!

— Если бы любовь твоя развилась до той степени, о которой я говорила, тогда для тебя не было бы жертвъ; то, что̀ ты называешь теперь жертвой, было бы ею только въ глазахъ другихъ.

— Цвѣтокъ не распустится пышно, при недостаткѣ воздуха и свѣта, и бѣдное сердце мое не разцвѣтетъ вполнѣ, покуда будетъ придавлено душной атмосферой приличія и разсчета, — но, какъ знать? — можетъ, и для него блеснетъ живительный лучъ....

— Дай Богъ! Только ты хочешь начать тяжелую борьбу.

— Да, тяжелую; но я все жду чего-то, что̀ заставитъ меня забыть печальное и горькое жизни; все жду какой-то высшей, чудной силы, — все надѣюсь, что она придетъ ко мнѣ.

Лицо Лиды было прекрасно тѣмъ, что̀ выражало. Подруга смотрѣла на нее своими чудесными, большими глазами. Глубоки и темны, какъ бездна, были эти глаза, трудно было читать ихъ, а они выражали много. У Лиды вся душа рисовалась въ свѣтломъ взорѣ, въ нѣжныхъ чертахъ, въ движеніяхъ полныхъ простой, врожденной красоты.

Рѣзкій звонъ колокольчика раздался въ прихожей и заставилъ Лиду вздрогнуть. Она знала, что только *онъ* могъ такъ судорожно, такъ порывисто дернуть снурокъ.... Она вдругъ будто окаменѣла. Marie, между тѣмъ, придвинула къ себѣ одинъ изъ кипсековъ, разбросанныхъ по столу, и стала разсматривать гравюры.

— Полно, успокойся! — сказала она вполголоса, и медленно подняла взоръ на вошедшаго молодаго человѣка.

Суровая красота этого молодаго человѣка поражала съ перваго взгляда: въ его осанкѣ и чертахъ было что-то смѣлое, горделивое; быстрый, проницательный взглядъ его былъ почти невыносимъ;

этотъ взглядъ, въ которомъ, казалось, сосредоточилась вся сила души, непостижимо умѣлъ привлекать и отталкивать, заставить искать себя и бояться, въ одно и то же время. Таковъ былъ Эровъ. Въ губернскомъ городѣ, — гдѣ происходитъ настоящее дѣйствіе, — онъ появился, три мѣсяца назадъ, по случаю отдѣлки новаго храма, сооруженнаго однимъ изъ тамошнихъ жителей, который, обладая милліонами, обладалъ и рѣдкимъ при этомъ достоинствомъ — изящнымъ вкусомъ. Эровъ взялъ выгодный подрядъ и пріѣхалъ изъ столицы съ двумя товарищами — помощниками.

Алексѣй Дмитріевичъ Стояновъ, дядя Лиды, человѣкъ богатый и спѣсивый, обратилъ на него особенное вниманіе.

— Пожалуйста, посѣщайте меня, — сказалъ онъ Эрову, при первомъ знакомствѣ. — У меня племянница страстная охотница до всего изящнаго, и хоть сама не рисуетъ, но очень любитъ живопись. Нельзя же, — продолжалъ онъ, отходя къ одному изъ своихъ знакомыхъ, — не приласкать талантъ.

Стояновъ, одной стороной своего ума и убѣжденій, примыкалъ къ современному обществу; другою былъ совершенный старовѣръ. Бранилъ, подъ часъ, новое время и молодежь; жалѣлъ о тѣхъ временахъ, когда женились и выходили замужъ, не зная въ глаза другъ друга, полагаясь на разумъ и выборъ родныхъ, но говорилъ, что живутъ теперь лучше, что люди стали умнѣе, хитрѣе, но что роскошь усилилась. Отживъ молодость, онъ забывалъ, что другіе молоды, и все, что̀ радуетъ, мучитъ и приводитъ въ восторгъ юное сердце, подводилъ подъ свои математически-вѣрныя и холодныя правила. Практическая сторона жизни

была у него всегда въ выигрышѣ, за то бѣдному сердцу приходилось плохо. Онъ отвергалъ любовь, какъ слѣдствіе сходства понятій и вкусовъ; называлъ сочувствіе глупостью, не вѣрилъ ему; можетъ быть, не вѣрилъ только на словахъ.... кто его знаетъ?... Жена его, слабая, больная женщина, шесть лѣтъ не оставляла своего кресла, и наконецъ оставила для переселенія въ лучшій міръ. Дѣтей у нихъ не было; ихъ замѣняла Лида, родная племянница и крестница Стоянова. Взявъ Лиду къ себѣ ребенкомъ, Стояновъ любилъ ее съ нѣжностью. Онъ не рѣшился, или не *разсудилъ* въ другой разъ жениться, и остался съ Лидой на правахъ отца. И Лида, круглая сирота, любила его, какъ отца; привыкла къ его, иногда взыскательному, нраву, не противорѣчила никогда его мнѣніямъ, изъ страха огорчить его; уважала въ душѣ, какъ умнаго, честнаго и благороднаго человѣка, хоть и вздыхала украдкой, когда онъ называлъ любовь глупостью и воображеніемъ. Можетъ быть, онъ и успѣлъ бы, со временемъ, образовать безстрастіе въ ея чувствахъ, вырвать изъ ея души зародышъ поэзіи и мечтательности, и тѣмъ предохранилъ бы ее отъ бѣдъ любви; еслибъ, на пути ея жизни, не встрѣтилась ей женщина, 8-ю годами ея старѣе, — женщина съ живымъ, тонкимъ умомъ и сочувствіемъ ко всему изящному. Восторженная, пламенная, страстная, она не пренебрегла бы никакой цѣлью для достиженія своихъ желаній. Эта женщина была 26-лѣтняя вдова Марья Александровна Манова. Въ свѣтѣ о ней думали различно: одни называли ее пустой кокеткой, Жоржъ-Зандисткой; другіе видѣли въ ней только умную, пріятную «даму». Къ числу послѣднихъ принадлежалъ

и Стояновъ, который былъ хорошимъ пріятелемъ съ ея покойнымъ мужемъ. Женщины не любили ее, потому-что она переступила границы обычной сферы, и коснулась жаждущей душой своей міра науки, и на все, что̀ черпала изъ этого міра, набрасывала цвѣтущій, фантастическій покровъ, сотканный пламеннымъ воображеніемъ.

Лида встрѣтилась съ ней, въ первый разъ, на балѣ. Уставши отъ танцевъ, она пошла отдохнуть въ боковую комнату. Тамъ, при поэтическомъ полусвѣтѣ, на роскошномъ диванѣ, увидѣла она молодую, прекрасную женщину, съ выразительнымъ лицомъ и большими, блестящими черными глазами. Сперва между ними начался самый обыкновенный, свѣтскій разговоръ, но потомъ этотъ разговоръ, незамѣтно, разлился широкимъ потокомъ и охватилъ душу и сердце воспріимчивой дѣвушки. Съ этихъ поръ живая симпатія соединила ихъ. Марья Александровна находила невыразимое наслажденіе раскрывать Лидѣ новый, невѣдомый ей міръ. И жадно приникла къ нему ищущая, страстная душа дѣвушки, обрѣтая новыя думы, новыя страданія. Вслѣдствіе этого сближенія, Лида вдругъ поднялась надъ всѣмъ ее окружающимъ. Съ этой высоты многіе предметы сдѣлались ей такъ ясны и грустно-понятны, что головка ея часто склонялась подъ тяжестью невольной, горькой думы. Напрасно Манова хотѣла заставить ее вѣрить, что такъ и должно быть, что люди всегда люди, что вездѣ и всюду одно и то же зло, только въ разныхъ видахъ и одеждѣ.... Лида вздыхала, сомнительно качала головой и вѣрила въ лучшее. Марья Александровна, много испытавъ и перечувствовавъ, пріобрѣла какую-то смѣлость

и пренебреженіе къ людскимъ толкамъ и вниманію; ей даже нравилось иногда возбудить ихъ, и потому часто ея нарядъ и манеры отличались яркою оригинальностью. Лида, напротивъ, — съ дѣтства внушали въ нее приличіе. Въ ея характерѣ были врожденныя робость и слабость, но которыя, разъ побѣжденныя волей, переходили въ непоколебимую, настойчивую рѣшимость. Лида однако была слишкомъ умна и горда, чтобъ показать свѣту эту робость; она прикрывала ее маскою равнодушія, и дѣлая надъ собою усилія, являлась въ общество свободно и непринужденно. Лида еще не знала любви.

Познакомимся теперь съ Эровымъ.

Сынъ бѣднаго живописца, 13-лѣтній мальчикъ Александръ Эровъ, по странной прихоти судьбы, обратилъ на себя вниманіе князя N***, у котораго онъ расписывалъ домъ, вмѣстѣ съ старикомъ отцомъ своимъ. Замѣтя способности Эрова, князь взялъ его подъ свое покровительство и, желая образовать, передалъ старому Нѣмцу, гувернеру своего 10-лѣтняго, единственнаго сына. Маленькій князь скоро привязался къ новому товарищу, а счастливыя способности и бойкій, смѣлый умъ мальчика упрочили ему мѣсто въ княжескомъ домѣ. Рано развилась въ Эровѣ способность мыслить, рано, вмѣсто благодарности, поднялась горечь затрогивающагося самолюбія; оно терзало его и величавымъ, гордымъ снисхожденіемъ стараго князя, — и блескомъ, и роскошью, окружавшими молодаго; хотя молодой князь вниманіемъ, дружбою, тонкой деликатностью, свойственной душамъ благороднымъ, желалъ вознаградить, утишить боль

самолюбивой, буйной души Эрова. Часто, любуясь на его рисунки, онъ съ жаромъ говорилъ ему:

— Ты будешь художникъ, Саша, у тебя блистательный талантъ! Ты далеко пойдешь! — И обнималъ будущаго художника.

Эровъ также любилъ князя, — его нельзя было не любить, — но гордецъ всегда былъ сжатъ, недовѣрчиво ласковъ, холодно почтителенъ. Ему было 17 лѣтъ, когда онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ Академіи. Между тѣмъ, князь, по обстоятельствамъ, переселился въ Москву, гдѣ, черезъ годъ, умеръ. Сынъ, послѣ его смерти, уѣхалъ за границу. Эровъ работалъ усердно; ему стало легко и свободно, посреди товарищей. Вмѣсто благороднаго, благодарнаго чувства, въ душу Эрова запало какое-то злобное чувство ко всему, что̀ стояло выше его на ступеняхъ свѣта. Это чувство онъ какъ-будто лелѣялъ въ себѣ. Эровъ мало жилъ сердцемъ, только голова и воображеніе его сильно работали. Онъ былъ крѣпкій, здоровый мужчина, созданный для существенности и наслажденій жизни. Самыя произведенія его носили печать какой-то смѣлости и матеріяльности, и вмѣстѣ поражали яркостью и опредѣленностью. Эровъ бѣгалъ всего, что могло возбудить въ душѣ его тяжелое или грустное чувство, и когда судьба посылала ему какое-нибудь непрошеное страданіе, онъ искалъ средства скорѣй отъ него избавиться, а не нянчился и не роднился съ нимъ. Ему было 24 года, когда онъ пріѣхалъ въ губернскій городъ.

Скрѣпя сердце, явился Эровъ на приглашеніе Стоянова. Лиза заговорила съ нимъ съ тонкимъ тактомъ, свойственнымъ людямъ образованнымъ. Въ ея обращеніи не было ни излишней внимательности

ности, которую бы можно было почесть за снисхожденіе; ни холодно-небрежнаго тона, оскорбительнаго для самолюбія; она заговорила съ нимъ просто и свободно, какъ съ старымъ знакомымъ, и умѣла пріятно коснуться интересовъ его души. Стояновъ тоже принялъ его безъ гордости и пригласилъ на другой день обѣдать. Эровъ холодно поблагодарилъ, и отвѣчалъ: «если только позволятъ занятія.» — Но при прощаньи, мелодическій, звучный голосъ сказалъ ему: «до завтра? не правда ли?» — сказалъ съ такой увѣренностью, что онъ обѣщалъ быть непремѣнно.

Съ тѣхъ поръ молодые люди видѣлись ежедневно. Легка и отрадна была ихъ бесѣда между собой. Острый, живой умъ и огненный взглядъ Эрова волшебно дѣйствовали на Лиду. Лида полюбила его, и онъ полюбилъ ее, но полюбилъ какъ-то странно, какъ-то неполно. Эта любовь не поглотила его душу, а только дала ей лишнюю грустную думу. Это чувство было какъ будто вынуждено нѣжнымъ участіемъ и внимательностью Лиды, и не могло не только вознаградить страданій его гордой, самолюбивой души, но еще, казалось, усиливало ихъ. Онъ не могъ простить Лидѣ степень достоинства, на которой она стояла въ свѣтѣ. Не смотря на то, были для нихъ минуты, когда забывалась неизмѣримая пропасть, ихъ раздѣлявшая. Но это была мечта, краткое забвеніе. Какъ бы то ни было — судьба отравила жизнь Лиды: она страстно полюбила Эрова. Марьи Александровны не было въ городѣ, въ продолженіе всей весны; можетъ быть, при ней дѣла пошли бы другимъ порядкомъ.

— Дядюшка вашъ, — заговорилъ Эровъ, хо-

лодно и сухо, обращаясь къ Лидѣ, — поручилъ мнѣ написать вашъ портретъ.

— Скажите, что̀ вы берете за небольшой портретъ масляными красками?—спросила его Марья Александровна.

Румянецъ ложнаго стыда покрылъ щеки Лиды; она задумалась. Эровъ взглянулъ на нее и горько улыбнулся.

— Смотря по физіономіи, — отвѣчалъ онъ Мановой:—встрѣчаются лица, на которыя смотрѣть есть уже высокая награда.—Оставайтесь такъ,— сказалъ онъ Лидѣ, принимаясь за краски, — съ выраженіемъ этого раздумья вашъ портретъ будетъ очень похожъ!...

—

— Наконецъ-то я залучила этого гордеца, — сказала про себя Марья Александровна, опускаясь въ кресло, въ своей небольшой, но со вкусомъ убранной комнаткѣ, въ домѣ, находившемся на концѣ города и примыкавшемъ къ огромному саду. — Люби я меньше Лиду, я отняла бы его у у ней. Бѣдняжка! Не худо бы излечить ее отъ этой страсти.... Безполезная трата чувствъ и времени. Много борьбы и горя, и мало радости. У нея недостанетъ ни силы, ни воли идти противъ всего, къ чему она привыкла и чего боится. Въ ней мало энергіи; она не вынесетъ суроваго гнѣва дяди; не выдержитъ его совѣтовъ и представленій. Угроза ее испугаетъ, ласка покоритъ. Не такую женщину ему надо!

И вслѣдствіе этого размышленія, она подошла къ зеркалу, которое отразило прекрасный женскій образъ, съ огненными глазами, съ роскошной

таліей. Въ эту же минуту, кто-то легонько постучалъ въ окно. Марья Александровна подошла.

— А, это ты, Лида! — сказала она, увидя хорошенькое личико въ бѣлой шляпкѣ, сопровождаемое длиннымъ лакеемъ въ ливреѣ и нѣмкой въ темной шляпкѣ, чѣмъ-то среднимъ между гувернанткой и нянькой.

— Marie! какъ я рада, что ты дома! Такъ давно не видались!... Милая Луиза Карловна! вы воротитесь къ дяденькѣ, чтобъ напоить его чаемъ.

Нѣмка съ человѣкомъ удалились.

— Фу! какъ жарко! — сказала Лида, войдя въ комнату и снимая шляпку и мантилью. — Милая Marie! что же ты меня не поцѣлуешь? Вѣдь я пѣшкомъ пришла къ тебѣ.

— Здравствуй, мой ангелъ! Садись и отдыхай.

— Какъ у тебя хорошо! Сколько тѣни! У насъ жарко и душно.

— За то у васъ большой домъ.

— Богъ съ нимъ!... отъ этого не будешь счастливѣе. Счастіе не въ огромныхъ палатахъ.

— А гдѣ же? въ хижинѣ?

— Не смѣйся.

— Ахъ ты мечтательница!

— Къ чему же крайности! Между хижиной и твоей прелестной комнаткой большое разстояніе.

— Конечно! но и тутъ желанія мои очень и очень стѣснены.... Повѣрь, чѣмъ больше развито въ человѣкѣ чувство изящнаго, тѣмъ больше ему надобно, тѣмъ тяжеле борьба съ разсудкомъ. Вотъ, хоть бы, напримѣръ, какъ бы я желала купить чудесныя голубыя вазы; да какъ подумаю, что деньги нужно на другое, не столь красивое, но необходимое, такъ вазы и въ сторону.... Но

полно объ этомъ! Разскажи мнѣ лучше, какъ ты провела это время? что твой портретъ?

— Почти конченъ.

— А что Эровъ? Вотъ и покраснѣла.

— Ахъ, Marie! Богъ знаетъ, что это за человѣкъ! Вѣчно раздраженъ, вѣчно недоволенъ. Хочетъ чего-то невозможнаго и, кажется, готовъ возненавидѣть меня за то, что полюбилъ.

— Знаешь ли, Лида? мнѣ кажется, что онъ сухой и надутый гордецъ, недостойный твоей благородной привязанности: онъ черствая душа!

— Нѣтъ, о, нѣтъ! вчера рука у него дрожала, когда онъ подалъ мнѣ вѣтку сирени, которую я нечаянно уронила; и во взорѣ у него горѣло чувство. Я хотѣла бы умереть, Marie!

— Умереть? зачѣмъ умирать, милая Лида? отъ первой неудачной любви? О, Боже мой, такимъ образомъ пришлось бы умирать почти всѣмъ женщинамъ. Многія ли изъ насъ любятъ свѣтло и счастливо? Еще годъ, много два, и ты равнодушно вспомнишь о прошедшемъ.

— Можетъ ли быть? Ты не знаешь меня, Marie, я не изъ числа тѣхъ сильныхъ, энергическихъ женщинъ, которыхъ сердце, подобно фениксу, возрождается свѣжо и ново, послѣ пожара страсти. Я боюсь, что въ этой неудачной, какъ ты называешь, любви, я сгублю жизнь моего сердца, истрачу всѣ силы, всѣ чувства.... Страшно мнѣ, другъ мой!

— Всѣ такъ думаютъ, повѣрь.

— Дай Богъ!

— Знаешь что? — сказала Марья Александровна, поднимая занавѣсъ окна, — вечеръ прекрасный и послѣ чаю не худо погулять. Этихъ

облаковъ нечего бояться — дождя не будетъ, а если и пойдетъ маленькій, то деревья въ саду густы и домъ близко.

— Я очень рада.

Напившись чаю, онѣ пошли въ садъ. Заговорились и прогуляли до позднихъ сумерекъ.

— Не пора ли домой? — замѣтила Лида.

— А, вотъ, отдохнемъ на этой скамейкѣ; здѣсь такъ хорошо. Въ комнатахъ мы не найдемъ столько прелести и поэзіи.

Вечеръ былъ теплый, но мрачный. Тихо, усыпительно шумѣли деревья; звучно пѣла въ кустахъ малиновка и яркой звѣздой свѣтился, сквозь сѣтку листьевъ, огонекъ изъ ближняго трактира.

— Мы однѣ, безъ человѣка? — робко проговорила Лида, садясь на скамью.

— А тебѣ непремѣнно нуженъ сторожъ? — сказала Марья Александровна. — Для меня уже одно присутствіе лакея отняло бы половину прелести. Развѣ мы дѣти, что не можемъ шагу сдѣлать безъ присмотра?

— Но можетъ случиться какая-нибудь непріятность....

— Не бойся, мой другъ; а еслибъ и такъ, тѣмъ лучше, мы научимся дѣйствовать сами, своими собственными силами.

Только-что она выговорила это, какъ раздалась разгульная, громкая пѣсня, въ нѣсколько голосовъ, потомъ замолкла на мгновеніе, прерванная звонкимъ хохотомъ, и началась съ новой силой. Не смотря на темноту, можно было различить, въ концѣ алеи, шумно движущуюся толпу. То были нѣсколько молодыхъ гулякъ, которые шли прямо къ нимъ. Лида, вздрогнувъ, вскочила со скамьи.

— Ради Бога, уйдемъ скорѣе, Marie! они идутъ сюда, мы однѣ.

— Трусиха! — сказала Marie, удержавъ ее за руку: — что они намъ сдѣлаютъ? Пусть ихъ поютъ.

Лида сѣла. Веселая ватага была отъ нихъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ. Она благополучно бы миновала Marie и Лиду, не замѣтя ихъ, еслибъ одинъ изъ толпы не обратился поднять выпавшую изъ рукъ трость. Бѣлое платье Лиды бросилось ему въ глаза.

— Господа! здѣсь дамы! — закричалъ онъ.

— Неужели? проси ихъ откушать съ нами.

— Боже! — съ ужасомъ, тихо проговорила Лида.

— Чего ты боишься? — отвѣчала ей Марья Александровна.

Молодежь окружила ихъ.

— Милостивыя государыни! — заговорилъ одинъ изъ нихъ, съ комическою важностью, — кто бы вы ни были, каковы бы ни были, хороши собой или дурны, стары или молоды (ночью всѣ волки сѣры) — покорнѣйше прошу васъ откушать съ нами, вотъ, въ этомъ павильонѣ. Я сегодня имянинникъ. Увѣренъ, что вы сдѣлаете мнѣ эту честь....

— Право? — сказала Марья Александровна, весело и спокойно, какъ будто дѣло шло о приглашеніи на чай къ доброй пріятельницѣ, — къ сожалѣнію, мы не можемъ доставить вамъ этой чести.

— Почему? отчего? это оскорбленіе! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Оставьте насъ, господа! — сказала наконецъ Марья Александровна, — мы ожидаемъ своей кареты.

— А! карета! скажите пожалуйста!—вскричала полупьяная молодежь,—зачѣмъ же карета? можно и пѣшкомъ: отсюда два шага....

Марья Александровна начинала трусить, а Лида дрожала какъ въ лихорадкѣ, и не могла выговорить ни слова.

— Что вы тутъ шутите? — вдругъ произнесъ сильный, свѣжій голосъ.

— Саша Эровъ! это ты! Да гдѣжъ ты былъ по сю пору?—послышалось въ отвѣтъ,—ну, вотъ, онъ все уладитъ, онъ мастеръ.

Выслушавъ въ чемъ дѣло, Эровъ подошелъ къ дамамъ. Лида быстро схватила его за руку.

— Спасите меня отъ этихъ людей! — сказала она вполголоса.

— Боже! Ли.... онъ не договорилъ имени. — Идите дальше, господа, и не безпокойте ихъ; какъ можно оскорблять дерзкой навязчивостью!...

— Э! а! вотъ что! — и толпа пошла далѣе съ возгласами.

— Лида!—сказала Marie, когда они отошли на нѣсколько шаговъ, — какъ я виновата! По моей милости ты разстроена и испугана. Не захворать бы тебѣ! Позвольте, Александръ Михайлычъ, я пойду скорѣе впередъ и приготовлю какихъ-нибудь успокоительныхъ капель.

И она почти бѣгомъ пустилась по алеѣ. Эровъ и Лида остались одни.

— И вы, и вы тутъ между ними! — сказала Лида съ чувствомъ скорбнаго изумленія.

Эровъ вздрогнулъ, будто ужаленный змѣей. Хорошо, что темнота мѣшала Лидѣ видѣть на его лицѣ выраженіе ненависти и оскорбленія.

— Отчего же мнѣ не быть тутъ, Лида Петров-

на?—отвѣчалъ онъ,—мнѣ весело съ этими людьми. Это общество мнѣ по душѣ, и въ немъ я, подъчасъ, вижу больше прекраснаго, чѣмъ въ иной модной гостиной. Вамъ это непонятно; но это еще не даетъ вамъ права оскорблять меня.

Лида была поражена и смущена рѣзкостью этихъ словъ, хотя обиженная гордость и сознаніе собственнаго достоинства пробудились было въ ней на минуту; но тотчасъ были подавлены непонятной робостью. Надменность и смѣлость Эрова дѣйствовали на нее магически.

— Мнѣ весело тамъ,—продолжалъ онъ,—тамъ есть хорошенькія женщины, у которыхъ скромность не доведена до тщеславія, приличіе до педантизма.

— У васъ особенный вкусъ, — сказала Лида, затронутая до глубины души, — желаю вамъ счастія съ подобными женщинами!

— Какую бы ни полюбилъ я, — продолжалъ онъ, — я полюблю ее за то, что она женщина — человѣкъ, а не за какую-нибудь блестящую обстановку.

— Вы оправдываетесь въ томъ, въ чемъ васъ никто не обвиняетъ. Любите, Богъ съ вами, кого хотите и какъ хотите,—никто вамъ не помѣшаетъ и никто васъ не осудитъ: одни потому, что имъ не до васъ; другіе потому, что вы не унизите ихъ!...

Она сама испугалась своихъ словъ и догадалась, по трепету его руки, на которую опиралась, и усиленному дыханію, что эти слова не прошли даромъ. Любовь, жалость, смѣшанныя со страхомъ, проникли ей въ душу.

— Кончимъ этотъ разговоръ,—сказала она,—

изъ него, для насъ обоихъ, выльется много горькаго и обиднаго. Забудьте его! Не сердитесь! Боже мой! вѣдь я думала, что вы любите меня!... И она заплакала.

Кого не трогали слезы любимой женщины? Кого не тронули бы простота и простосердечная откровенность послѣднихъ словъ Лиды, которыя заставили опомниться Эрова.

— Кто же увѣрилъ васъ въ противномъ, Лида? — Онъ остановился, подавленный душевнымъ волненіемъ, — Да, къ несчастію, да! я люблю васъ.... тебя, моя Лида!

И онъ страстно прижалъ къ губамъ ея руку. У Лиды закружилась голова, она невольно приникла къ его плечу.... Это была одна изъ невыразимыхъ минутъ взаимнаго восторга и забвенія всего грустнаго и горькаго въ жизни.

Марья Александровна, встревоженная ихъ медленностью, встрѣтилась имъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Проводя пріятельницъ до крыльца, Эровъ, молча, поклонился и воротился въ садъ. Лида была дотого потрясена всѣмъ случившимся, что едва дошла до комнаты.

Когда Лида возвратилась домой, дядя ея ходилъ по комнатѣ, докуривая сигару.

— Какая ты блѣдная! — заботливо сказалъ онъ Лидѣ, — что съ тобой? Здорова ли ты?

— Голова немного болитъ.... Прощайте, дядюшка! ужъ поздно; я пойду спать.

— Покойной ночи! Христосъ съ тобою!

Вице-губернаторша давала балъ, по случаю своихъ имянинъ. И Лида собиралась на балъ. На душѣ

у неї было легко и весело; она была согрѣта сознаніемъ, что любитъ, что любима; послѣднему она вѣрила такъ безусловно, и эта вѣра горѣла передъ ней яркої, плѣнительної звѣздой; она-то дала лицу ея такое чудное выраженіе счастія, придала новый блескъ ея взору, новую прелесть движеніямъ. Какъ хороша Лида теперь, передъ баломъ, въ своей бѣлої блузѣ и легонькомъ чепчикѣ!

— Дуня! Пора одѣваться. — И горничная явилась на призывъ со всѣми орудіями своего искусства.

Когда Лида, совсѣмъ готовая, вошла къ себѣ въ гостиную, до слуха ея доходилъ неясный звукъ разговора, черезъ комнату.

— Кто у насъ? — спросила она человѣка, поправлявшаго лампу.

— Никого-съ.

— Съ кѣмъ же папà говоритъ?

— Да это живописецъ, чтò портретъ съ васъ пишетъ.

Что это значитъ, Лида? Отчего вспыхнуло у тебя лицо? отчего остановилась ты, какъ пораженная? что такъ смутило тебя? ужъ не глупый ли отвѣтъ слуги, о томъ, кого избрало твое сердце: — *Никого*!... Но если это смутило тебя, то приготовься: не разъ еще нанесутъ раны твоему самолюбію; — выпрямляй и ты свой станъ, отражай все гордымъ холодомъ, сжимай уста презрительной улыбкой.... но покуда, успокойся: карета у крыльца, поѣзжай на балъ; тамъ ждутъ тебя пышные наряды, ласкательныя улыбки, блескъ и свѣтъ; тамъ гремитъ музыка и, подъ ея звуки, опьяненная быстротою танца, ты позабудешься,

заглушишь безотвязный голосъ сердца, и постигнешь ту силу, какую имѣетъ балъ для женщины: въ немъ тонутъ ея печали, стихаютъ страданія, мелѣетъ чувство, разсѣвается горе, въ немъ незамѣтно отвлекается она отъ внутренней жизни, и также незамѣтно переходитъ вся въ жизнь внѣшнюю.

Лида порхала на балѣ, а Марья Александровна бѣсѣдовала съ Эровымъ.

— Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете, Александръ Михайловичъ? — говорила она, — подумайте хорошенько, задушите это чувство, эту змѣю, которая, со временемъ, задушитъ васъ.

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Уѣзжайте скорѣе; перестаньте ходить къ нимъ; дальше отъ глазъ, дальше отъ сердца. Лида ребенокъ; надъ ней это сбудется скорѣе, нежели надъ другой: не выйдетъ же она за васъ!... А если и рѣшится на подобную жертву, въ первомъ порывѣ чувства, то не вынесетъ и умретъ, подавленная собственнымъ своимъ самолюбіемъ. Положимъ, что вы были бы на столько сильны, что оторвали бы ее отъ всего, что̀ она привыкла уважать и считать необходимымъ съ дѣтства; но этотъ отрывъ оставитъ разрушительные слѣды въ ея душѣ, и вамъ останется измученная, полуживая Лида, которая не ангелъ же, чтобъ не считать васъ причиною своего страданія. Скажите, что̀ вы хотите сдѣлать изъ этой любви? Общую пытку, никогда недостижимую цѣль, блѣдную мечту, надъ которой будете сами послѣ смѣяться, или опасную игру, въ которую вы, мужчина свободный и безотвѣтственный, обыграете навѣрное.

Эровъ призадумался.

— Да, вы правы, — сказалъ онъ, — надо разстаться. Помогите мнѣ, вы такъ умны и добры!

— И какъ еще можете вы, до-сихъ-поръ, выносить все это? Вы, столько гордый и благородный! Не сердитесь; я буду откровенна, какъ сама истина: вы такъ ослѣплены, что не замѣчаете оскорбительнаго съ вами обращенія Стоянова. Лида.... конечно, она любитъ васъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣрьте, она не забываетъ себя. Выходи за него, — сказала я ей однажды. — Это невозможно, чтожъ онъ такое? — отвѣчала она.

Горькая улыбка искривила губы Эрова; онъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— О, сказалъ онъ, — будь проклята минута, въ которую я вступилъ въ этотъ городъ; будь проклято чувство, которое даетъ мнѣ одно униженіе! Да, вы правы, каждая ея улыбка, каждый взглядъ — милость; но мнѣ милостей ея не нужно!

— Вотъ, видите ли, до чего дошли вы; дойдете еще до худшаго, повѣрьте. Вы говорите, что ваша работа почти окончена. Уѣзжайте. Я также думаю скоро ѣхать въ Петербургъ. — Тамъ мы встрѣтимся старыми друзьями, и вмѣстѣ погорюемъ и посмѣемся надъ судьбой. Тамъ вы напишете мой портретъ, — не правда ли? — прибавила она съ движеніемъ неотразимаго кокетства.

— А Лида? — сказалъ онъ, — Лида, что̀ съ ней будетъ?

— Лида намъ не товарищъ; она пойдетъ своей дорогой. Послушайтесь меня — не ходите къ нимъ, если не хотите, въ самомъ дѣлѣ, заставить ее страдать глубоко.

— Завтра я кончу ея портретъ, а тамъ — послушаюсь вашего благоразумія, уѣду отсюда.

Эровъ весь вечеръ провелъ съ Марьей Александровной. Она была очень любезна, и, подъ часъ, до того оживлялась своимъ краснорѣчіемъ, что дѣлалась очаровательной. Они говорили о любви, о живописи, о поэзіи жизни и поэзіи исскуства, о душевномъ страданіи и.... о всемъ прекрасномъ и высокомъ.

— Чудная женщина! — думалъ онъ, возвращаясь домой, — любопытно бы было заглянуть ей въ душу, въ ея прошедшее; что она испытала въ жизни. Любила ли? кого? Какъ любила? Была ли счастлива, или натерпѣлась много горя? — И онъ строилъ на этихъ вопросахъ разнообразный, занимательный романъ.

Ночь была теплая и ясная. Простясь съ Эровымъ, Марья Александровна, съ давно-невѣдомымъ наслажденіемъ, сѣла у окна. Заря догарала; тихо и ясно было вечернее небо; изъ сада лился запахъ цвѣтущихъ липъ и тополей. Она думала о Эровѣ.

Возвратясь съ бала, Лида, въ то же время, сидѣла у открытаго окна, въ своей комнатѣ, и для нея, точно также, свѣтили звѣзды и догорала заря. Улица затихла и опустѣла; изрѣдка лишь раздастся шагъ запоздалаго пѣшехода; продребезжатъ извощичьи дрожки; залаютъ собаки. Лида сидѣла неподвижно, охваченная какимъ-то непонятнымъ обаяніемъ. Усиленно билось въ ней юное, жаждущее жизни и счастія сердце, билось, взволнованное сладкой думой, отраднымъ ожиданіемъ! Завтра онъ придетъ! я опять увижу его, услышу его голосъ! Доживу ли я до завтра? Какъ я его люблю! Какъ все прекрасно въ этомъ мірѣ, когда любишь, когда счастливъ!

И долго сидѣла она, и долго думала, и долго мечтала, пока сонъ и усталость не сомкнули ея глазъ. Не спи, Лида: лови эти минуты, живи и переживай ихъ.... это жизнь, полная и прекрасная; она пройдетъ скоро и невозвратно; наступитъ другая пора, блѣдная и безцвѣтная: утомится сердце, очерствѣетъ обманутая, оскорбленная душа; одинъ за другимъ, лѣниво будешь проводить ты дни, эти страницы скучной, незанимательной книги, которую судьба, поневолѣ, заставитъ тебя читать.... Тогда спи; тогда ты благословишь сонъ и будешь ждать его, какъ желаннаго гостя.

Портретъ оконченъ. Художникъ и оригиналъ любуются на него. Вошелъ Стояновъ. Онъ какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на Лиду; оттого-ли, что щеки ея слишкомъ разкраснѣлись, или оттого, что головка слишкомъ близко наклонилась къ художнику.

— Посмотрите, папà, — сказала она, указывая на портретъ, который въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасенъ, — какъ хорошъ!

— Да, проговорилъ дядя, — хорошъ.... Чтò же вамъ за него? — продолжалъ онъ, обращаясь къ Эрову.... Скажите, не стѣсняйтесь — видя, что Эровъ молчитъ.

— Мнѣ ничего за него не надо, — отвѣчалъ онъ, выпрямляясь.

— Что это значитъ? — перебилъ Стояновъ, — съ чего вы взяли, что вы можете дѣлать мнѣ или Лидѣ подарки? На это надо имѣть *какое-нибудь* право....

— Это въ память, — сказалъ затронутый Эровъ.

— Милостивый государь! между нами никакой не можетъ быть памяти, — запальчиво произнесъ Стояновъ, подстрѣкаемый подозрѣніемъ, — не угодно ли вамъ назначить цѣну?

Эровъ поблѣднѣлъ, лицо его исказилось; онъ весь дрожалъ. Лида, почти безъ чувствъ, упала въ кресло.

Стояновъ взглянулъ на нее, потомъ на Эрова и показалъ рукою двери.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ изступленное движеніе впередъ; но легкій стонъ и умоляющій жестъ Лиды привели его въ себя. Какъ шальной, выбѣжалъ онъ изъ дома.

Другой, на мѣстѣ Стоянова, тотчасъ вступилъ бы въ объясненія съ племянницей, сталъ бы представлять, какъ нелѣпа и неосновательна страсть ея, сталъ бы доказывать это доводами разсудка и сильнѣе раздулъ бы сердечный пожаръ. Но Стояновъ былъ уменъ и остороженъ.

— Сдѣлалъ глупость, — сказалъ онъ самъ себѣ, — позволилъ имъ сблизиться, не буду же прибавлять къ ней другой. Слова, — особливо теперь, на первыхъ порахъ, — не помогутъ.

И онъ сталъ еще ласковѣе къ Лидѣ. Разбитую, униженную послѣдней сценой Лиду давила тоска, давило собственное безсиліе, терзали ласки дяди. Она молчала, потому-что не хотѣла подвергать напраснымъ и безполезнымъ оскорбленіямъ имя любимаго: она похожа была на человѣка въ цѣпяхъ, но въ такихъ, которыя вросли въ тѣло.... малѣйшая попытка причиняла страшную, невыносимую боль.

Черезъ три дня, послѣ этой сцены, увлекаемая безсознательнымъ порывомъ, Лида написала Эрову:

«Чувствую, что это была такая буря, которая отбросила насъ другъ отъ друга на неизмѣримое разстояніе; знаю, что ты страдаешь, но вѣрь, что рана, которую ты носишь въ душѣ, есть и моя рана, — я также поражена, также страдаю. Разница въ томъ, что меня, слабую женщину, давитъ это страданіе, а ты носишь его свободно и гордо. Тебѣ горитъ въ будущемъ яркой звѣздой слава; тебѣ открываетъ божественныя объятія искусство,—у меня одна любовь, тяжелая, отравленная, окованная. Ты готовъ разлюбить меня изъ гордости; я готова пожертвовать собой изъ любви къ тебѣ. Знаю я лекарство, которое уврачуетъ твой недугъ!... Хочешь, возьми меня; я пойду за тобой; я готова на жертву, хоть бы умереть отъ нея!»

У Эрова закружилась на минуту голова отъ послѣднихъ строкъ. Порывъ ненависти и мщенія закипѣлъ у него въ груди:

— А, гордецъ! — сказалъ онъ, я ничто, я забываюсь, а вотъ, со мною уходитъ твоя изнѣженная Лида; меня ставитъ она выше всего!

Гордость его торжествовала, она поглотила все его существо. Но, тучи разсѣялись и чувство заговорило въ немъ.—Лида! произнесъ онъ, бѣдный ребенокъ! тебя ли я сдѣлаю игрушкой моего тщеславія, моего мщенія! Художникъ-ли разобьетъ прекрасное созданіе, изъ ненависти къ его обладателю!—Онъ снова пробѣжалъ записку. Бѣдная! не будь у тебя живой вѣры въ мою любовь, въ то, что я не приму отъ тебя этой жертвы, ты никогда не писала бы такъ.

И онъ, увлекаемый оскорбленнымъ самолюбіемъ, взялъ перо, чтобы отвѣчать ей.

«Мнѣ очень жаль, что встрѣча моя съ вами навлекла вамъ такъ много непріятнаго; забудьте о ней и будьте счастливы. Никто, больше васъ, этого недостоинъ; никто, больше меня, вамъ этого не желаетъ. Благодарю васъ за снисхожденіе, за готовность на жертву, но я увѣренъ, что вы не предполагаете во мнѣ столько грубаго эгоизма, чтобы заставить васъ умереть подъ ея тяжестью....»

Грустно и тяжело стало Лидѣ, когда она прочитала эти строки; долго смотрѣла она на нихъ, будто искала чего-то между ними: ей все не вѣрилось, что это написалъ онъ. Такъ ли любятъ? этотъ вопросъ въ первый разъ представился ей съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ Эровымъ. Она мысленно пробѣжала всю исторію своего сердца, и внутренній голосъ сказалъ ей, что она оскорблена.

— Неужели онъ не любитъ меня? — повторяла она въ горькомъ раздумьи, — не любитъ! Неужели насильно навязала я ему любовь свою?... Какое униженіе! за что же? чѣмъ я заслужила это? Но, можетъ быть, онъ хотѣлъ этимъ тѣшить свою гордость; можетъ быть, онъ въ душѣ не то, совсѣмъ не то....

И, какъ утопающій за соломенку, она хваталась за эту мысль.

Эровъ усердно посѣщалъ Марью Александровну. Ея участіе, красота и, особенно, цвѣтистыя рѣчи, въ которыя она мастерски вливала ядъ самой

тонкой, пріятной лести, — цѣлительно дѣйствовали на уязвленную душу Эрова. Сцена съ Стояновымъ если не совсѣмъ уничтожила любовь его къ Лидѣ, то затмила и ослабила ее тѣмъ оскорбленіемъ, о которомъ одно даже воспоминаніе раздражало и бѣсило его. Иногда ему становилось жаль Лиду, но это чувство тотчасъ заглушалось закоснѣлой, неизлечимой ненавистью ко всему, что напоминало отношенія его къ свѣту. Теперь передъ нимъ женщина прекрасная, умная, любящая. Марья Александровна, особенно въ эту минуту, очаровательна: на ней блѣдно-розовая, кисейная блуза; въ черныхъ, густыхъ волосахъ полуувядшая камелія; въ глазахъ чудная томность; въ голосѣ южная нѣга.

— Вчера я видѣла Лиду, — говоритъ она. — Бѣдняжка очень грустна.

— Не напоминайте мнѣ о ней! — сказалъ онъ, закрывая глаза рукою.

— Полноте! не горюйте! берегите свѣжесть вашей души для таланта, для искусства. Слава Богу, что вы освободились отъ бремени, тягостнаго для васъ обоихъ! Вы оба не были бы счастливы. Повѣрьте мнѣ: Лида женщина только половиной своего существа, — другой половиной она — барышня. Никто лучше меня этого не знаетъ! Не такую женщину вамъ надо! Вамъ надо женщину, артистку душой, свободную въ мысляхъ и дѣйствіяхъ; женщину, которая бы послѣдовала за вами безъ сожалѣнія, безъ укора; для которой бы слова «жертва» — не существовало, потому-что вы были бы для нея выше всякой жертвы.... Да, пускай бранятъ меня, осуждаютъ, но я счастливѣе этихъ мученицъ свѣта, съ моимъ равноду-

шіемъ къ нему. Въ жизни я ищу счастія, безъ жеманства и ложныхъ предразсудковъ, и, найдя его, ничѣмъ не стѣсняюсь. Если я люблю, то люблю безъ оглядки и безъ раскаянья.

Ея голосъ, чистый и свѣжій, ея рѣчи, дополняемыя взглядами чудесныхъ глазъ, производили на Эрова отрадное впечатлѣніе.

— Гдѣ найдти такую женщину? — сказалъ онъ въ раздумьи, садясь возлѣ нея и смотря на нее прямо. — Развѣ есть на свѣтѣ другая вы?

— А вамъ мало одной? — сказала она съ плѣнительной улыбкой.

Онъ съ восторгомъ схватилъ ея руку.

— Не ее — меня надо любить тебѣ! — сказала она съ страстнымъ увлеченіемъ.

— Лида, дружокъ мой! подумай хорошенько! — говорилъ Стояновъ, расхаживая большими шагами по комнатѣ, — человѣкъ онъ прекрасный, съ званіемъ, съ состояніемъ, собой недуренъ. Я не знаю, чего еще больше! такъ нѣтъ! у васъ все романы въ головѣ, все какія то страсти, все *парамуры!* (Парамурами онъ называлъ браки по любви, par amour!)

— Простите меня, мой другъ! — сказала Лида, и въ голосѣ ея слышалось искреннее, глубокое страданіе, — не гнѣвайтесь! Но я не хочу выходить замужъ. Что мнѣ дѣлать? Я жизни не рада!... — Она бросилась на грудь дяди и зарыдала.

— Вотъ что̀ дѣлаютъ ваши глупости! Вотъ, до чего ты дошла, что ужъ жизнь становится тебѣ въ тягость! Ахъ, Лида, Лида, мой другъ! — прибавилъ онъ съ чувствомъ, — видно, это крестъ

Богъ мнѣ послалъ! — Лида плакала. — Подумай, мой другъ, хорошенько, брось эту глупость; рѣшись, покажи, что ты дѣвушка съ характеромъ....

— Не выдавайте меня, — я умру!

— Да полно плакать! Развѣ я неволю тебя? Я только совѣтую, прошу.... А признаться, порадовался бы я! Не хочешь, — нечего дѣлать — откажу ему.

Лида не спала всю ночь. Печально и сумрачно развернулась передъ ней жизнь. Не видѣть его никогда, не слышать его голоса, не встрѣчать его взгляда, — развѣ это не смерть, — развѣ не хуже, чѣмъ смерть? Въ ней происходилъ страшный переворотъ. Холодный потъ выступалъ на утомленномъ лицѣ; любовь огненной волной приливала къ сердцу, свѣтъ разсудка меркъ, и одно за другимъ исчезали ея убѣжденія! Она видѣла, чувствовала только его, весь міръ исчезъ и слился въ немъ одномъ. Еслибъ Марья Александровна заглянула ей теперь въ душу, она бы не сказала, что любовь ея не полна. Не попадись Лидѣ подъ руку послѣдняя записка Эрова, не пробудись въ ней опять сомнѣніе, навѣянное его холоднымъ, сжатымъ тономъ, — Богъ знаетъ, на что рѣшилась бы она. Теперь же она написала ему только эти строчки:

«Не вѣрю я ни вашимъ сухимъ отвѣтамъ, ни вашей холодности! Нуженъ сильный ударъ, чтобы убить мою любовь. Она будетъ жить и терзать меня, до-тѣхъ-поръ, пока я не узнаю истины, просто и ясно. Умоляю васъ, скажите прямо и откровенно, что вы меня не любите, что все это было — шутка, мечта, ошибка сердца.... Не жалѣйте меня! Больше теперешняго я не буду страдать. Правды, одной только правды, — какова бы она ни была, —

прошу я у васъ, какъ милости! Одинъ чудакъ отдалъ милліонъ за правду: я отдаю больше — отдаю мое счастье».

Только что она дописала послѣднее слово, какъ горничная подала ей записку, примолвя: «отъ Марьи Александровны-съ».

Лида поспѣшно развернула, и съ первой строчки лицо ея выразило скорбное, усиленное вниманіе. Она читала:

«Какъ ты ни увѣряешь меня, злой человѣкъ, что разлюбилъ свою мечтательную Лиду, но я все мучусь ревностью и сомнѣніемъ. Вотъ уже два дня не вижу тебя, и хожу безпокойна, грустна, почти несчастна».

Лида съ минуту судорожно мяла въ рукѣ эту записку, потомъ медленно встала — и будто выросла на два вершка: такимъ чуднымъ, гордымъ негодованіемъ сверкало у ней лицо, черты котораго, всегда мягкія и нѣжныя, вдругъ окрѣпли выраженіемъ какого-то тайнаго, могучаго сознанія.... Она тутъ же написала:

«Милая Marie! дѣвушка твоя, вѣрно ошибкой, отдала мнѣ эту записку, которую возвращаю».

Позвонила и отослала. Все это она сдѣлала быстро, судорожно, съ страшнымъ усиліемъ побѣдить душевное волненіе. Ей хотѣлось равнодушіемъ, презрѣніемъ заглушить боль сердечной раны, — какъ будто это было возможно! Положимъ, любовь была убита, но вмѣстѣ съ ней разбито и счастье. Отвергнута, унижена, забыта! Этого было слишкомъ! Съ отчаяніемъ упала она на диванъ; нѣсколько минутъ смотрѣла дико, безумно на все окружающее, потомъ горько и безотрадно заплакала.

Не плачь, Лида! Съ этими слезами не выльется твое горе. Тяжело упадутъ онѣ на дно души и,— какъ залеченныя раны въ дурную погоду, — будутъ отзываться въ грустные дни. Не плачь, Лида! впереди цѣлая жизнь. Не ты первая, не ты послѣдняя вступаешь въ нее съ разбитымъ сердцемъ, съ измученной душой. Впередъ, дитя мое! возьми крестъ свой и впередъ! Не только счастья, что въ любви.... Придетъ пора, и другое утѣшеніе узнаешь ты, — ты узнаешь его въ неиспытанной отрадѣ, въ горячей молитвѣ, въ сладкой думѣ о жизни за гробомъ. Впередъ, впередъ! Жизнь и люди ждутъ тебя.

Дѣвушка Мановой, точно, нечаянно перемѣшала записки, и отъ Лиды пошла къ Эрову, которому отдала записку, адресованную къ Лидѣ. Онъ разспросилъ дѣвушку, и тотчасъ понялъ ошибку. Ему сдѣлалось вдругъ досадно и стыдно, какъ школьнику, пойманному учителемъ въ шалости. Потомъ ему живо представилось, что̀ почувствовала Лида при подобномъ открытіи, и тяжелое, непріятное чувство налегло ему на душу.... Онъ разсердился на все и на всѣхъ.

— Надо кончить это разомъ, — сказалъ онъ,— здѣсь мнѣ не житье. Эти женщины только измучатъ меня. Здѣсь и душа, и талантъ мой страдаютъ. — И въ тотъ же день, къ вечеру, онъ былъ уже на дорогѣ въ Петербургъ.

Марья Александровна, взбѣшенная и разстроенная, также скоро оставила губернскій городъ.

Прошло около десяти лѣтъ. Эровъ возвратился изъ-за границы, вошелъ въ славу. Его картины

привлекали толпу зрителей, возбуждали толки знатоковъ. Онъ уже не бѣдный, безвѣстный живописецъ, — но художникъ съ деньгами и извѣстностью.

Однажды утромъ, одинъ господинъ, озабоченно и торопливо, дернулъ ручку колокольчика у дверей его мастерской. Эровъ встрѣтилъ его съ кистью въ рукѣ.

— Я къ вамъ съ предложеніемъ, или скорѣе съ просьбой.

— Что вамъ угодно? Заказъ?

— Да, можетъ быть, немного непріятный въ душевномъ отношеніи.... дѣло идетъ о портретѣ съ мертвеца.

— Мужчины или женщины?

— Княгини N. Какъ жаль! молодая женщина.... Мужъ въ большомъ горѣ. Поручилъ мнѣ просить васъ о портретѣ. Не откажите, любезнѣйшій Александръ Михайловичъ!

— Какъ вы назвали фамилію?

— Князь N.

— Ужъ это не сынъ ли того князя N., который былъ.... моимъ покровителемъ? — Языкъ Эрова не произнесъ слова «благодѣтель».

— Такъ я могу надѣяться?

— Очень хорошо. Когда же?

— Да сегодня, хоть сейчасъ, — мертвые не терпятъ.

— Я свободенъ, и черезъ десять минутъ буду готовъ.

Эровъ одѣлся; щегольская коляска подвезла его къ княжескому дому. Ничто не могло быть печальнѣе и тягостнѣе чувства, которое проникало посѣтителя этого дома.... Завѣшанныя зеркала,

чинный трауръ слугъ, глухой, томительный голосъ чтеца, мерцаніе погребальныхъ свѣчъ при дневномъ свѣтѣ, — все это бросало въ непріятное, горестное содроганіе. Эрову давно не доводилось смотрѣть въ лицо смерти, и на душѣ у него стало холодно и безотрадно.

Онъ вошелъ въ залъ; тамъ на столѣ, въ богатомъ гробѣ, лежала женщина. Неизъяснимая печаль покоя и забвенія отражалась на этомъ мраморномъ лицѣ.... Подойди, Эровъ! Эта женщина не встрепенется больше отъ твоего приближенія; не вспыхнетъ яркимъ румянцемъ ея лицо; не оживятся выраженіемъ любви эти черты, холодныя и безотвѣтныя, какъ сама смерть, оковавшая ихъ.... Смерть дала ей то спокойствіе, котораго, можетъ-быть, напрасно искала она живая, при встрѣчѣ съ тобою.... И онъ подошелъ. Къ его сердцу прихлынуло какое-то смутное, глухое страданіе; онъ вдругъ прозрѣлъ въ свое прошедшее, понялъ ея любовь, ея мученье, ея безкорыстную готовность отдать ему жизнь и счастье, — понялъ и, гордый человѣкъ, въ первый, и едва ли не въ послѣдній разъ въ своей жизни, прослезился.... Но, не ожила она отъ этихъ слезъ, а лежала спокойно и неподвижно.

— Эровъ! — сказалъ сзади чей-то грустный, мужской голосъ. — Эровъ! Саша! Узналъ ли ты меня?

Эровъ узналъ князя N., сына своего благодѣтеля, и бросился въ его распростертыя объятія, довольный тѣмъ, что слезы печали могли быть приняты за слезы радостной встрѣчи.

1849.

Сильнѣе чинствую-
ть нежность и
хлопотливость сильных
чувств

VII.

СИЛА ПРОШЕДШАГО.

VII.

СИЛА ПРОШЕДШАГО.

— Что̀ ты дѣлаешь, Julie? — спросила молодая, черноглазая, свѣженькая, какъ роза, дѣвушка кого-то въ другой комнатѣ, потому-что въ той, гдѣ она находилась, не было никого.

— Что̀-о? — послышалось изъ другой комнаты, протянутое зѣвотой.

— Что ты дѣлаешь?

— Слышишь, зѣваю.

— Ну что, ma chère.... отвѣчала дѣвушка недовольнымъ тономъ.

— Смѣшная ты, Катя! Что же прикажешь дѣлать? Мнѣ кажется, вся жизнь моя скоро обратится въ одинъ длинный, скучный зѣвокъ.

— Опять валяется на диванѣ! сказала Катя, входя въ другую комнату, небольшую, просто, но чисто меблированную. Голубыя занавѣсы разливали по ней блѣдный, фантастическій свѣтъ, тѣмъ болѣе, что день былъ сумрачный и дождливый, какіе, обыкновенно, бываютъ въ половинѣ октября. Въ простѣнкѣ стоялъ диванъ. На немъ-то лѣ-

ниво и безпечно лежала та, которую Катя называла именемъ Julie. Это была стройная, тонкая, граціозная дѣвушка, съ лицомъ задумчивымъ и пріятнымъ, котораго нѣжныя, почти страстныя черты какъ-то плохо гармонировали съ апатіей, выражавшейся въ ея позѣ и движеніяхъ.

— Полно хандрить! — сказала Катя, сѣвъ возлѣ нея на диванѣ и гладя ея глянцовитые и мягкіе, какъ шелкъ, русые волосы.

— Кто тебѣ сказалъ, что я хандрю? Я просто устала; о твоемъ же приданомъ хлопотала.

— Ангелъ мой! Ахъ, еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя! Никто не будетъ тебя любить такъ!

— Хорошо, когда я, умирая, буду припоминать всѣхъ, кто меня любитъ, ты будешь изъ первыхъ.

— Меня тоска беретъ и безъ мысли о смерти.

— Сохрани тебя Богъ отъ тоски! особенно отъ такой, какая иногда на меня находитъ. Право, кажется, подобная тоска можетъ родиться только на сѣверѣ: такая же туманная и безпредметная, какъ наши необозримыя равнины; томительная и безконечная, какъ русскія пѣсни.

— Тебѣ очень грустно? вижу, что грустно!

— Скучно; посмотри, какое время. Скоро два часа, а тетушки нѣтъ.

— Ты страдаешь, — продолжала Катя, не слушая ее; ты мастерски скрываешь свое страданіе, но меня тебѣ не обмануть. Милая Julie! О! произнесла Катя, вдругъ наклонившись къ Юліи, съ сверкающимъ взоромъ, какъ я ненавижу *его!* какъ ненавижу, хоть и не знаю! Тебя разлюбить, тебя! Неужели это возможно?

— Отчего же невозможно, мой другъ? Вѣдь это тебѣ я кажусь особеннымъ существомъ, ода-

реннымъ всевозможными добродѣтелями, а въ сущности, чѣмъ я лучше другихъ, если не хуже? Долго ли позабыть!

— Онъ пустой, ничтожный человѣкъ; ему не подъ силу понять и оцѣнить тебя; онъ испугался твоего превосходства.

— Не будемъ говорить объ этомъ. Я ужъ не люблю и не страдаю. Богъ съ нимъ! Одно только онъ не хорошо сдѣлалъ, что не сказалъ мнѣ прямо, не отвѣтилъ мнѣ, когда я такъ просила объ этомъ. Онъ могъ разлюбить меня, но не оскорблять!... Но еще разъ, полно объ этомъ; ты видишь, я покойна, веселѣе всѣхъ. Кто разсмѣшитъ и развлечетъ васъ, какъ не я?

— Но это не больше, какъ сила воли, которую ты такъ любишь пробовать.

— Нѣтъ, я хочу примириться съ этой жизнью; хочу отъ всей души, и право, иногда, весела непритворно.

— Откуда же это равнодушіе, это отсутствіе желаній, утомленіе, которое видно въ твоемъ взорѣ? эта насмѣшливая любовь къ матеріяльной сторонѣ жизни; эти минуты внезапнаго увлеченія, въ которыя ты такъ красно, такъ вдохновенно говоришь?

— Это такъ, минутное расположеніе, остатки прежней мечтательности.... Что же касается до моей вялости и равнодушія, — это оттого, что я слишкомъ страдала и жила сердцемъ. Я такъ устала отъ слезъ и горя, что едва ли отдохну въ продолженіе всей жизни....

Она провела рукой по лицу и встала; на щекахъ у ней вспыхнулъ румянецъ.

— Помилуй, Катя! что тебѣ за охота будить

мои страданія, мою тоску? Знаешь ли, что ты разрушаешь плоды долгихъ и постоянныхъ усилій разсудка? Чтоже, тебѣ было бы лучше, еслибъ я плакала, вздыхала, ходила блѣдная, какъ тѣнь,— однимъ словомъ, была бы вполнѣ похожа на героиню романа, которую такъ хочется тебѣ изъ меня сдѣлать?

— Лучше. Скрывать горе—двойная мука. Знаешь, какая мысль преслѣдуетъ меня? Мнѣ хотѣлось бы отмстить ему. Я не дурна собой, умѣю пококетничать.... Еслибъ я встрѣтилась съ нимъ, и мнѣ удалось бы влюбить его въ себя, да такъ, чтобъ онъ, не шутя, увлекся, — влюбить, чтобъ послѣ имѣть наслажденіе сказать ему: «вы низкій человѣкъ, я васъ ненавижу! я васъ обманула...» Заставить его страдать.... О, это было бы для меня большое счастье!

— И ты думаешь, что мнѣ было бы легче отъ этого....

— Такъ ты еще любишь его, любишь! Что же излечитъ тебя отъ этой ненавистной любви?

— Жизнь или смерть, которая-нибудь изъ двухъ....

— Какая ты слабая женщина! Въ тебѣ нѣтъ ни гордости, ни самолюбія, ни того желанія мстить, которое даетъ высокое значеніе жизни.

— Не зови этихъ демоновъ! Богъ говоритъ прямо: «прощай и люби....»

— Но я не могла бы....

— Кончимъ объ этомъ; поговоримъ лучше о твоемъ женихѣ. Думала ли я, что буду видѣть тебя невѣстой, не знавши твоего жениха! Чего не случается въ жизни! Разскажи мнѣ о вашей встрѣчѣ.

— Да вѣдь я тебѣ разсказывала.

— Нужды нѣтъ; разскажи еще.

— Ну, вотъ, какъ ты нынче весной оставила меня погостить у бабушки, я и познакомилась тамъ съ Вольдемаромъ, который пріѣхалъ на лѣто къ дядѣ своему, Петру Михайловичу Карелину; Карелинъ близкій бабушкинъ сосѣдъ, привезъ къ ней Вольдемара познакомить. Бабушка пригласила его бывать почаще; Вольдемаръ и бывалъ довольно таки часто. Мы иногда гуляли одни; потомъ онъ училъ меня кататься верхомъ; а потомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, сказалъ мнѣ, что любитъ меня. Я притворилась, будто не вѣрю, — будто боюсь, не хочетъ ли онъ сдѣлать изъ сердца бѣдной дѣвушки игрушку для своей праздной фантазіи. Онъ сказалъ, что намѣренія его честны и благородны, и тогда же объявилъ бабушкѣ, что хочетъ жениться на мнѣ. Вѣдь онъ свободенъ, какъ воздухъ; родителей у него, какъ и у насъ съ тобой, нѣтъ. Вотъ, онъ и поѣхалъ въ Питеръ, устроить какія-то дѣла, а я отправилась поскорѣе къ тебѣ, потому-что безъ Вольдемара у бабушки смертельно скучно.

— Какъ же онъ сказалъ тебѣ о своей любви?

— Ахъ, какая ты! Ну, былъ теплый, ясный вечеръ, мы шли по алеѣ, сердце у меня билось,— мнѣ было и страшно, и весело. Онъ молчалъ; я видѣла, что онъ былъ взволнованъ и придавалъ глазамъ и голосу выраженіе нѣжной робости. Мы сѣли на скамейку. Вотъ, вдругъ онъ наклоняется лицомъ къ моему плечу, — вообрази мой ужасъ! я отодвинулась и поглядѣла на него строго. Катя! проговорилъ онъ тихо, — Катя, не сердитесь, простите меня.... Я люблю васъ, люблю искренно

и нѣжно.... Въ такомъ случаѣ, говорю я, вставая, мнѣ нельзя оставаться съ вами здѣсь одной. Пойдемте къ бабушкѣ, Вольдемаръ! прибавила я; я увѣрена, что честный, благородный человѣкъ не станетъ шутить чувствами неопытной, довѣрчивой дѣвушки.... Возможно ли, Катя? намѣренія мои такъ же чисты, какъ и любовь, и лучшая моя надежда назвать васъ своей женой. Вотъ какъ дѣло сдѣлалось. Онъ скоро долженъ быть.

— Ты очень его любишь?

— Да.... Странно, ma chère! Я не имѣю къ нему той любви, о которой мечтала и читала въ романахъ. Въ душѣ у меня какое-то тихое, сестринское чувство. Прежде я думала, что могу сильнѣе любить. Но я люблю его.... Сохрани Богъ, если что съ нимъ случится! Вотъ, и тетушка пріѣхала!

И точно на дворъ въѣхалъ, съ шумомъ и дребезгомъ, какой-то допотопный экипажъ, похожій на тыкву и по формѣ, и по желтой краскѣ, которою былъ окрашенъ. Съ запятокъ соскочилъ длинный ричардо, въ табачнаго цвѣта ливреѣ, отворилъ дверцы и принялъ старую барыню, въ темномъ, нахлобученномъ капорѣ и драдедамовомъ салопѣ.

— Ну, дѣти, говорила она усталымъ голосомъ, снявши салопъ и капоръ въ передней, и побранивъ за что-то краснощекую служанку, всѣ лавки исходила, лучше этого ничего не нашла.

Она положила на столъ цѣлую связку покупокъ.

— Бѣдная тетушка! сказала Юлія, протягивая съ дивана ручку, чтобы поцѣловать сухую руку тетки. Катя между тѣмъ разбирала покупки.

— А, это очень мило! воскликнула она, перебирая одинъ за другимъ куски кисей и шелковыхъ

матерій; послѣднихъ, правда, была немного, потому-что Катя была небогатая невѣста.

— А, вотъ, что̀ Юленька скажетъ? — сказала тетка, устремляя нѣжный взглядъ на племянницу.

Анна Петровна, оставшись бездѣтной вдовой, сосредоточила на Юліи всѣ привязанности души прошедшія и будущія. Судьба нежданно дала ей на руки этихъ двухъ дѣвушекъ. Родной братъ ея Павелъ Петровичъ Силинъ, овдовѣвъ, женился на небогатой, но красивой вдовѣ, у которой отъ перваго мужа была дочь Катя. У Силина была, также отъ первой жены, дочь, тремя годами старше Кати. Юлія была миленькая, умненькая дѣвочка. Силину не посчастливилось: черезъ два года онъ похоронилъ и вторую жену. Горе и разныя неудачи въ хозяйственныхъ оборотахъ разстроили и здоровье, и состояніе его. Онъ умеръ на рукахъ Анны Петровны, поручивъ ея попеченію двухъ сиротъ. Юліи было въ то время 17 лѣтъ, Катѣ — 14. Живой, понятливый ребенокъ, Катя скоро заставила забыть сестру, которую она обожала, разницу лѣтъ между ними, и сдѣлалась для нея отраднымъ товарищемъ, съ которымъ та дѣлилась и горемъ, и радостью своего сердца. При врожденной мечтательности, Юлія обладала быстрымъ, воспріимчивымъ умомъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ созданій, которыя рано выходятъ изъ дѣтства, рано начинаютъ понимать жизнь, вѣрно угадываютъ ее, по врожденному, всепроницающему инстинкту. Пламенная, восторженная въ душѣ, она всегда умѣла казаться солидною, умѣла примиряться съ жизнью, и заставить любить себя всѣхъ, кто ее зналъ вблизи; въ ней преобладалъ какой-то природный тактъ,

заставлявшій ее приноравливаться къ людскимъ понятіямъ, преобладало также чувство особенной, врожденной доброты къ людямъ, по которому она легко извиняла другимъ слабости, которыхъ не пропущала себѣ. И горе, и радость глубоко западали ей въ душу; разъ допущенная привязанность не скоро выходила изъ нея. При жизни отца, она полюбила молодаго человѣка, за котораго старикъ, по разнымъ дѣльнымъ и не дѣльнымъ причинамъ, не хотѣлъ отдать ее. Послѣ смерти Силина, молодой человѣкъ разлюбилъ ее. Покуда препятствіе льстило его романической привязанности, онъ не шутя думалъ, что питалъ «высокую» страсть; когда же препятствія этого не стало, высокая страсть вдругъ понизилась на нѣсколько градусовъ. Явились разсчетъ, сомнѣніе. Г-нъ Симонскій принадлежалъ къ числу тѣхъ безсильныхъ, безхарактерныхъ людей, о которыхъ можно сказать: куй желѣзо, пока горячо. Его увлекалъ только эффектъ. Притворись Юлія несчастной героиней, готовой пожертвовать страсти всѣмъ въ мірѣ, даже счастіемъ любимаго, — онъ восхищался бы ею. Но она просто, безъ всякихъ романическихъ выходокъ, протянула ему руку на весь долгій, трудный путь жизни, съ благородной готовностью посвятить ему всю жизнь. Въ любви, какъ и во всемъ, она ненавидѣла притворство, понимала, что жизнь, и безъ вычитанныхъ фразъ, безъ приторной сантиментальности, есть, сама по себѣ, интересный романъ, вѣчно высокая драма. Симонскій этого не понялъ; онъ не разгадалъ, что подъ этой простотой и откровенностью таится истинное, глубокое чувство; онъ не понялъ той рѣдкой силы души, которая удерживала ея лю-

бовь въ границахъ наружнаго спокойствія. Онъ забылъ тѣ минуты сердечнаго увлеченія, въ которыя она вся была полна чудной энергіи, невыразимой силы и прелести чувства, забылъ — и когда она напомнила ему, что жизнь не шутка, и чувство не забава, что впереди цѣлое существованіе, часто трудное и печальное, что для этого существованія мало одной романической любви, а нужно еще благословеніе Божіе, да честное, неотъемлемое право любить и дѣлить пополамъ горе и радость, онъ счелъ это за сухость и холодность. Можетъ быть, онъ и не подумалъ бы такъ, еслибы одна ловкая, хорошенькая женщина не вскружила ему головы. Обманутая, неразгаданная Юлія страдала. Оскорбленіе, не задушенная еще разсудкомъ любовь, гнели ее, но пуще всего мучило ее то, что онъ явился ей въ другомъ свѣтѣ. Она вдругъ поняла его, и горько ей стало за человѣка, за свою душу, за свою любовь. Въ первыя минуты она готова была возненавидѣть его, но этотъ порывъ вскорѣ уничтожился ея добротой и нѣжностью.

— Богъ съ нимъ, говорила она, насильно не дашь чувства; можетъ быть, онъ и самъ не радъ, что оно улетѣло. Умирай, сердце! я проживу и безъ тебя; у меня есть мысль, есть сила жить.

Но тихо и грустно потянулась для нея жизнь, и стало ей какъ-то скучно и лѣнь въ этомъ мірѣ. Правда, иногда звукъ музыки, красота цвѣтка будили въ ней затаенное страданіе, вызывали горькія слезы; но это были минутныя, незримыя для другихъ, пробужденія. Стали и они рѣже, явилось равнодушіе, какая-то душевная усталость. *Существовать*, вотъ единственная цѣль, которую

представила ей жизнь. И она покорилась этому указанію, безъ ропота. Чужая скорбь и чужая радость стали доступны и понятны ея сердцу. Съ тѣхъ поръ, какъ она переѣхала къ теткѣ, она сдѣлалась покойнѣе душою. Уже около трехъ лѣтъ она ничего не слыхала и не знала о Симонскомъ. Полюбить вновь ей было трудно. Она сдѣлалась недовѣрчива и по-своему понимала людскіе слова и поступки. Притомъ же тихая, уединенная жизнь, которую они вели въ губернскомъ городѣ, удаляла ее отъ столкновенія съ такими людьми, которые пришлись бы ей по душѣ. Состоянія ихъ было достаточно, чтобы жить въ довольствѣ для себя, но не для другихъ. Неожиданное замужество Кати бросило пріятный лучъ на ея жизнь. Съ какой материнской заботливостью думала она о ея счастіи, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала жениха, чтобъ самой узнать и увѣриться, что онъ точно добрый, благородный человѣкъ. Обманутая сама, она боялась того же за Катю.

Но перейдемъ къ настоящему дѣйствію.

Наступилъ вечеръ; октябрское небо хмурилось, хмурилось, наконецъ совсѣмъ стемнѣло и разрѣшилось холоднымъ дождемъ, немилосердо стучавшимъ въ окна. Подали свѣчи. Анна Петровна довязывала чулокъ; Юлія, положивъ свою работу, полулежа на диванѣ, дремала. Катя обшивала кружевомъ носовой платокъ. Всѣ три молчали,—только стукъ спицъ, задѣвавшихъ за столъ, да мѣрное чиканье маятника, да стукъ дождевыхъ капель нарушали тишину. Вдругъ, къ этимъ монотоннымъ звукамъ, присоединился шумъ дрожекъ; ближе, ближе, наконецъ на дворѣ.... цѣпная собака встрепенулась и залаяла....

— Къ намъ, — пронеслось между собесѣдницами.

Катя быстро откинула голову; Анна Петровна спустила петлю; Юлія вскочила, точно отъ электрическаго удара, — сложивъ руки на колѣна, стала прислушиваться къ чистому, мужскому голосу, говорившему въ прихожей:

— Здѣсь Анна Петровна Свѣтова?

— Здѣсь. Что вамъ угодно? — отвѣчалъ полусонный лакей.

— Это онъ, это Вольдемаръ! —вскричала Катя и бросилась къ дверямъ, въ которыя входилъ статный, красивый молодой человѣкъ. — Вольдемаръ! Милости просимъ! Вотъ, тетушка....

Онъ поцѣловалъ у старухи руку.

— Вотъ, Julie....

Вольдемаръ быстро взглянулъ на дѣвушку, которая привѣтливо ему улыбнулась и протянула руку.

— Julie? Наконецъ, Катя, я вижу предметъ твоего обожанія.

Онъ еще разъ взглянулъ на Юлію, которая невольно покраснѣла.

Черезъ нѣсколько часовъ, они всѣ уже были друзьями и весело болтали и шутили за чайнымъ столомъ.

Владиміръ былъ большой руки мечтатель и любилъ поговорить о «высокомъ и прекрасномъ.» До сихъ поръ онъ находилъ большое наслажденіе краснорѣчивымъ потокомъ выливать свои, немного романическія, понятія и мысли, и въ своемъ юношескомъ увлеченіи мало заботился о возраженіяхъ

тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ; но теперь туманъ романтизма начиналъ передъ нимъ рѣдѣть, умъ требовалъ обмѣна мыслей и взгляда на жизнь; въ немъ родилось желаніе прислушиваться къ сужденіямъ другихъ,—взвѣшивать и сравнивать эти сужденія съ своими. И эту потребность вполнѣ удовлетворялъ тонкій, наблюдательный умъ Юліи, которая умѣла самыя жесткія истины жизни и дѣйствительности смягчать тѣмъ высокимъ чувствомъ всеобъемлющей любви, которая въ новѣйшее время извѣстна у насъ подъ слабымъ именемъ *гуманности*. Сужденія ея были такъ новы, сравненія такъ метки, что молодой человѣкъ находилъ невыразимое наслажденіе проговаривать съ ней по цѣлымъ часамъ. Между ними завязалась искренняя, задушевная дружба. Живой Катѣ часто были не по душѣ ихъ продолжительныя бесѣды, не потому, чтобы къ ней прокрадывалось какое-нибудь темное чувство ревности,—оно было слишкомъ далеко отъ ея сердца, — а потому, что въ этихъ бѣсѣдахъ она находила своего Вольдемара слишкомъ серьёзнымъ. Она вообще любила жить болѣе жизнью существенности, нежели мысли. Ей гораздо было бы пріятнѣе, еслибъ Владиміръ, вмѣсто разсужденій о душѣ и сердцѣ, разсуждалъ о ея хорошенькихъ глазкахъ.—Все это не мѣшало имъ быть однако счастливыми и довольными судьбой.

— Спасибо вамъ, Вольдемаръ, — сказала однажды Юлія, — вы дали узнать, какъ любятъ братьевъ.

— Это Катѣ спасибо,—отвѣчалъ Владиміръ,— она даритъ мнѣ сестру.

— Смотри, Вольдемаръ, — говорила, смѣясь,

Катя, — не влюбись въ Julie, а то я приду къ ней съ кинжаломъ и скажу: «ты знай, кинжаломъ я владѣю!...»

И всѣ смѣялись, не исключая и Анны Петровны.

До свадьбы еще оставалось около трехъ недѣль. Молодыя дѣвушки сидѣли однажды послѣ обѣда, въ ожиданіи Владиміра. Часы шли своимъ чередомъ, и ужъ пробило восемь, а онъ еще не приходилъ. Катѣ становилось скучно, Юлія задумалась.

— Что это, Катя, до-сихъ-поръ нѣтъ твоего жениха?

— Я и сама о томъ же думаю.

— Ты что-то печальна, мой другъ; успокойся, онъ, вѣрно, скоро будетъ.

— Неужели ты думаешь, что я такъ малодушна?

— Въ любви сердце доходитъ иногда до невообразимыхъ мелочей.... Вотъ, скоро ваша и свадьба. Не увидишь, какъ пролетитъ время.

— Странно, ma chère, мнѣ все кажется, что я не выйду за него.

— Откуда такія мысли?

— Сама не знаю откуда. Да что же дѣлать, такъ думается.

— Это отъ того, мой другъ, что ты много любишь. Чѣмъ счастливѣе человѣкъ, тѣмъ больше дрожитъ за свое счастье.

— Нѣтъ, не отъ того.... Конечно, я люблю его, люблю.... но отчего же прежде мнѣ казалось, что я способна еще сильнѣе любить, нежели теперь?

— Богъ съ тобой, Катя! вотъ ужъ другой разъ

съ языка у тебя срывается подобная мысль. Кого же полюбила бы ты больше Вольдемара, этого умнаго, добраго, прекраснаго человѣка?

— Я этого не говорю. Его нельзя не любить.

Въ это время ей подали записку.

«Сегодня я не буду у васъ. Ко мнѣ пріѣхалъ добрый другъ и товарищъ. Пріѣхалъ нарочно за 300 верстъ, чтобъ быть на моей свадьбѣ. До завтра!

Вашъ душою Вольдемаръ.

— Вотъ, новое лицо, Julie. Я рада, будетъ веселѣе.

— Развѣ тебѣ не весело?

— Нѣтъ, весело, да будетъ еще веселѣе.

Юлія пристально посмотрѣла на Катю и подавила вздохъ.

На другой день, утромъ, пришелъ Владиміръ.

— Одинъ? — спросила его Катя.

— Платону теперь нельзя, поѣхалъ къ какой-то родственницѣ. Виноватъ, — обратился онъ къ Аннѣ Петровнѣ, — я, безъ вашего позволенія, пригласилъ его сегодня къ вамъ, на чашку чаю.

— Помилуйте, я очень рада.

— А мы васъ вчера долго ждали, — сказала Юлія.

— Какъ зовутъ вашего друга? — спросила Катя.

— Платонъ Михайлычъ Симонскій.

— Симонскій!? — Дѣвушки съ ужасомъ переглянулись, но Владиміръ не замѣтилъ этого, закуривая сигару.

— Послушай, Катя, — говорила Юлія взволнованнымъ голосомъ, выйдя въ другую комнату, — я не хочу его видѣть, я не могу, я не должна!

— Но какъ же ты избѣжишь этого свиданія?

— Я больна, я не выхожу. Одно имя не можетъ измѣнить. Вольдемару я только извѣстна подъ именемъ Юліи, сестры твоей. Тебя Симонскій не знаетъ, потому-что ты была въ пансіонѣ, когда мы встрѣтились съ нимъ.

— И ты думаешь, онъ не узнаетъ?

— Да, я думаю, — потому-что онъ зналъ меня при другихъ обстоятельствахъ, въ другомъ свѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, я не хочу его видѣть. Съ этой минуты, я больна, Катя, слышишь? — я больна, мой другъ.

— Какъ же, помилуй, а во время моей свадьбы ты будешь также *больна?* Вѣдь онъ на свадьбу пріѣхалъ.

— Да, мой другъ, — сказала Юлія, помолчавъ, — и тогда я буду больна. Вы придете ко мнѣ, въ мою комнату. Я благословлю васъ и помолюсь за васъ.

— Однако, это ужасно; неужели у тебя достанетъ терпѣнія?

— О, достанетъ, достанетъ! Я скорѣе соглашусь умереть, нежели видѣть его, потѣшить его самолюбіе моимъ волненіемъ, моей слабостью.

— Julie! я еща не забыла своего обѣщанія отмстить....

— Нѣтъ, — сказала Юлія съ испугомъ, — ты не дѣлай этого, не играй съ огнемъ. Да притомъ же Вольдемару это будетъ непріятно. Что онъ о тебѣ подумаетъ?

— Я предупрежу его.

— Съ ума ты сошла! Вѣдь они друзья.

— Ну, такъ я сдѣлаю такъ, что онъ не замѣтитъ.

— Нѣтъ, Катя, нѣтъ, мой другъ!

— Чего ты боишься? Право, это будетъ превесело.

— Но.... послушайся меня....

— И не говори ничего.

Катя поцѣлуемъ заглушила слова и голосъ совѣтчицы.

—

Юлія больна! Эта вѣсть громовымъ ударомъ пронеслась по домику Анны Петровны, потому-что въ этомъ домикѣ все любило и уважало молодую дѣвушку. Всѣ, начиная отъ Анны Петровны до апатическаго Ѳедора, называли ее умницей. Сама Анна Петровна, съ озабоченнымъ видомъ, съ очками на носу, которые она въ горѣ позабыла снять, тихонько ползетъ на лѣстницу въ комнату больной. Больная не спитъ. Малиновые занавѣсы оконъ спущены; одна половина бѣлаго, кисейнаго полога ея кровати поднята; передъ кіотой дрожитъ лучъ лампадки, бросая живописный полусвѣтъ на ея лицо и отражаясь въ глазахъ, которые безъ того горятъ внутреннимъ волненіемъ. Она слегка приподняла голову при шумѣ отворившейся двери, въ которую вошла Анна Петровна.

— Юленька! другъ мой! что ты чувствуешь?

— Ничего, тетушка, вы не безпокойтесь. Такъ, слабость, голова болитъ.

— Другъ мой! не послать ли за докторомъ?

— Э, нѣтъ, — это пройдетъ. Со мной и прежде бывало. И, знаете, иногда этакъ недѣли двѣ и больше продолжается.... а послѣ и пройдетъ, безъ всякой помощи. Нужно только спокойствіе, да подольше посидѣть въ своей комнатѣ.

— Другъ ты мой милый! Сохрани тебя Богъ!— И Анна Петровна заботливо приложила руку къ ея головѣ. — Слава Богу! жару большаго нѣтъ,— сказала она.

— Нѣтъ, есть внутренній. Меня томитъ жажда.

— А чайку прикажешь?

— Пришлите.

— Это лихорадка! непремѣнно лихорадка, мой другъ! Напейся ромашки.

— Вольдемаръ здѣсь? — спросила Юлія.

— Сейчасъ только пришелъ съ пріятелемъ-то этимъ своимъ. Юлія слегка поблѣднѣла. Когда Анна Петровна ушла, она быстро встала съ постели, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, и остановилась по серединѣ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Минутъ пять продолжалось это оцѣпенѣніе, пока не разрѣшилось обыкновеннымъ женскимъ припадкомъ — слезами. — Скоро пришла къ ней Катя.

— Наконецъ я видѣла его, говорила съ нимъ,— сказала она.

— Что же? о чемъ вы говорили?

— Такъ, общія мѣста; но видно, что онъ очень уменъ. Что мудренаго, — вѣдь это человѣкъ, котораго ты любила и теперь еще любишь.

— О, нѣтъ, нѣтъ!... Ну, что же, Катя, ты ненавидишь его, отмстишь?

— Да, ненавижу, отомщу.

— Полно, брось эту мысль.

— Не брошу.

— Катя! я что-то боюсь.

— Чего? Ужъ не думаешь ли ты, что я влюблюсь въ него? Сохрани Богъ!

— Что мудренаго? Сердце человѣка....

— Бездна, знаю; да у меня-то оно не такъ

темно. Вѣдь я не глубокая натура. Однако, прощай, моя затворница! Пойду любезничать съ M-r Симонскимъ? Такъ это рѣшено, у тебя лихорадка?

— Рѣшительно лихорадка. Ужъ тетушка мнѣ и ромашки приготовила, а завтра, вѣроятно, поставитъ горчишники.

— Ахъ, какъ противна эта лихорадка!

Онѣ обѣ засмѣялись.

— Кстати, — сказала Катя, — когда тетушка ему сказала: какъ жаль, что моя старшая племянница Юлія нездорова, — онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: это ваша сестра? — Да.

— Родная? — И мнѣ показалось, но, можетъ, это игра воображенія, что онъ слегка задумался.

— Какое предубѣжденіе!

— Можетъ быть. Прощай!

И она, съ легкостью птички, сбѣжала съ лѣстницы.

Катю завлекала и очаровывала игра въ притворную любовь, игра, которую она такъ легко, такъ необдуманно затѣяла. Сперва она начала съ молодымъ человѣкомъ рядъ тѣхъ тонкихъ, ловкихъ продѣлокъ, къ которымъ способна всякая молоденькая, кокетливая, умненькая дѣвушка. Нельзя описать всѣ эти обдуманные взгляды, тонкіе намеки на неполноту счастія; это ловкое умѣнье рисовать свой идеалъ такъ, чтобъ тотъ, для кого это дѣлаютъ, могъ узнавать себя въ этихъ чертахъ. Все это могло бы подѣйствовать и не на Симонскаго, человѣка самолюбиваго и влюбчиваго. Проводя цѣлые вечера у Анны Петровны, онъ невольно поддался очарованію подмѣчать развитіе

страсти въ дѣвушкѣ. Все слишкомъ ясно говорило въ его пользу. По первому порыву великодушія, онъ хотѣлъ было уѣхать, но самолюбіе нашептывало ему такъ лукаво.... Онъ успокоился, рѣшилъ, что онъ тутъ не виноватъ, и усердно платилъ Катѣ за вниманіе двойнымъ вниманіемъ, за нѣжный взоръ — страстнымъ, за выраженіе дружбы — выраженіемъ любви.

Онъ самъ ловко умѣлъ показать ей, какая тяжелая борьба завязалась у него въ душѣ. Умный, хитрый, онъ обаятельно дѣйствовалъ на неопытную дѣвушку, и скоро роли ихъ перемѣнились. Хорошенькая Катя нравилась ему, но больше всего нравились ему романтизмъ настоящаго положенія и роль предпочтеннаго. Все это, незамѣтно, опутало молодыхъ людей невидимою, крѣпкою сѣтью. Бѣдная Катя первая почувствовала опасность. Любовь, страхъ, самолюбіе стѣснили ей душу. Для нея было ужасно сознаться передъ Юліей въ недостаткѣ воли и силъ для исполненія задуманнаго; невыносимо было походить на синицу Крылова, обѣщавшую зажечь море и надѣлавшую только шуму. За всѣмъ тѣмъ, она готова была скорѣй умереть, нежели разрушить то очарованіе, которымъ окружилъ ее Симонскій. Страсть такъ внезапно, такъ неожиданно подкралась къ ней, что любовь къ Владиміру исчезла передъ новымъ чувствомъ, какъ звѣзды передъ солнцемъ. А что же Владиміръ? Онъ все сомнѣвался, все наблюдалъ, все разгадывалъ. Онъ былъ одна изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя готовы видѣть вездѣ и во всемъ добро, и для которыхъ нужны слишкомъ достовѣрные факты, чтобъ убѣдиться во злѣ.

Однажды Владиміръ и Катя сидѣли одни въ гостиной. — Анна Петровна ушла въ гости къ одной знакомой старушкѣ. Катя была разсѣянна и тревожна, избѣгала взоровъ и вопросовъ Владиміра. Иное не слыхала изъ его разговора, и наконецъ, разсердившись на себя, чувствуя, что лицо ей измѣняетъ, она взяла стоявшія передъ ними свѣчи и поставила на столикъ, въ углу комнаты, а сама помѣстилась такъ, чтобъ свѣтъ не могъ падать ей на лицо. Симонскій въ этотъ вечеръ обѣщалъ быть не ранѣе 8-ми часовъ.

— Вы сегодня что-то не въ духѣ, Катя? — сказалъ ей Владиміръ.

— Это вамъ такъ кажется. Отчего мнѣ быть не въ духѣ? Я очень весела.

— Странная! Никогда не хочетъ признаться. Что за тайна, что на душѣ не весело?

— Стало быть, я лгунья по вашему? — чувствую то, а говорю другое?

— Еще странность: придать словамъ моимъ видъ обиды, сердиться на то, чего у меня не было въ головѣ.

— Пріятная же жизнь предстоитъ вамъ съ женой, которая такъ зла, что за каждое необдуманное слово будетъ на васъ сердиться. Право, Вольдемаръ, вы сегодня въ такомъ расположеніи духа, что готовы приписать мнѣ всевозможныя дурныя качества.

Владиміръ ни слова не сказалъ ей на это, только вздохнулъ и покачалъ головой.

Въ это время въ прихожей зашумѣло, маленькая собачка Анны Петровны заворчала, почуявъ чужаго. Катя вся вспыхнула. Владиміру вдругъ стало невыносимо горько и обидно. Онъ всталъ.

— Я пойду къ Julie, — сказалъ онъ, — я забылъ отдать ей книгу.

— Нѣтъ, куда вы, не ходите! — сказала Катя испуганнымъ голосомъ.

Но онъ ушелъ, въ ту самую минуту, какъ Симонскій входилъ въ комнату.

— Вы однѣ? наконецъ-то, сказалъ онъ и безъ того взволнованной Катѣ, смягчая смѣлость послѣдняго слова нѣжной улыбкой и задумчивымъ взоромъ. Катя молчала, она не могла говорить. Симонскій понялъ, что для нея настала одна изъ тѣхъ минутъ, когда чувство выходитъ изъ повиновенія, и становится выше воли, сильнѣе разсудка. Онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Гдѣ же вашъ женихъ?

— Ушелъ къ Julie отдать книгу.

— Кстати; ваша таинственная Julie никогда не покажется, вѣчно останется покрыта для меня мракомъ неизвѣстности?

Симонскій не зналъ, какъ онъ не кстати заговорилъ о Юліи, такъ не кстати, что въ Катѣ пошевелилось даже что-то похожее на досаду.

— Вы едва ли увидите ее, она нездорова и постороннихъ не принимаетъ.

— Просто — очарованная принцесса!

— Прошу васъ не говорить о ней съ насмѣшкой.

— Виноватъ.

Минутное молчаніе.

— Ахъ, да, я вамъ привезъ альбомъ, о которомъ вчера говорилъ и который вы изъявили желаніе видѣть. Въ немъ есть недурные рисунки.

Они вмѣстѣ стали смотрѣть рисунки. Лицо молодаго человѣка такъ приблизилось къ головѣ

Кати, что его жаркое дыханіе слегка колыхало ей волосы. У бѣдняжки темнѣло въ глазахъ. Дерзкій поцѣлуй Симонскаго образумилъ ее. Она быстро встала.

— Что вы дѣлаете, Платонъ Михайловичъ! — сказала она съ упрекомъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Я люблю васъ, это выше силъ.

Симонскій обладалъ именно той гордой смѣлостью, которая такъ магически дѣйствуетъ на молодое сердце.

— Развѣ вы забыли, что я невѣста вашего друга?

— Мнѣ-то какое до этого дѣло? Я люблю васъ. Вольдемара вы не любите и не можете быть съ нимъ счастливой.

— А между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, я буду его женой. Что дѣлать? Боже, помоги мнѣ! произнесла она съ отчаяніемъ.

— Вы будете моей женой, Катя, потому-что я люблю васъ. Я увезу тебя, если ты меня любишь. Разстаться — величайшая глупость. Вѣдь ты любишь меня, любишь? — говорилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

Катя вырвалась и убѣжала.

Послѣ ужина, Катю, проходившую мимо комнаты Юліи, поразили слова послѣдней, относившіяся къ горничной:

«Приготовь мнѣ, Дуняша, новое голубое платье. Завтра, я сойду.»

Юлія сойдетъ, Юлія увидитъ его! Умная, привлекательная, Богъ знаетъ, какое впечатлѣніе

произведетъ она,—она, которая нѣкогда была имъ любима. Непостижимое чувство страха и ревности сжало сердце дѣвушки. Чѣмъ непостояннѣе, чѣмъ невѣрнѣе казалась ей любовь Симонскаго, тѣмъ пламенѣе становилось въ ней желаніе удержать ее. Мысль о замужествѣ представилась единственнымъ, вѣрнымъ средствомъ. Разстаться съ нимъ, отдать его другой — это ужасно, невыносимо! Она взглянула въ полурастворенную дверь на Юлію. Та сидѣла, облокотясь на столъ, поддерживая голову рукой. Тонкій, благородныи профиль ея былъ прекрасенъ. Полураспущенные волосы, падая на шею и на плеча, выказывали ихъ бѣлизну и художественный очеркъ. Вся фигура дѣвушки была такъ хороша освѣщена, такъ живописна, такъ полна той нѣжной, тонкой красоты, которую даетъ только мысль и чувство, что Катѣ стало еще страшнѣй. Она вошла къ сестрѣ.

— Богъ съ тобой, Катя, сказала ей Юлія съ легкимъ упрекомъ, ты цѣлый вечеръ не заглянула ко мнѣ.

— Виновата, мой другъ; я такъ занялась рисунками, которые принесъ.... которые очень хороши.

— Кто же ихъ принесъ? Вольдемаръ?

— Нѣтъ....

— Кто же?

— Симонскій, Julie, насилу могла выговорить Катя.

— Кстати: что твое мщеніе? ты мнѣ ничего не разскажешь.

— Что разсказывать?... нечего.

— Куда же ты? посиди со мной.

— У меня, другъ мой, такъ голова болитъ, что

я едва стою на ногахъ. Позволь мнѣ пожелать тебѣ покойной ночи.

— Ну, Христосъ съ тобой!

И Юлія перекрестила ее, какъ всегда. Безотчетнымъ движеніемъ, Катя быстро схватила руку сестры, и та почувствовала, какъ горячая слеза упала на эту руку.

Войдя къ себѣ, Катя осторожно притворила дверь, и, съ четверть часа, тихо, но тревожно говорила о чемъ-то съ горничной своей Машей. Когда та вышла, въ рукѣ у Кати очутилось письмо. Трепетно сломала печать взволнованная дѣвушка. Нѣсколько разъ блѣднѣла и краснѣла при чтеніи; нѣсколько минутъ послѣ ходила въ тоскѣ по комнатѣ; даже ломала свои хорошенькія ручки. Наконецъ сѣла и написала отвѣтъ, который рано утромъ, со всей осторожностью, вручила Машѣ.

Наступившій день прошелъ какъ-то тихо и грустно. Катя нѣсколько разъ принималась плакать. Симонскій не приходилъ. Владиміръ огорчился принужденнымъ обращеніемъ съ нимъ Кати. Онъ хотѣлъ нѣсколько разъ объясниться, но она очень искусно отклоняла его намеки. Прощаясь съ Юліей, онъ жаловался на свою невѣсту.

— Успокойтесь, сказала Юлія, это такъ, шалость; можетъ быть, просто желаніе возбудить вашу ревность.

— Однако это желаніе переходитъ границы. Нѣтъ, это не притворство, она его любитъ.

— Повѣрьте, порывъ кокетства, не больше.

— А если не кокетство? если она любитъ его? если она выйдетъ за меня изъ страха и стыда измѣнить своему слову, ручаетесь ли вы за наше счастіе? откройте мнѣ истину, я не хочу губить

ея счастія. Поговорите съ ней, вывѣдайте отъ нея, вамъ она скажетъ все.

— Хорошо. Сегодня или завтра я поговорю съ ней откровенно, и не скрою отъ васъ ничего. Успокойтесь, Вольдемаръ.

— Теперь я спокойнѣе вчерашняго. Еще разъ прошу васъ — скажите мнѣ всю правду, она всего болѣе меня успокоитъ. Не думайте, я влюбленъ не безумно, не на жизнь или смерть. Я люблю ее свѣтло и тихо. Не жалѣйте меня.

Онъ ушелъ. Сердце Юліи болѣзненно сжалось тяжелымъ предчувствіемъ. Она невольно погрузилась въ горькую думу.

Въ комнатахъ обѣихъ сестеръ зажгли обычныя лампадки. Ни Катя, ни Юлія не могли спать. Первая была полна какого-то тревожнаго, мучительнаго ожиданія; поминутно къ чему-то трепетно и боязливо прислушивалась. Малѣйшій шумъ заставлялъ такъ больно замирать ея сердце, что она, невольно, крѣпко прижимала къ нему руку. Вѣчно свѣжее и розовое ея личико было блѣдно, Юлія, напротивъ, ничего не ждала, ни на что не надѣялась. Неподвижно сидѣла она въ большомъ креслѣ у своей кровати, устремивъ взоръ на темные, строгіе лики старинныхъ иконъ. Быстрѣй и быстрѣй являлись и смѣнялись ея мысли, пока наконецъ не слились всѣ въ одинъ неопредѣленный сонъ....

Пробило 12-ть. Вотъ, кто-то поднимается на лѣстницу, пріотворяетъ дверь катенькиной комнаты. Катя вздрогнула.

— Маша! это ты? спросила она тихо.

— Я, сударыня, также тихо отвѣчала Маша.

— Что?...

— *Они* ужъ тамъ, барышня-съ, у воротъ. И лошади готовы. Вотъ записка.

Катѣ чуть не сдѣлалось дурно.

— Всѣ ли спятъ, Маша? спросила она оправясь.

— Всѣ, сударыня. Я прошла мимо тетенькиной комнаты, такъ и храпятъ-съ.

— И Ѳедоръ спитъ?

— Да когда же онъ не спитъ, сударыня? насмѣшливо сказала Маша.

— Ахъ, Маша! что я дѣлаю!

— Да что, матушка, вы такъ безпокоитесь? Мало ли *этого* бываетъ?... Что же вѣдь дѣлать, коли человѣкъ пришелся по душѣ.

— Помолись обо мнѣ, Маша.

— Ужъ помолюсь, сударыня, ей Богу помолюсь. Что же, барышня? Вѣдь *они* ждутъ-съ.

— Иду.... Боже, Боже!

Тихо, осторожно сошли онѣ съ лѣстницы, и вышли за ворота, гдѣ на лихой тройкѣ ждалъ Симонскій.

—

Часу въ 6-мъ утра, Маша будила Дуняшу, спавшую у дверей Юленькиной комнаты.

— Авдотья, Авдотья! Экъ ее задавило! Вставай!

Авдотья что-то промычала во снѣ.

— Вставай! Да ну! И она наградила ее убѣдительнымъ толчкомъ.

Дуняша вскочила, но заспанные глаза и глупое, безчувственное выраженіе лица свидѣтельствовали, что она еще не совсѣмъ проснулась.

— Да образумишься ли ты? Экой сонъ проклятый!

— Да тебя-то что подняло ни свѣтъ, ни заря?

— А то, что у насъ въ домѣ-то не ладно....

Это тотчасъ образумило Дуняшу, жадную къ новостямъ и таинственнымъ происшествіямъ.

— Что, что такое?

— Катерины-то Николаевны нигдѣ нѣтъ.

— Вота! Да куда же она дѣлась?

— А Богъ знаетъ, только и слѣдъ простылъ.

— Врешь ты. Она вѣрно у Юліи Павловны.

— Развѣ что у Юліи Павловны, а то и постель не смята.

— Да что ты? гдѣ-жъ ей быть. Вотъ, я тихонько посмотрю у барышни.

Какъ ни осторожно вошла Дуняша къ Юліи, однако та, только недавно заснувшая легкимъ, безпокойнымъ сномъ, сейчасъ проснулась.

— Что ты, Дуня? спросила она.

— Извините, сударыня, я разбудила васъ, а все эта взбалмошная Машка, и меня то перепугала. Вѣдь чего не придетъ въ голову. Выдумала, что Катерина Николаевна пропала. Она, вѣрно, съ вами?

— Нѣтъ, она, вѣрно, внизу.

— Внизу нѣтъ.

— Не у тетеньки ли въ комнатѣ?

— И у тетеньки нѣтъ-съ.

— Не можетъ быть. Не гуляетъ ли она въ полисадникѣ, сегодня ясно, подморозило.

— Машка вездѣ искала.

Юлія встала.

— Гдѣ же она? Смутная мысль молніей мелькнула у нея въ головѣ, но она оттолкнула ее, какъ нелѣпость. Не за ранней ли она обѣдней?

— Сегодня не праздникъ, сударыня. Въ нашемъ приходѣ и обѣдни не было. Это что-то недоброе, матушка. Машка на себя не похожа.

Едва успѣла она выговорить послѣднія слова, какъ Юлія уже была въ комнатѣ Кати. Подстрекаемая тайной догадкой, она бросилась къ письменному столу.... посрединѣ его лежалъ перегнутый на-двое листъ почтовой бумаги. Еслибъ Юлія протягивала руку къ своему смертному приговору, она не была бы блѣднѣе. Бѣдная дѣвушка долго не вѣрила глазамъ, читая эти строчки:

«Julie, моя Julie! Прости, не проклинай меня! Я невыразимо страдаю въ эту минуту. Я люблю его!... Я не ошиблась, когда угадывала въ своей душѣ способность любить сильнѣе, нежели я любила Вольдемара. Когда твой взоръ упадетъ на эти строчки, я буду уже далеко, далеко, но съ нимъ....»

Анна Петровна проснулась. Она уже отдала приказаніе повару; эти приказанія были для нея однимъ изъ наслажденій ея мирной жизни. Разсуждая о всѣхъ сочныхъ, жирныхъ и вкусныхъ блюдахъ, она заранѣе предвкушала ихъ, и такимъ образомъ удвоивала удовольствіе обѣда. И какъ одушевлялась она въ подобныхъ обстоятельствахъ! Изобрѣтенія, одно другого вкуснѣе, одно другого оригинальнѣе, раждались въ ея головѣ и съ восторгомъ передавались повару.

Анна Петровна уже распустила остатокъ своихъ сѣдыхъ волосъ, чтобъ расчесать и подобрать ихъ подъ чепчикъ. Она машинально глядѣлась въ небольшое, складное зеркальцо, извѣстное ея горничной подъ громкимъ названіемъ туалета; и очень изумилась, когда это зеркальцо представило, рядомъ съ ея морщиноватымъ лицомъ, блѣдное, испуганное личико ея любимцы.

— Что ты, другъ мой, зачѣмъ такъ рано и такая блѣдная? Не случилось ли чего?

— Ахъ, тетенька! какъ вамъ это сказать! Катя....

Она задыхалась.

— Занемогла, что-ли? Она и вчера что то все на голову жаловалась.

— Хуже....

— Господи Іисусе! Да полно, мать моя, не мучь, говори; умерла, что-ли?

— Хуже, тетушка. Она ушла съ Симонскимъ.

— Какъ!... И слова замерли на языкѣ Анны Петровны.

Черезъ полчаса взаимнаго удивленья и гореванья, Анна Петровна собрала весь домъ и произвела домашнее слѣдствіе, изъ котораго оказалось только, что Катерина Николаевна исчезла безъ слѣда.

—

— Что я скажу Вольдемару, что я скажу ему? — говорила Юлія въ тотъ же день, послѣ обѣда, тоскливо ходя по комнатѣ.

— А то и скажемъ, что есть, проговорила Анна Петровна; отъ себя ничего не выдумаемъ. Одолжила Катерина Николаевна, сюрпризецъ приготовила, нечего сказать. Безсовѣстная она этакая! Отъ такого жениха! Ну, ужъ дѣвушка!

— Ахъ, тетушка, она такъ молода, увлеклась....

— Ужъ ты не защищаешь ли ее, мать моя? Прекрасно! Впрочемъ, нынче вѣкъ такой.

Анна Петровна была въ желчномъ, раздражительномъ расположеніи духа, которое впрочемъ не могло оставаться долго въ ея доброй натурѣ.

— Не пора ли однако ставить самоваръ? — спросила Юлія, послѣ минутнаго молчанія, съ намѣреніемъ разсѣять тетку.

— Прикажи, мой другъ, — заговорила она смягченнымъ голосомъ, — ужъ 7 часовъ.

Юлія отдала приказаніе и сѣла задумчиво у окна. Въ комнатѣ было почти темно; свѣчей не подавали, Анна Петровна любила *посумерничать*. Душистые листы герани касались волосъ дѣвушки; розоватая полоса зари погасала на западѣ и застилалась сѣрыми облаками; стая галокъ съ крикомъ пролетѣла мимо и опустилась на сосѣднюю крышу, все дышало какой-то печальной, безконечной, туманной вседневностью, которая, вмѣстѣ съ горемъ, налегая на душу, томитъ тяжелой тоской. Юлія глубоко и громко вздохнула.

— Э, полно, Юленька! — сказала Анна Петровна, — побереги себя. Что и вправду? не дочь родная убѣжала. Туда ей и дорога, неблагодарной, и Богъ съ ней! свое здоровье дороже.

Юлія не сказала ни слова на это краснорѣчивое убѣжденіе; едва ли она даже слышала его, потому-что упрямо смотрѣла на блѣдное небо и сѣрыя облака.... Не отъ того ли, что они имѣли тайное родство и сходство съ ея жизнью: и по ней, по этой жизни, какъ по блѣдному небу, темнымъ облакомъ нависло душевное горе и погасалъ вдали легкій лучъ надежды.

Богъ съ тобой, жизнь! — думала она, — ты разыграла со мной роль вельможи, который обѣщаетъ много, а даетъ рѣдко. Богъ съ тобой, жизнь! Ты насмѣялась надо мной жестоко; ты на каждомъ шагу шептала мнѣ: жди счастья!... И обнесла меня круговой чашей на общемъ пиру. Это не

худшее, что ты разбила мои надежды, осмѣяла мои упованія, — хуже всего то, что сгубила во мнѣ способность быть счастливой. Еслибъ теперь и дала ты мнѣ радости, онѣ не отозвались бы въ моемъ сердцѣ, я сказала бы: поздно! и оттолкнула ихъ, какъ ненужный даръ. И какимъ ничтожнымъ, безплоднымъ страданіемъ ты наградила меня! не озарено оно сознаніемъ чего-нибудь прекраснаго; нѣтъ въ немъ ни высокаго самопожертвованія, ни благородной борьбы, ни даже права жаловаться; оно пусто, вяло и безконечно; все проникнуто жалкимъ эгоизмомъ, едва выносимымъ униженіемъ,—оно все для меня и во мнѣ,—вотъ, отчего мнѣ такъ больно и такъ тяжко!

— Что это? никакъ я задремала! — вдругъ звучно произнесла Анна Петровна.

Юлія вздрогнула отъ этого неожиданнаго возгласа.

— Господи помилуй! ужъ темнехонько! что же самоваръ-то? Машка! огня да самоваръ скорѣй.

— Сейчасъ-съ! отвѣчала Маша изъ комнаты, которая служила и лакейской и дѣвичьей.

Юлія стала разливать чай. Прежде дѣлала это Катя. Ей живо представилось ея свѣженькое, веселенькое личико, ея милая, не лишенная остроты и ума болтовня,—и грустно, грустно ей стало.... Живое воображеніе ея придавало странный фантастическій смыслъ шумливой пѣснѣ самовара.

— Право, Юленька, ты мастерица дѣлать чай,— говорила Анна Петровна, допивая вторую чашку,— съ такимъ удовольствіемъ давно не пила. Не перестоялся, въ самую пору.

— Я рада, что угодила вамъ. Прикажете въ чашку или въ прикуску?

— Въ прикуску, моя радость.

Въ ту же минуту заворчала собака, зашумѣло въ передней, — пришелъ Владиміръ.

— Вы знаете? — трепетно спросила его Юлія.

— Знаю, все знаю, отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой.

— Каково, батюшка, невѣста-то твоя утѣшила насъ? да откуда ты узналъ?

— Вотъ, письмо отъ него.... отъ Платона.

— И онъ еще называетъ его Платономъ, — этого низкаго человѣка! — воскликнула Анна Петровна.

— Ахъ, Анна Петровна! Я слишкомъ огорченъ, и не могу дать мѣста какому-нибудь другому чувству. Я не помню, что говорю. Да еще и Богъ знаетъ, на кого изъ нихъ надо сердиться.... На то была ея добрая воля.

— Безсовѣстная она! Да нельзя ли узнать, что за письмо, что онъ пишетъ?

— Я вамъ прочитаю.

«Я увѣренъ, Вольдемаръ, что ты не шутя готовъ поразить меня проклятіемъ и гнѣвомъ за похищеніе твоей невѣсты... Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.... Ради всего прекраснаго, будь человѣкомъ, или скорѣе мудрецомъ въ этомъ дѣлѣ, и взгляни на него не глазами тщеславія и оскорбленнаго самолюбія, а глазами разсудка и благоразумія. Катя влюбилась въ меня, я не могъ этого не замѣтить. Положимъ, что я задушилъ бы отвѣтъ на эту любовь, вспыхнувшій въ моемъ сердцѣ; но легче ли бы тебѣ отъ этого было? Силой милымъ не быть! Могъ ли бы ты быть счастливъ съ дѣвушкой, которая, будучи уже твоей невѣстой, допустила страсть къ другому? Съ моей сто-

роны, могъ ли я оставаться равнодушнымъ къ ея любви, пламенной и безкорыстной? Сердце мое давно страдало запустѣніемъ и обрадовалось новому чувству, какъ узникъ свободѣ. Я принесъ бы эту радость въ жертву твоему счастію, еслибъ точно былъ убѣжденъ, что она сдѣлаетъ тебя счастливымъ; но въ настоящемъ положеніи, эта жертва была бы только безразсудна и безполезна, если не хуже. Милый Вольдемаръ! ты такъ молодъ, хорошъ — тебѣ надобно не жениться, а *жить*. Я же, напротивъ, послѣ того, какъ плохо разыгралъ роль Ромео подлѣ моей чувствительной Юліи, получилъ какое-то неодолимое стремленіе къ домашнему очагу. Не сердись, Вольдемаръ! Право, я люблю тебя, люблю и Катю и постараюсь ее сдѣлать счастливой, по возможности. Когда ты полюбишь это письмо, новый Парисъ, я буду уже далеко за городомъ съ моей миніатюрной Еленой. Право, мой Володя, — свѣтъ не клиномъ сошелся, не одна Катя на свѣтѣ....»

— Не одна Катя на свѣтѣ!— вскричала съ негодованіемъ Анна Петровна, — прекрасное утѣшеніе! А вы, Владиміръ Николаевичъ, готовы и вправду поблагодарить его за это. Гдѣ амбиція благороднаго человѣка?... Да этого еще мало: за что онъ, черный человѣкъ, Юленьку-то задѣлъ? Чувствительная Юлія! Да онъ, злой человѣкъ, и не видалъ ее никогда. Помѣшала она ему!

— Да это онъ не объ Юліи Павловнѣ говоритъ, — отвѣчалъ улыбаясь Владиміръ. — Такъ зовется героиня одной шекспировской драмы; вотъ, онъ и далъ это имя женщинѣ, которую прежде любилъ.

— А кто это знаетъ, батюшка, вѣдь выноски нѣтъ.

— Да отъ того, что онъ называетъ себя Ромео, а въ этой драмѣ: Ромео и Юлія.

— Не знаю я вашихъ Ромеевъ, не читала; мнѣ ужъ на старости лѣтъ смѣшно романы читать, а въ молодости покойникъ батюшка строго запрещалъ намъ такими пустяками голову набивать. За то дѣвушки тогда отъ жениховъ съ другими не убѣгали.

— Что же мнѣ дѣлать?

Анна Петровна молчала и съ какимъ то ожесточеніемъ, вполнѣ изобличавшимъ ея душевное волненіе, шевелила спицами чулка.

— Что дѣлать? — продолжалъ Владиміръ, — отыскивать ихъ, Богъ знаетъ, гдѣ? вызвать его на дуэль, убить, теперь, когда онъ мужъ вашей племянницы?

— Ай, нѣтъ, Боже сохрани! убить человѣка! Да куда вы поспѣли?

— Анна Петровна! — сказала вошедшая горничная, — Арину Степановну вдругъ очень схватило. За священникомъ, говорятъ, послали. Она прислала къ вамъ: не побываете ли? — говоритъ.

— Ахъ, Боже мой! — захлопотала Анна Петровна, — какъ не побывать! сейчасъ, сейчасъ! Давай скорѣе салопъ и капоръ. Что это съ ней сдѣлалось?

— Кто это Арина Степановна? — спросилъ Владиміръ.

— Это одна знакомая старушка. Добрѣйшая душа! Дунька! скорѣй! Мы съ ней лѣтъ 30 знакомы.

И она ушла. Владиміръ и Юлія, сидѣвшая во все время, будто въ тяжеломъ снѣ, остались одни.

— Такъ-то, Юлія Павловна, — сказалъ Владиміръ, — вотъ, и строй счастье на человѣческихъ привязанностяхъ. Полноте, что вы такъ грустны? — прибавилъ онъ съ участіемъ.

— Я думаю о томъ, что тетушка давича была права, заступаясь за меня: Симонскій точно говорилъ обо мнѣ, и чувствительная Юлія — я....

— Вы? какимъ это образомъ?

— Меня онъ любилъ, передо мной плакалъ, меня увѣрялъ, что я для него выше, милѣе всего на свѣтѣ.... Надо мной смѣется онъ теперь, смѣется за то, что я повѣрила ему!...

Ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ; каждая черта дышала глубокимъ, безотраднымъ негодованіемъ. Она заплакала въ первый разъ передъ постороннимъ. Владиміръ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потомъ быстро схватилъ шляпу и пошелъ къ дверямъ.

— Куда вы? — спросила она.

— Искать его, сказать ему, что онъ....

— Для чего, мой другъ? Отъ этого я не буду меньше страдать.

— А, можетъ быть, легче будетъ!

— Да вѣдь теперь онъ мужъ Кати, — я должна желать ему счастья.

— Это ужасно!

— Полно объ этомъ! — сказала Юлія, дѣлая страшное усиліе побѣдить волненіе, — вѣдь вы тоже оскорблены?

— У меня достанетъ на столько самолюбія, чтобъ забыть ее въ свою очередь. Боже мой! какъ

должны вы страдать! А я?—Я подозрѣвалъ васъ въ сухости сердечной. Простите меня, вы казались мнѣ слишкомъ умны.... Я думалъ, что умъ убилъ ваше сердце.... А вотъ, вы плачете.... и какъ плачете! Полноте! забудемъ о нихъ. Будемъ друзьями. Смотрите на меня, какъ на брата. Будьте со мной, какъ съ братомъ.

— И этого нельзя, — сказала она, — теперь между нами не можетъ-быть такихъ чистыхъ, дружескихъ отношеній, доставлявшихъ намъ отрадныя минуты, — людскіе предразсудки забросаютъ ихъ грязью.

— Вы думаете? и вы отвергаете меня? я для васъ теперь чужой, посторонній человѣкъ? я, котораго вы такъ избаловали вашимъ добрымъ расположеніемъ! Вѣдь это значитъ играть лучшими привязанностями человѣка! О, нѣтъ, — вы этого не сдѣлаете! Развѣ я виноватъ, что она насъ оставила? развѣ я не тотъ же?

— Тотъ же, Вольдемаръ, братъ мой! — сказала она, — и я та же!

Въ это время возвратилась Анна Петровна.

— Слава Богу! ей получше, моей голубушкѣ,— говорила она, какъ будто ничего не бывало. — Навѣщайте насъ, Владиміръ Николаичъ, — сказала она уходящему Владиміру, — мы васъ привыкли любить какъ роднаго.

Добрая Анна Петровна не только сохранила къ Владиміру прежнее расположеніе, но, казалось, еще болѣе полюбила его послѣ побѣга Кати. Во-первыхъ потому, что онъ пріятно наполнялъ пустоту, оставленную ею въ домѣ; во-вторыхъ, по-

тому, что ей хотѣлось этимъ расположеніемъ загладить то оскорбленіе, которое онъ получилъ въ ея семействѣ. Не скроемъ также, что у старушки при всемъ этомъ была своя «задняя мысль», которую она берегла и хранила съ наслажденіемъ! Смотря на Владиміра и Юлію, она часто думала: какъ бы хорошо было, еслибъ Юленька заступила мѣсто Кати; мы обѣ нашли бы друга и защитника, и я успокоилась бы на старости лѣтъ за ея участь. И все говорило въ пользу этой надежды, все шло къ ея осуществленію: частыя посѣщенія, долгіе, внимательные взгляды и задумчивость молодаго человѣка.

Юлія очень хорошо угадывала мысли тетки и грустно улыбалась. Обращеніе ея съ Владиміромъ было точно такое, какъ мѣсяцъ тому назадъ, какъ будто онъ все еще женихъ Кати; но въ его обращеніи она не могла не замѣтить легкой перемѣны. Эта перемѣна, утѣшившая бы всякую другую на ея мѣстѣ, только прибавила ей горя. Его появленіе, его голосъ, даже его взглядъ не заставляли ея сердца биться сильнѣе обыкновеннаго, не вызывали на лицо живаго румянца, не душили приливомъ могучаго чувства. Что же касается молодаго человѣка, то видѣть Юлію, говорить съ ней, слѣдить за игрой мыслей на ея выразительномъ лицѣ,—сдѣлалось потребностью его души; но онъ не смѣлъ дать этой потребности страшное имя любви, отъ того ли, что еще первая ошибка сердца была слишкомъ жива, или — что Юлія незамѣтно и ловко отклоняла его отъ этой мысли, или, можетъ быть, и вправду любви тутъ не было, а была одна только дружба. Какъ бы то ни было, а молодой человѣкъ каждый день являлся къ Аннѣ

Петровнѣ. Ему было тепло и отрадно въ этомъ маленькомъ домикѣ, за чайнымъ столомъ, гдѣ все глядѣло на него привѣтно и знакомо, начиная отъ хозяевъ до стараго кота, который всегда встрѣчалъ его ласками и мурлыканьемъ.

А время, между-тѣмъ, летѣло; наступила зима, и въ одно морозное утро, Владиміру принесли съ почты письмо. Письмо заставило его призадуматься; оно было отъ дяди, который дружески упрекалъ его за то, что онъ теряетъ въ бездѣйствіи и лѣни золотое время; задѣвалъ самыя тонкія струны его честолюбія, предлагалъ ходатайство въ опредѣленіи его на службу. Кончилось тѣмъ, что Владиміръ отправился къ Свѣтовымъ, совершенно рѣшившись ѣхать въ Петербургъ. Когда онъ пришелъ къ нимъ, самоваръ уже давно кипѣлъ на столѣ. На этотъ разъ у стола сидѣло постороннее лицо, какая-то Парасковья Даниловна, женщина лѣтъ 40, смуглая, съ бойкими глазами. Она что-то громко разсказывала, когда вошелъ Владиміръ.

— А, здравствуйте!—ласково молвила ему Юлія.

— Добро пожаловать!—радушно сказала Анна Петровна,—давно не видались. Здоровъ ли?

— Вы здоровы ли? —спросилъ Владиміръ, садясь у стола.

Черноглазая барыня наклонилась къ Юліи и прошептала:

— Кто это такой, матушка?

Юлія слегка покраснѣла отъ неловкости гостьи и притворилась, что не слыхала вопроса, но,—увы,—барыня не унялась, повторила его.

— Ахъ, батюшка, Владиміръ Николаичъ!—воскликнула она,—вы вѣдь не изволили меня

узнать. Да какъ это я-то васъ не узнала! Нынче глаза плохи стали.

— Ахъ, да, — точно я васъ въ деревнѣ у дядюшки видѣлъ.

— Да какъ же, батюшка, я у васъ и на сговоркахъ была. Что здорова ли ваша Катерина Николаевна? Я, вотъ, сейчасъ только пріѣхала и спросить-то *объ нихъ* не успѣла.

Владиміръ улыбнулся и поглядѣлъ на Юлію; та грустно склонила голову.

— Ахъ, душенька, Парасковья Даниловна! — сказала Анна Петровна, — вѣдь ты ничего не знаешь, что̀ у насъ случилось.

И Анна Петровна, прерываемая оханьемъ и аханьемъ своей слушательницы, стала разсказывать исторію побѣга Кати. Владиміръ, междутѣмъ, подвинулъ свой стулъ къ Юліи.

— Вы что-то скучны сегодня, — сказала она.

— Такъ, на душѣ тяжело.

— Вотъ видите ли, какъ ни храбрись, а тоска и любовь возьмутъ свое.

— Нѣтъ, — вы думаете, я *объ этомъ?* О, нѣтъ! Знаете ли, о чемъ? О томъ, что, можетъ быть, мнѣ не долго васъ видѣть, васъ слушать.

— Отчего?

— Я ѣду въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? зачѣмъ?

— Служить.

— И скоро?

— Да, ужъ если ѣхать, такъ скорѣе.

— Конечно, васъ ничто не удерживаетъ — зимній путь сталъ.

— Нѣтъ, меня задерживаетъ тяжелая, непріятная мысль, что вы забудете меня.

— Нѣтъ, — она тихо покачала головой, — да и отчего мнѣ забыть? Вокругъ меня останется все то же. Съ перемѣной предметовъ и обстоятельствъ легче забыть.

— Что касается до меня, я всюду унесу отрадное воспоминаніе о васъ.

— Я вѣрю, что *теперь* вы такъ думаете, — вы и сами вѣрите тому, что говорите.... Хорошо, что хоть теперь такъ думается. И за это вамъ спасибо!

— Я всегда буду такъ думать.

— Скоро вы ѣдете?

— На-дняхъ.

— Поѣзжайте, Богъ съ вами! Вамъ будетъ лучше тамъ.

— Едва ли....

Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, она не опустила ихъ, не покраснѣла.

— О чемъ вы это говорите? — спросила Анна Петровна, прекративъ разговоръ съ сосѣдкой.

— Вы не знаете, тетушка, Владиміръ Николаевичъ ѣдетъ скоро въ Петербургъ.

— Неужели? — И на лицѣ старушки выразилось величайшее недоумѣніе.

Послѣ этого разговоръ какъ-то не клеился, и еслибъ не разсказы Парасковьи Даниловны о старостахъ и становыхъ, пришлось бы хоть цѣлый вечеръ молчать.

— Ужъ такъ ты, Юленька, не захотѣла, — говорила Анна Петровна племянницѣ, отходя ко сну, — ты могла бы его удержать.

— Зачѣмъ, тетушка?

— Какъ зачѣмъ? Прекрасный человѣкъ, —

отчего не выйдти? Теперь опять останемся однѣ. однѣ. Былъ бы другъ и защитникъ.

— Проживемъ и однѣ, насъ никто не обидитъ.

— Конечно, проживемъ, а все бы лучше. Это ужъ такъ капризъ.... Нынѣшнія дѣвушки престранныя. И человѣкъ не противенъ, и сами хвалятъ, а замужъ не идутъ.... Чего хотятъ, Богъ знаетъ!

— Вѣдь онъ мальчикъ, тетушка,—только двумя годами меня старѣе.

— Что же, ты думаешь, старикъ-отъ лучше? Полно, мой другъ, знаю я, — сама 16-ти лѣтъ вышла за 40-лѣтняго. Нѣтъ, ужъ это такъ, капризъ.

На это Юлія ничего не сказала, молча подошла къ теткину благословенію, потомъ, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушала, какъ умиралъ шумъ ея шаговъ, — шаги замолкли, а она долго еще стояла среди комнаты, съ наклоненной головой.

— Умерло ты что ли, сердце? — прошептала она, выходя изъ задумчивости.

—

На третій день утромъ, Владиміръ пріѣхалъ къ Аннѣ Петровнѣ, совсѣмъ по дорожному, проститься. Сюртукъ его былъ наглухо застегнутъ, около шеи изъ-подъ галстуха выбѣгалъ маленькій, бѣлоснѣжный воротничекъ, придававшій еще болѣе свѣжести его красивому лицу. Нашъ герой не обладалъ, къ-сожалѣнію, той интересной блѣдностью, которая такъ плѣняетъ молодыхъ мечтательницъ; у него также не было того смуглаго южнаго оттѣнка, придававшаго лицу Симонскаго страстное, мужественное выраженіе. Это было

одно изъ тѣхъ открытыхъ, мягкихъ, пріятныхъ лицъ, при взглядѣ на которыя становится веселѣе на душѣ. На этотъ разъ, однако, оно выражало неподдѣльную грусть. Онъ ходилъ по комнатѣ, въ ожиданіи хозяекъ. Черезъ минуту, вошла Анна Петровна съ пирогомъ.

— Нѣтъ ужъ, Владиміръ Николаевичъ, — заговорила она, — какъ хочешь, а возьми мой пирожокъ на дорогу. Сама стряпала. Захочешь покушать на станціи, и вспомнишь меня старуху.

— Благодарю васъ, добрая, почтенная Анна Петровна! — онъ поцѣловалъ у ней руку. У старушки навернулись слезы.

Вошла Юлія. Темное шерстяное платье ловко охватывало ея красивую талію; сдержанная печаль бросилась ей въ лицо жаркимъ румянцемъ. Она была хороша; Владиміръ глядѣлъ на нее упорно, почти страстно.... Анна Петровна пошла хлопотать о завтракѣ.

— Скажите мнѣ что-нибудь, Julie; вѣдь, можетъ-быть, мы въ послѣдній разъ видимся.

— Что сказать? Вы, и безъ словъ, знаете, что мнѣ жаль съ вами разстаться, что я желаю вамъ счастія.

— Есть минуты, когда слова имѣютъ невыразимую силу и прелесть.

— Есть минуты, когда они не-йдутъ съ языка.

— Знаете ли, что я вчера и сегодня нѣсколько разъ принимался плакать?

— Вотъ, это ужъ не хорошо. О чемъ же?

— Не знаю; какъ вы думаете, о чемъ? — онъ вопросительно взглянулъ на нее. — Вамъ жаль меня? — спросилъ онъ.

— Разумѣется, жаль, — я этого не скрываю.

— Я пирогъ-то, мой другъ, велю положить къ тебѣ въ сани, — сказала вошедшая Анна Петровна.

Настало прощанье; они всѣ, на нѣсколько минутъ, сѣли, потомъ помолились по христіанскому обычаю.

— Прощайте, дорогая Анна Петровна! — говорилъ Владиміръ, обнимая старушку, которая плакала. — Прощайте, Julie!

Онъ остановился передъ дѣвушкой, скрестя руки на груди; на глазахъ у него блестѣли слезы.

— Прощайте, мой другъ! — Она подошла и перекрестила его.

— Julie! — заговорилъ онъ взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ, — не забывайте меня.... я васъ.... я никого не буду такъ любить.... Я очень несчастливъ.... вы.... онъ не договорилъ.

— Это пройдетъ, мой другъ, — сказала она, — время, разсѣяніе.... дайте срокъ, это пройдетъ. Поѣзжайте, Богъ да сохранитъ васъ отъ зла!

Она быстро поднесла руку къ глазамъ. А между тѣмъ въ отворенныхъ дверяхъ показался цѣлый рядъ лицъ, одно другаго любопытнѣе. Тутъ блестѣли и живые глаза Маши, пунцовѣли толстыя щеки Дуняши, изъ-за которыхъ величественно возвышались рыжіе усы апатическаго Ѳедора. Всѣ они любили Владиміра, всѣ хотѣли съ нимъ проститься и каждый изъ нихъ получилъ отъ него на прощаньи денегъ.

— Славный баринъ, добрый баринъ! Счастливый ему путь! — говорила небольшая дворня Анны Петровны, когда его дорожная повозка выѣхала со двора.

Юлія стояла у окна; въ сердцѣ ея пробудилось

какое-то томительное безпокойство, будто она что̀ потеряла, будто въ чемъ ошиблась. Мокрый снѣгъ крупными хлопьями прилипалъ къ окну, улица дышала безконечной пустотой. Ей показалось, что жизнь протягивала ей ледяныя, душныя объятія; она закрыла глаза и прислонилась пылающей головой къ холодному стеклу. Въ эту минуту, ей чувствовалось, что всѣ земныя радости проносились мимо нея блестящей вереницей, и напрасно протягивала она руки, чтобъ уловить хоть одну изъ нихъ, — она ловила воздухъ.... Горько ей стало; она и не замѣчала, какъ ея слезы кропили листы герани.

Прошло два года. Былъ апрѣль мѣсяцъ. На губернскій городъ слетала весна; сѣверное небо улыбалось; снѣгъ сбѣгалъ шумящими ручьями; на улицахъ огородники усердно счищали грязь съ мостовой и увозили въ телегахъ на гряды. Ничто не измѣнилось въ жизни Юліи и Анны Петровны. На лицѣ старушки прибавилось только нѣсколько лишнихъ морщинъ; но, — странно, — личико дѣвушки пополнѣло и похорошѣло. Отъ того ли, что она помирилась съ жизнью и обрѣла тотъ свѣтлый міръ души, о которомъ такъ чудесно говорила ей религія, котораго жаждало ея сердце. Да, онъ слетѣлъ къ ней и сталъ непроницаемой стѣной между ею и печалями житейскими; хоть иногда бурныя волны и ударяли объ эту ограду, но до души доходилъ только одинъ неясный гулъ ихъ....

Было около 8-ми часовъ утра; апрѣльское солнце свѣтило изо всѣхъ силъ, но Анна Петровна, къ

великому удивленію своихъ домашнихъ, только что просыпалась.

— Что это со мной сдѣлалось? — говорила она, надѣвая свой темный капотъ, — никогда не бывало, чтобъ я такъ проспала.

Она вышла въ дѣвичью. Тусклый самоваръ стоялъ на простомъ, некрашенномъ столѣ.

— Это ты и самовара-то не почистишь! — обратилась она къ рыжеусому Ѳедору, — ужъ я просплю, такъ и всѣ проспятъ. Лѣнтяй!

— Да я вчера его чистилъ, сударыня....

— Какъ чистилъ! Еще и лжешь! Посмотри-ка, это что?

Она приложила къ самовару руку, и въ ту же минуту, отдернула ее съ громкимъ: ай!

— Да онъ наставленъ-съ.

— Такъ ты что же не скажешь, болванъ? Иногда, такъ въ 10-мъ часу не готовъ, а сегодня еще не далъ глазъ раскрыть, да и самоваръ суетъ подъ носъ.... Юленька встала?

Послѣдній вопросъ относился къ горничной, которая юркнула мимо ея съ накрахмаленной бѣлой юбкой, пахнувъ свѣжимъ воздухомъ.

— Нѣтъ еще, встаютъ-съ, отвѣчала она, взлетая на лѣстницу.

Юлія еще въ самомъ дѣлѣ не вставала. Головка ея граціозно покоилась на подушкѣ; сонъ не совсѣмъ еще отлетѣлъ отъ полураскрытыхъ глазъ; густая прядь волосъ, выбившись изъ-подъ чепчика, блестящей змѣйкой скользила по бѣлой шеѣ; изъ-за темномалиновой сторы пробился яркій лучъ солнца и упалъ на ея маленькую, узенькую, бѣленькую ножку, которая выглянула изъ-подъ одѣяла, будто хотѣла подышать воздухомъ и по-

кокетничать съ солнечнымъ лучомъ. Юлія посмотрѣла на часы, стоявшіе на столикѣ у ея кровати.

— Какъ я проспала, Дуня! Что ты не разбудила меня?

— Да сегодня всѣ проспали, сударыня, и тетенька только что сейчасъ встала.

— Право?

Она вышла въ другую, маленькую комнату; тамъ стоялъ весь небогатый, но чистый приборъ умыванья. Дуня не жалѣла студеной воды и усердно лила ее на лицо и плечи своей барышни, потомъ накинула на нее полотенце. Отеревъ личико, Юлія сдѣлала шаловливую гримаску Дунѣ, причемъ эта послѣдняя не могла удержать сердечнаго умиленія и прильнула своими толстыми, розовыми губами къ атласному плечику Юліи.

— Красавица моя барышня!

— Тепло сегодня, Дуняша?

— Ахъ, матушка, что за погода! — тепло, тихо....

— Знаешь ли, мнѣ хочется сегодня надѣть бѣлое платье, — тò кисейное, съ двумя оборками.

— Да развѣ гости будутъ, сударыня?

— Нѣтъ, не гости. А если бы и гости, такъ мнѣ хочется не для нихъ нарядиться, а для себя, для яснаго дня. Кому у насъ быть? Развѣ Марья Алексѣевна, Петръ Сергѣичъ, или тотъ рыжеусый маіоръ, чтò недавно съ тетенькой познакомился.

— А знаете-ли, сударыня? вѣдь вы ему больно приглянулись. Ономнясь подослалъ женщину, та и говоритъ мнѣ: что, красавица, пошла ли бы твоя барышня за маіора Бѣлкина? Не знаю-молъ, пошла ли бы; посватается, такъ узнаетъ. — Да ты, — говоритъ, — скажи ей, что она ему больно нравится. Такъ, ей Богу, и говоритъ-съ. А я ей

говорю: да я не смѣю. Ну ужъ какъ нибудь, говоритъ, да скажи.

При этомъ разсказѣ Юлія расхохоталась такимъ добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, какимъ она давно не смѣялась. Воображеніе представило ей маіора женихомъ; она уже видѣла, какъ онъ покручиваетъ свои рыжіе усы, потопываетъ, подбоченивается и мещетъ на нее своими маленькими водянистыми глазками нѣжные взоры. Дуняша также улыбалась, но не потому, чтобы маіоръ казался ей смѣшнымъ, — вкусъ у ней не былъ взыскателенъ, а потому, что звучный, серебристый смѣхъ Юліи дѣйствовалъ на нее магически.

Въ это время, у дверей комнаты послышалось бряканье чашекъ и дѣтскій голосокъ пропищалъ:— отворите! Дуня отворила. Вошла дѣвочка лѣтъ 11-ти, съ подносомъ, на которомъ были чашка чаю, молочникъ и груда сухарей. Все это прислала Анна Петровна, разливавшая сама чай въ это утро. Дѣвочка была робка и неловка, потому-что недавно взята изъ крестьянъ.

— Зачѣмъ это тетенька прислала сюда чай? я бы къ ней пришла, — подумала вслухъ Юлія. — Эти слова совсѣмъ озадачили дѣвочку; она остановилась въ недоумѣніи у дверей и не двигалась съ мѣста.

— Что же, Лиза, подойди, — сказала ей кротко Юлія.— Ахъ, да какой на тебѣ славный платокъ! — сказала она, потрепавъ дѣвочку по щекѣ; та вспыхнула и не выговорила ни слова, хоть въ сердчишкѣ у ней сильно пошевелилось желаніе разцѣловать добрую барышню.

— Кто-то къ намъ пріѣхалъ, — сказала Дуня,

глядя въ окно, выходящее на дворъ, гдѣ она увидѣла отъѣзжающія отъ крыльца дрожки.

— Кто же такъ рано? Давай скорѣй одѣваться.

— Да бѣлое-то платье еще не выглажено.

— Ну, дай какое-нибудь другое. Тетушка будетъ сердиться, она не любитъ быть одна съ гостями.

— Извольте надѣть лиловое.

— Давай хоть лиловое.

Юлія на-скоро одѣлась и вышла въ гостиную. Невольное: ахъ! — вырвалось у ней, когда она увидѣла тамъ молодаго человѣка въ щегольскомъ фракѣ.

— Вольдемаръ! — вскрикнула она радостно, подавая ему руку.

— Julie!

Юлія обрадовалась ему, какъ другу, какъ брату.

— Здоровы ли вы? вижу, что здоровы, — говорилъ онъ, глядя на ея пополнѣвшее и похорошѣвшее личико.

— Давно ли вы здѣсь? откуда? какъ? — спрашивала его Юлія. Анна Петровна, между тѣмъ, молча, улыбалась про себя.

— Я здѣшній житель, честь имѣю рекомендоваться. Я здѣсь на мѣсто Птицина.

— Ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто, — проговорила Анна Петровна.

— О, такъ вы теперь важное лицо! — сказала Юлія.

— Моя квартира близехонько отъ васъ; четыре комнаты окнами въ чей-то садъ, или скорѣе огородъ, потому-что не знаешь, чего больше, яблонь или грядокъ. Есть и цвѣтничекъ.

Владиміръ неутомимо говорилъ о Петербургѣ, о своей жизни тамъ.

— А что, отъ *нихъ* не получали писемъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Юлія и призадумалась.

Это воспоминаніе не помѣшало однако провести день свѣтло и весело.

— Вотъ какъ, Юленька, — сказала Анна Петровна, когда онѣ остались одни, — опять къ намъ пріѣхалъ!...

—

Спустя нѣсколько дней, Юлія вышла въ небольшой садикъ, въ которомъ Анна Петровна, съ материнскимъ попеченіемъ, возращала бобы, горохъ и другія овощи. День былъ ясный; яблони, рябина покрывались яркой зеленью. Осмотрѣвъ и покопавшись въ своемъ цвѣтникѣ, Юлія сѣла на скамейку, находившуюся у самаго забора, который въ этомъ мѣстѣ прислонился къ довольно-большому деревянному дому, окна котораго были почти совсѣмъ-заслонены густо-разросшимися рябинами.

— Весна, весна! опять слетѣла ты, волшебница, — подумала Юлія, — опять тѣснишься въ душу непостижимой отрадой. Чего хочешь ты отъ меня? зачѣмъ шепчешь несбыточныя надежды? зачѣмъ будишь уснувшія желанія? Не надо ихъ! спи, сердце! Богъ и природа пошлютъ тебѣ счастье, которое не въ силахъ ни дать, ни отнять человѣкъ.... Разсыпай же, весна, твои цвѣты, неси жизнь и счастье всему живому, — я не буду лишнимъ гостемъ на твоемъ пиру. Я упьюсь твоимъ очарованіемъ, залюбуюсь твоими красотами и благословлю Творца и жизнь....

— Здравствуйте, Юлія Павловна! — произнесъ надъ ней голосъ Владиміра.

Она сперва вздрогнула отъ неожиданности, потомъ невольно разсмѣялась, увидавъ въ окнѣ, между зеленью, улыбающееся лицо молодаго человѣка.

— Такъ вы здѣсь? — сказала она.

— Такъ это вашъ садъ? — воскликнулъ онъ,— пріятное открытіе!

— Вы давно сидите у окна?

— Все любуюсь на васъ. Еслибъ вы знали, какъ вы теперь хороши, между зеленью! Все бы глядѣлъ!

— Это новое!

— Нѣтъ, напротивъ, старое, давнишнее.

— Что вы хотите дѣлать?

— Вылѣзть отсюда. — Онъ ухватился за вѣтку.

— Да это безуміе! Вы упадете....

— Къ вашимъ ногамъ.

И онъ сдѣлалъ истиное сальто-мортале, поставившее его передъ Юліей, которая поблѣднѣла отъ страха.

— Я испугалъ васъ?

— Какъ не испугаться? Какая неосторожность!

— Что дѣлаетъ Анна Петровна?

— Ушла къ Аннѣ Степановнѣ.

— А вы?... О чемъ вы думали, какъ сидѣли на скамейкѣ?

— О томъ, что все вокругъ свѣтло и хорошо, что скоро зацвѣтутъ деревья, что въ природѣ есть чудесная, чарующая сила.

— Да, хорошо, ясно! А помните, какъ я уѣзжалъ отсюда, стала зима; мы прощались подъ шумъ вьюги. Что у васъ тогда было на душѣ?

— Страшная тоска. Я думала, что у меня недостанетъ силы жить.

— Я тоже. Знаете, я хотѣлъ воротиться, но *вы* сказали, что *это* пройдетъ; я и повѣрилъ вамъ, а вышло напротивъ, *это* не прошло.... — Послѣднія слова онъ произнесъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ. — Неужели еще вы несчастливы этимъ роковымъ воспоминаніемъ? Что вамъ этотъ человѣкъ? Вѣдь онъ не отдаетъ за васъ счастія всей жизни, а я готовъ это сдѣлать.... Онъ взялъ ее за руку и съ восторгомъ замѣтилъ, что рука ея дрожала. — Загляните въ свое сердце.... можетъ быть, тамъ живетъ для меня теплое чувство, можетъ быть.... Ахъ, Юлія Павловна! Какъ я люблю васъ! Я и самъ этого не зналъ прежде; разлука показала. Скажите мнѣ.... одно слово.... взгляните на меня!

Она подняла глаза, но тотчасъ опустила ихъ, встрѣтя страстный взоръ молодаго человѣка. Охваченная непобѣдимымъ очарованіемъ, она закрыла лицо руками, и склонивъ голову, чуть слышно проговорила слово любви и счастія.

— Когда же, Платонъ, исполнишь ты свое обѣщаніе? — говорила Катя мужу, — когда же мы поѣдемъ къ *ней?*

— Не знаю, мой другъ, — проговорилъ онъ лѣниво, ставя въ уголъ докуренную трубку. — Вотъ, вѣдь какъ дорога-то....

— Дорога хороша; третьяго дня пріѣхали Залѣнины; говорятъ, прекрасно доѣхали. Милый Платонъ! не медли, не мучь меня; поѣдемъ! Теперь же ты свободенъ, а тамъ откроется мѣсто по служ-

бѣ и опять на-долго отложится поѣздка. Подумай, мой другъ, — два года не видать ея! Это ужасно!

— Смѣшная привязанность! Что она тебѣ? не мать родная.

— Не будетъ мнѣ счастья безъ ея любви, безъ ея прощенія! Не мать! А кто научилъ меня мыслить, чувствовать, любить добро? кто окружалъ меня нѣжнѣйшими попеченіями? Все она, Платонъ. Поѣдемъ къ ней, утѣшь, успокой меня.

— Хорошо....

— Нѣтъ, мало что хорошо! Ты мнѣ дай слово нанять лошадей сегодня или завтра непремѣнно. Я хочу изъ устъ ея слышать прощеніе....

— Ужъ не прикажешь ли и мнѣ просить у ней прощенія?

— Можетъ быть, болѣе, нежели кому нибудь,— подумала Катя, которая не рѣшалась еще объяснить мужу мистицизмъ, окружающій для него Юлію. Притомъ же этотъ мистицизмъ бросалъ на жизнь Кати заманчивый покровъ поэзіи и тайны, и представлялъ вдали эффектную развязку, которая давно созрѣла въ головѣ мечтательной Кати.— Такъ не правда ли, Платонъ, голубчикъ мой, завтра или послѣ завтра?

— Терпѣть не могу, какъ ты называешь меня голубчикомъ! Что за голубчикъ! какая пошлая ласка!

— Вотъ еще! Что̀ тутъ дурнаго? Голубчикъ— это очень хорошо. Какіе у тебя капризы!

— У всякаго свои.

— Оставимъ это, милый Платонъ! Я никогда не назову тебя голубчикомъ, только дай мнѣ слово ѣхать. Мы поѣдемъ?

— Ну, поѣдемъ, — отвѣчалъ онъ тономъ, кото-

рый явно значилъ: нечего дѣлать, отвязаться отъ тебя.

— Завтра?

— Помилуй, Катя! собраться не успѣемъ.

— Успѣемъ, долго-ли? Я въ двѣ минуты соберусь. Такъ завтра, мой другъ? Да? — она поцѣловала его.

— А, вотъ, увидимъ, — сказалъ онъ мягче и ласковѣе.

—

На четвертый день послѣ этого разговора, въ 10 часу яснаго майскаго утра, на дворъ Анны Петровны въѣхала дорожная коляска, изъ которой выпрыгнула Катя, слегка облокотясь на руку слуги, покрытаго пылью и загаромъ. За ней вышелъ Симонскій. Въ прихожей встрѣтила ихъ незнакомая женщина, повязанная пестрымъ платкомъ, съ распущенными сзади концами; лицо у нее было доброе и глупое.

— Анна Петровна дома? спросилъ Симонскій.

— Julie здорова? въ одно время спросила Катя. Дома онѣ?

— Нѣту-тка, родимые. А вы роденька, что-ли?

— Да гдѣ она?

— Да ужъ въ церкви, родная.

— Какъ въ церкви? вскричала Катя, блѣднѣя, что это значитъ? она умерла?

— Какое умерла, матушка! Она ко суду Божьему поѣхала.

— Къ суду Божьему! Платонъ! вѣдь это значитъ вѣнчаться.

— Нешто, родная.

— Съ кѣмъ же, Боже мой?

— Съ бариномъ, матушка. Ужъ такой хорошій баринъ. Да пожалуйте въ горницу. Вѣдь я, вотъ, недавно изъ деревни, ничего еще не знаю. Вотъ, я дѣвицу позову.

Они вошли въ гостиную. Въ ней было такъ-же чисто и просто, какъ два года назадъ. Катѣ казалось, что каждая вещь улыбалась ей знакомо и дружелюбно; изъ каждаго уголка летѣло тайное привѣтствіе. Она съ жаднымъ вниманіемъ осматривала и портреты въ темныхъ рамахъ, и высокій шкафъ съ библіотекой покойнаго мужа Анны Петровны, и герань на окнахъ, и бронзовые часы на комодѣ, хитро вложенные въ корзину съ виноградомъ, которую несъ мальчикъ въ шляпѣ и съ посохомъ. Въ эту минуту она не промѣняла бы этого домика на великолѣпный дворецъ.

— Матушка Катерина Николаевна! вскричала вбѣжавшая Маша, и бросилась цѣловать руки своей прежней барышни.

— Маша! Что Julie? за кого она выходитъ?

— За вашего жениха, сударыня. Да, вотъ, и старая барыня ѣдетъ.

Она бросилась къ окну. Анна Петровна, запыхавшись, почти вбѣжала въ комнату. Лицо ея сіяло полною радостью.

— Давай хлѣбъ да соль, Марья! кричала она торопливо.

— Здѣсь, сударыня, сказала Марья, взявъ со стола блюдо, на которомъ лежалъ большой, вычурный хлѣбъ; въ срединѣ хлѣба вырѣзано было мѣсто, въ которомъ помѣщалась серебрянная солонка.

— Ну, держи, а я ихъ образомъ встрѣчу.

— Позвольте мнѣ замѣнить мѣсто Марьи, ска-

зала Катя, выходя изъ другой комнаты. Простите меня, тетушка! прибавила она умоляющимъ голосомъ, замѣтя, что тѣнь изумленія и досады пробѣжала по лицу Анны Петровны.

— Сегодня не такой день, чтобъ не прощать, Катерина Николаевна, хоть вы ушли отъ насъ, точно изъ разбойничьяго вертепа; васъ никто не стѣснялъ.... Извольте. Вотъ и они!

Новенькій, красивый фаэтонъ Владиміра подъѣхалъ къ крыльцу; за нимъ въѣхало двое пролетокъ; на однихъ сидѣли двое молодыхъ людей, на другихъ черноусый мужчина съ молодой, миловидной женщиной. Это были товарищи Владиміра по службѣ и единственные гости его скромной свадьбы.

Катѣ чуть не сдѣлалось дурно, когда въ дверяхъ зашумѣло вѣнчальное платье Юліи. Это платье было прозрачно, какъ туманъ, и бѣло, какъ горный снѣгъ. Юлія была въ немъ восхитительна. Померанцовые цвѣты дрожали на ея головкѣ; Владиміръ веселый и счастливый держалъ ее за руку, будто боясь, чтобъ она не улетѣла отъ него. Увидѣвъ Катю подлѣ Анны Петровны, Юлія остановилась, будто окаменѣлая.

— Катя! вырвалось у ней, заглушаемое волненіемъ.

Катя, безъ словъ, съ громкими рыданіями радости бросилась ей на грудь.

Только теперь вышелъ Симонскій изъ своего равнодушія; только теперь, на его лицѣ выразилось удивленіе — онъ узналъ Юлію. Какое-то непріятное чувство неловкости и досады пробѣжало у него по душѣ. Такъ это она — невидимое существо, надъ которымъ онъ часто посмѣивался?

Она — сестра Кати! Она!... Странная игра судьбы!... Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на прошлое, и ему все объяснилось. Въ это время Владиміръ подошелъ къ нему весело и дружески.

— Вотъ, это очень мило, Платонъ, съ твоей стороны, что ты сдержалъ давнишнее обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ на свадьбу!

— Ты не сердитъ на меня?

— Нисколько. Мы, кажется, оба довольны размѣномъ.

Симонскій хотѣлъ улыбнуться, но, странно, это легкое дѣло стоило ему большаго труда.

— Всякая непріятность между нами должна быть кончена, Вольдемаръ. Я виноватъ передъ тобою. И слава Богу, что это все такъ устроилось.

— Прости же и его, шептала Катя Юліи, привлекая ее къ окну, у котораго мужъ ея разговаривалъ съ Владиміромъ.

Юлія протянула руку Симонскому, взглянувъ на него съ неизмѣннымъ спокойствіемъ.

— Платонъ Михайлычъ! сказала она; нѣсколько лѣтъ назадъ, мы встрѣтились съ вами и полюбили другъ друга, теперь я вполнѣ убѣждена, что это было не что иное, какъ предчувствіе того, что мы современемъ будемъ родня.

— Сердце, мой другъ, также, какъ и умъ, имѣетъ свои ошибки, произнесъ Владиміръ, глядя на жену съ нѣжной улыбкой. Однако что-же, господа? милости просимъ ко мнѣ! Насъ ждутъ обѣдъ и шампанское.

Всѣ отправились на квартиру Владиміра. Юлія не могла не улыбнуться, когда сѣла у окна, изъ котораго, мѣсяцъ тому назадъ, Владиміръ выпрыгнулъ къ ней въ садъ.

—

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Опять нависла угрюмая осень, опять стучалъ въ окно мелкій дождикъ; спустился вечеръ темный и холодный; но въ домѣ у Владиміра было свѣтло и тепло. Онъ съ женой и Анной Петровной сидѣлъ около чайнаго стола. Юлія что-то весело разсказывала мужу и теткѣ, набрасывая на свой разсказъ игривый покровъ тонкаго комизма, часто срывавшаго улыбки слушателей. Анна Петровна попрежнему вязала вѣчный чулокъ; все вокругъ нихъ дышало ясностью невозмутимаго домашняго счастія.

Вошедшій слуга подалъ письмо, примолвя: — «почтальонъ принесъ».

— Ахъ, бѣдный! сказала Юлія, въ такую погоду! Отнеси ему чашку чаю. Это отъ *нашихъ*, Вольдемаръ. Она распечатала. Это тебѣ отъ Платона, а это мнѣ отъ Кати.

— Знаете, тетушка? сказалъ Владиміръ, прерывая чтеніе, они здѣсь имѣніе покупаютъ — усадьбу Жилово. Вѣдъ это въ 30-ти верстахъ отсюда.

— Вотъ, и Катя то же пишетъ, сказала Юлія, не отрывая глазъ отъ мелко-исписаннаго листа почтовой бумаги, и зоветъ къ себѣ на лѣто, по крайней мѣрѣ, на тотъ мѣсяцъ, въ который ты свободенъ отъ службы. Это очень-весело.

— Да, точно пріятно.

— Однако, дѣти, чай-то вашъ совсѣмъ простылъ, сказала Анна Петровна. Что-то много написано, послѣ прочитаете.

Письма были прочитаны; чайный приборъ исчезъ со стола, на которомъ остался сиротой одинъ стаканъ Владиміра. На собесѣдниковъ налетѣла одна изъ тѣхъ минутъ безотчетнаго молчанія, въ

которыя душа будто отвлечена чѣмъ-то высшимъ, невидимымъ, забываетъ мелочные житейскіе интересы и погружается въ созерцаніе чего-то необъяснимаго, духовнаго. Недаромъ говорятъ, что въ такую минуту тихій ангелъ пролетаетъ....

Сильный порывъ вѣтра хлеснулъ вѣтвями старой черемухи; молодые люди невольно взглянули другъ на друга.

— Пусть его злится, сказала Юлія, отвѣчая на взглядъ мужа, ему не удастся нагнать темнаго облака на наше счастье.

Владиміръ отвѣчалъ ей нѣжнымъ пожатіемъ руки.

—

Уже двѣ недѣли Юлія гоститъ у Симонскихъ. Въ первый разъ еще ей приходится быть въ деревнѣ, посреди природы; чудное дѣйствіе производятъ на нее поля, луга, деревья, свобода: она будто переродилась, ея взоръ горитъ чистымъ восторгомъ. Дочь служащаго человѣка, она съ рожденія всегда была жительницей какого-нибудь города. Очутясь среди неподдѣльныхъ красотъ волшебницы-природы, ея душа, казалось, обрѣла крылья, которыя уносили ее далеко отъ всего грустнаго и горькаго жизни. Она точно была счастлива чистымъ, свѣтлымъ счастіемъ, тонула въ блестящемъ, чудномъ мірѣ. Съ ней говорятъ цвѣты и шумящій рой насѣкомыхъ; къ ней наклоняются, будто живыя, трепещущія вѣтки деревьевъ; на нее черемуха сыплетъ душистый снѣгъ своихъ цвѣтовъ; надъ ней, въ тихій вечеръ, раскидывается звѣздное небо и несется плѣнительная пѣснь соловья,—пѣснь, отъ которой смол-

каетъ таинственная рѣчь деревъ и голубая струя останавливается, какъ очарованная, не смѣя дрогнуть, съ отразившимися въ ней небесами. Бываютъ, правда, и такія минуты, когда душа омрачается невольной тоской; но она умѣла ладить съ этой тоской, умѣла прогонять ее силой воли Ей одной принадлежала способность погружаться душой въ самые темные, въ самые возмутительные вопросы жизни, и выносить изъ нихъ, вмѣсто горькихъ умствованій, или отчаяннаго ропота, свѣтлую вѣру и покорность. Съ другой стороны она принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, которыя измѣняются туго и медленно, ничего изъ жизни сердца не отдаютъ даромъ, безъ бою, все уносящему времени. Ей сперва тяжело было встрѣчаться съ Симонскимъ; разговоръ и обращеніе съ нимъ требовали всевозможной ловкости и осторожности ума. Невозможно, чтобы мужчина смотрѣлъ безъ нѣкотораго участія и любопытства на женщину, нѣкогда любимую имъ и любившую его. Самолюбіе поминутно задаетъ ему вопросы: неужели она совсѣмъ разлюбила меня? неужели у ней не осталось и тѣни прежняго чувства? И, вотъ, онъ внимательно слѣдитъ за женщиной, въ надеждѣ подмѣтить эту тѣнь чувства; и чѣмъ скрытнѣе она, тѣмъ раздражительнѣе становится въ немъ желаніе узнать истину. Юліи нельзя было не замѣтить въ Симонскомъ подобнаго вниманія; она ловко оградила себя правами родства и дружбы, съ самымъ яснымъ спокойствіемъ называетъ его братомъ; говоритъ ему «ты»; смотритъ ему въ глаза свободно и прямо, и видитъ въ нихъ иногда мгновенную тѣнь досады и недоумѣнія. Послѣднее могло бы радовать ее, еслибъ она не

презирала такъ глубоко всѣ бездѣльныя и мелочныя потѣхи самолюбія, еслибъ не любила нѣжно Кати, еслибъ не уважала себя и не ставила долгъ выше всего. Сперва бывало ей грустно и тяжело, но потомъ, мало-по-малу, она успокоилась и такъ привыкла къ своей роли, что была увѣрена не измѣнить ей до конца и радовалась своей силѣ.

Былъ жаркій іюньскій день; солнце однако зашло уже за деревья Жиловскаго сада и бросало трепетную тѣнь на песокъ дорожекъ и на ступеньки балкона, по которымъ Юлія спорхнула въ зеленую, тѣнистую алею и поворотила въ сторону на большой, круглый лугъ въ саду, среди котораго возвышалась копна недавно скошеннаго сѣна. Она шаловливо опустилась на нее и осталась, полулежа, одной рукой поддерживая голову, а другой задумчиво стала выбирать изъ сѣна засохшіе цвѣты.

— Помилуй, Julie, сказала показавшаяся въ кустахъ Катя, я за тобой гонюсь, какъ тѣнь, а ты, какъ тѣнь, убѣгаешь отъ меня. Съ полчаса, какъ ищу тебя.

— Что это ты какая нарядная, мой другъ? сказала Юлія, бросивъ взглядъ на ея шелковое платье.

— Меня звали къ Синицинымъ на вечерній чай; она имянинница. Какъ жаль, что ты съ ней незнакома! вмѣстѣ бы поѣхали.

— Это ихъ домъ съ красной крышей видѣнъ отсюда?

— Ихъ. До свиданія!

— А твой мужъ не поѣдетъ? спросила Юлія.

— Нѣтъ, онъ ихъ не любитъ. Велѣлъ сказать, что нездоровъ. А гдѣ Вольдемаръ?

— Ушелъ съ ружьемъ. Прощай, моя Катя!

Она проводила ее за нѣсколько шаговъ и опять воротилась на свой сѣнной диванъ, опять задумчиво стала выбирать изъ сѣна скошенные цвѣты. Вечерній вѣтерокъ слегка колыхалъ ея волосы, въ которыхъ синѣли полуувядшіе васильки. Ея голубые глаза свѣтлѣли и темнѣли, полузакрываясь длинными рѣсницами; мало-по-малу, веселое, безпечное выраженіе ея лица преобразилось въ тихую, глубокую грусть. Но едва она замѣтила въ концѣ алеи пыльнаго цвѣта сюртукъ Симонскаго, эта грусть исчезла вмѣстѣ съ легкой тѣнью, мелькнувшею у ней между бровей. Когда онъ подошелъ къ ней, лицо ея снова стало безпечно и весело.

— Что ты не поѣхалъ къ Синицинымъ? спросила она его.

— Что тамъ дѣлать? задыхаться отъ жара въ комнатахъ, слушать цѣлые часы пустѣйшую болтовню этой бабы.

Онъ сѣлъ возлѣ Юліи. На западѣ разлилось цѣлое море огня и золота; до нихъ долеталъ вечерній ароматъ цвѣтовъ.

Напрасно они оба хотѣли говорить о чемъ-нибудь, предметы разговора исчезали, затемняемые самымъ желаніемъ уловить ихъ. Симонскій началъ первый.

— Мало тебѣ живыхъ цвѣтовъ, Julie? сказалъ онъ, ты набрала еще сухихъ.

— И они также жили.

— Жили да отжили. Любить отжившее, не все ли равно, что любить прошедшее; а вѣдь ты не любишь *своего* прошедшаго?

— Мнѣ жаль его, какъ преждевременно скошеннаго цвѣтка.

— Какъ тебѣ нравится то положеніе, въ которое поставила насъ судьба?

— Очень мило и ново....

Она улыбнулась съ легкой насмѣшливостью.

— Не застала бы Катю на дорогѣ гроза; да и Вольдемаръ на охотѣ; бѣдняжка! куда-то онъ укроется отъ дождя? сказала она помолчавъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ южной стороны заходила темносиняя туча, по которой, время отъ времени, пробѣгали огненныя змѣйки. Разлилась удушливая тишина.

— Нѣтъ, сказалъ Симонскій, ни ей, ни ему нечего бояться грозы. Что ты такъ пристально смотришь на тучу? Ужъ не хочешь ли остановить ее взглядомъ.

— Нѣтъ, въ ней самой есть что-то притягивающее; притомъ она нисколько не затемняетъ заходящаго солнца, видъ прелестный.

— Онъ еще лучше, вонъ, изъ той бесѣдки, — сказалъ Симонскій: пойдемъ туда.

Она подала ему руку. Бесѣдка стояла въ самомъ тѣнистомъ углу сада; но сквозь сѣтку окружавшихъ ее кленовъ открывался видъ на рѣку, церковь и темный лѣсъ съ убѣгающею далью. Удушливый воздухъ былъ напитанъ благоуханіемъ резеды и воздушныхъ жасминовъ. Туча находила все ближе. Зашумѣли и закачались гибкія вершины кленовъ; удары грома становились чаще и сильнѣе.

— Julie! сказалъ вдругъ Симонскій и голосъ его какъ-то странно слился съ шумомъ грозы, — вѣришь ты въ судьбу?

— Да, но я не фаталистка, я не сваливаю на нее всѣхъ глупостей сердца и ошибокъ ума....

Она отвернулась и продолжала смотрѣть въ даль глубокимъ, вопрошающимъ взоромъ.

— Julie! продолжалъ Симонскій, взволнованнымъ голосомъ, приближаясь къ ней; полно! Кончимъ эту комедію! Ничто не увѣритъ меня, что это не комедія! Ты завела мою душу въ потемки; я хочу свѣта; сомнѣніе невыносимо. Скажи.... Скажите, что вы меня простили.... что въ вашей душѣ нѣтъ никакого чувства затаенной ненависти.... или, что вы ненавидите меня.... Что нибудь, только вѣрное, истинное! Умоляю именемъ прошедшаго!...

Она вздрогнула и выпрямилась.

— Чего вы хотите? Было время, когда я точно была близка къ ненависти, и это чувство было для меня слишкомъ тяжело.... Теперь оно прошло, я желаю вамъ добра; это, по моему, значитъ простить.... Вотъ вамъ правда. Я никогда не лгала передъ вами, оттого вы и разлюбили меня.... Но.... вѣдь вы братъ мнѣ? братъ! сказала она, задушая волненіе, въ этомъ имени есть свое прекрасное счастье.

— Правды, Julie, правды! Ради всего святаго!

— Я сказала правду, Платонъ; не спрашивай меня больше.... Мнѣ тяжело....

Голосъ ея задрожалъ, она не могла скрыть слезъ, выступившихъ на глаза.

— Такъ это что же значитъ, мой другъ? такъ это что же значитъ?... сказалъ онъ, остановясь передъ ней съ выраженіемъ неотразимой нѣжности.

Розовый лучъ заката падалъ на его смуглое, вспыхнувшее страстью лицо, и ей показалось, что все ея прошедшее счастье воскресло и олицетворилось въ этомъ образѣ.... Она хотѣла уйдти, но осталась неподвижною, окованная непобѣдимымъ очарованіемъ. Ей вдругъ стало душно и страшно; она пошатнулась и упала бы, еслибъ онъ не поддержалъ ее. Но она тотчасъ опомнилась....

— Забудьте эту минуту! говорила она тоскливо, отнимая свою руку. Это такъ.... это только сила прошедшаго.... Забудемъ его!...

— Забудьте, если это вамъ такъ легко, отвѣчалъ онъ, что-же касается до меня, то забвеніе и память не въ моей власти.... Послушайте, продолжалъ онъ, только теперь, только въ эту минуту, я понялъ, что люблю.... т. е. любилъ васъ истинно, потому-что ваше вліяніе надо мной пережило вліяніе многаго и многихъ. Я потерялъ васъ навсегда; чувствую это и скорблю; но обвинять мнѣ въ этомъ некого.... Я забывалъ васъ долго; это не могло не оскорбить вашей гордости, вашего чувства. Отчего и какъ это сдѣлалось, я не умѣю, не хочу объяснять.... Но, какъ бы то ни было — я хочу, чтобъ мы разстались друзьями, чтобъ вы простили меня. Мы разстаемся только теперь; завтра я буду для васъ чужой.... Но теперь.... Эта минута — минута разлуки вѣчной.... Мы умираемъ другъ для друга.... Дайте же вашу ручку, не отворачивайтесь отъ меня....

Онъ былъ искрененъ. Голосъ его дрожалъ; онъ былъ блѣденъ. Она тихо плакала. Надъ ней опять грозной тучей повисла сила прошедшаго.... Ея рука дрожала въ его рукѣ. Все, что, до сихъ поръ, сдѣлала она надъ собой силою своей воли, убѣга-

ло изъ ея души, какъ туманъ отъ лучей солнца.... Уста ихъ встрѣтились....

— Julie! гдѣ ты, куда пропала? раздался въ ту же минуту голосъ Владиміра. Какъ можно сидѣть въ саду въ такой дождь!...

Этотъ голосъ показался ей звукомъ послѣдней трубы. Она, сама не понимая, что̀ дѣлаетъ, выпрыгнула въ противуположную дверь бесѣдки, и исчезла въ кустахъ.

— Ты ищешь Julie? сказалъ Симонскій, выходя къ Владиміру навстрѣчу. Она вѣрно дома. Ай, какой дождь! Давно ли?

— Да ты спалъ, что-ли? сказалъ Владиміръ. Съ полчаса, какъ льетъ.

— Да, я уснулъ; ты разбудилъ меня своимъ крикомъ. Да ты весь промокъ, и, какъ разъ, къ чаю пришелъ. Войдемъ поскорѣе.

Когда Владиміръ вошелъ въ чайную, Юлія сидѣла за самоваромъ и встрѣтила его привѣтливой улыбкой, жалѣя, что онъ промокъ, и опасаясь за его здоровье. Лицо ея было спокойно, но чрезвычайно блѣдно. Въ этотъ вечеръ взоръ ея ни разу не встрѣтился со взоромъ Симонскаго. Она не шутила съ нимъ по-прежнему, но была холодна и молчалива....

— Ты ужъ не поссорилась ли съ Платономъ? спросилъ ее Владиміръ, когда они остались одни.

— Нѣтъ, отвѣчала она. А ты скоро ѣдешь домой, Володя?

— Черезъ три дня, мой другъ. Ты знаешь, что отпускъ мой кончается. Чрезъ двѣ недѣли, я пріѣду за тобой; но дольше, ради Бога, не оставайся здѣсь, я съ ума сойду отъ скуки.

— Я поѣду съ тобой, сказала Юлія.

— Неужели? Какъ ты добра, мой ангелъ! Но это жертва.... тебѣ такъ хорошо въ деревнѣ; Катя такъ проситъ....

— Я поѣду съ тобой, Вольдемаръ. Мнѣ скучно безъ тебя, безъ тетушки.

И черезъ три дня, не смотря на просьбы Кати и Платона, она уѣхала съ мужемъ домой....

1851.

LBЛр'30

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0002328957A